

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ժ. Հ. ԱՆԱՆՅԱՆ

ԳՐԻԳՈՐԻՈՊՈԼԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԳԱՂՈՒԹԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1969

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Ж. А. АНАНЯН

АРМЯНСКАЯ КОЛОНИЯ ГРИГОРИОПОЛЬ

Дорогим Айчелик
Амазасповне и Ашоту
Тарегиновичу с любовью

май 1969г. Жере

Пром
688

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1969

В работе рассматривается история армянского города-колонии Григориполя на фоне внешнеполитического и внутреннего развития как России, так и собственной Армении. Акцентируя внимание читателя на проблеме возникновения армянских поселений на юге России и на вопросах социально-экономической, политической и культурной жизни колонии, автор особо останавливается на проблеме связей армянских поселений с Арменией, в частности, в аспекте участия григорипольцев в освободительной борьбе армянского народа первой трети XIX века. Книга написана на основе архивных источников, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот.

ВВЕДЕНИЕ

Армянские колонии в России сыграли важную роль в развитии и упрочении армяно-русских отношений, во взаимном общении и сближении армянского и русского народов.

Однако обстоятельное изучение армянских колоний в России фактически началось лишь недавно. Советские армянские историки ведут исследование этой важной как в научном, так и в политическом отношении проблемы в двух направлениях: 1) поселения армян рассматриваются на общем фоне истории армянских колоний (в том числе и на фоне армяно-русских отношений), 2) ведется исследование каждой колонии в отдельности. К первой группе работ относятся прежде всего двухтомная монография профессора А. Г. Абрамяна¹, посвященная краткой истории почти всех армянских колоний за рубежом, и работа В. К. Восканяна², излагающая ряд теоретических положений о возникновении армянских поселений в России. Вторая группа работ состоит из монографий, диссертаций и отдельных статей, освещающих историю той или иной колонии, расположенной на территории российского государства. Это—монографии В. А. Микаеляна³ (армянская колония в Крыму),

¹ А. Г. Աբրահամյան, *Համառոտ տրվողիմ հայ դադրավայրերի պատմության*, հ. 1, Երևան, 1964, հ. 2, Երևան, 1967:

² Վ. Կ. Ոսկանյան, *Ռուսաստանում հայկական դադրավայրերի առաջացման պատմությունից*, «Լրագիր հասարակական գիտությունների», 1966, № 2:

³ Վ. Ա. Միքայելյան, *Ղրիմի հայկական դադրվի պատմություն*, Երևան, 1964:

В. Б. Бархударяна⁴ (армянская колония в Новой Нахичевани), публикация Ф. Г. Погосяна (Судебника астраханских армян)⁵ и диссертации А. Н. Юхта⁶ и В. А. Хачатуряна⁷ (армянская колония в Астрахани).

Настоящая книга, посвященная истории Григорипольской армянской колонии, является продолжением серии монографических исследований об армянских поселениях в России. В этой связи следует отметить, что Григориполь так же, как и Новая Нахичевань, был основан в Северном Причерноморье. Возникнув в результате переселения армян во второй половине XVIII столетия на юг России, эти колонии (г. Новая Нахичевань и г. Григориполь) отличались от других армянских поселений, расположенных на территории России, тем, что с самого же начала они были основаны как армянские города-колонии. Другая отличительная черта, относящаяся только к Григориполю, в том, что эта армянская колония, расположенная в свое время на юге России (одновременно—и на юге Украины), в дальнейшем связала свою судьбу также и с Молдавией.

Поэтому изучение истории основания, социально-экономической и общественной жизни Григорипольской колонии представляет особый интерес, поскольку история этой колонии является отражением не только армяно-русских, но также армяно-украинских и армяно-молдавских связей. Последнее обстоятельство представляет тем большую ценность, поскольку в армянской советской историографии до сих пор нет более или менее развернутого исследования об армянских колониях на территории Молдавии.

Между тем наша советская историография чувствует настоятельную потребность в подобного рода исследованиях, так как, находясь на территории, где проживали

⁴ Վ. Բ. Բարխուդարյան, *Նոր-Նախիջևանի գաղութի պատմություն* (1779—1861 թթ.), Երևան, 1967:

⁵ «Դատապատճառքի Սատրապանի Հայոց», Երևան, 1967:

⁶ А. Н. Юхт, Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII века, Ереван, 1959 (рукопись).

⁷ В. А. Хачатурян, Астраханская армянская колония во второй половине XVIII века, Ереван, 1965 (рукопись).

три дружественные нации—русские, украинцы и молдаване, армянский город-колония оставил заметный след в политической, социально-экономической и культурной жизни названных народов. Очень трудно всесторонне изучить историю народов южной окраины России, не зная истории указанных армянских городов-колоний. Стало быть, история Григориопольской колонии представляет научный интерес не только для арменистики, но и для русской, украинской и молдавской историографии.

История этой колонии, кроме как в наших статьях, не освещена в литературе. Только в первом томе упомянутого труда профессора А. Г. Абрамяна в связи с повествованием о возникновении армянских колоний в России говорится и о Григориополе. Более частные упоминания об этом городе имеются в произведениях Лео⁸, Бжншкяна⁹ и других авторов.

Изучая историю Григориопольской армянской колонии, нельзя обойти такую проблему, как вопрос о заселении армянами юга России, который можно рассмотреть в двух переплетающихся аспектах—внутренне-армянском (как предпосылка и подготовка к возрождению Армении на своей исторической родине) и русско-колонизационном.

Сама история основания города является конкретным проявлением армяно-русских, армяно-украинских и армяно-молдавских связей. Так, активное участие в переселении многочисленных армянских семей на левый берег Днестра принимали русские войска, русские полководцы и, в частности, М. И. Кутузов; под главенством армянского магистрата и под одной крышей с армянами жили три дружественные нации: русские, украинцы и молдаване.

Основанный прежде всего как торговый город Григориополь после получения от правительства льгот и привилегий стал играть заметную роль в экономической жизни южного края России. Предпринимательская деятельность григориопольских промышленников, например, выходила за пределы губернского и даже рос-

⁸ Առ. Հովսեփ Կաթողիկոս Արղուսեան, Թիֆլիս, 1902.

⁹ Բժշկեան Միքայել, Ճանապարհորդութիւն ի Հնչաստան և յայլ կողմանս քնակալու ի Հայկազանց Անի քաղաքին, Վենետիկ, 1830:

сийского значения. Животное сало, вырабатываемое в григоринопольских салотопнях, через Одессу отправлялось на заграничные рынки, а кожевенные изделия заводов армянской колонии находили широкий спрос на внутреннем рынке.

Наличие имущественной дифференциации и социального расслоения в среде жителей григоринопольской колонии, а также давление крупного купечества и магистрата на бедноту порождали острые противоречия в Григоринопольской колонии и в конечном итоге привели к открытому выступлению низов.

Те привилегии и льготы, которые были получены григоринопольскими армянами, со временем потеряли свою силу. При этом большинство из них нарушалось самим правительством, что постепенно приводило к уравниванию армянской колонии с другими городами южного края России. Поэтому усилия армянской общественности в течение длительного времени были направлены на сохранение предоставленных им льгот и привилегий.

Григоринопольская колония, как и другие армянские поселения в России, была тесными узами связана со своей родиной—Арменией. Отголоски событий, происходивших в далекой Армении, доходили и до Григориополя. Более того, общественность города оказывала свое сильное содействие освободительной борьбе армянского народа в первой трети XIX века.

В середине этого столетия Григоринополь был уже многонациональным городом. В нем, наряду с армянами, проживали молдаване, русские, украинцы, евреи и другие. В 40-х годах представители молдаван и русских даже вошли в состав городской думы. Таким образом, договоры (заключаемые Григоринопольской думой с неармянским населением города), которые до этого регулировали правовые и экономические отношения между городскими властями и нациями, проживавшими в Григоринополе, потеряли свою силу.

После проведения в 60—70 годах XIX в. буржуазных реформ исчезли последние остатки органов армянского самоуправления. И поэтому говорить о существовании в тот период армянской колонии, разумеется, нельзя. Но армяне сохранили в Григоринополе свою общину, которая активно действовала еще долгое время.

Глава первая

ПРЕДПОСЫЛКИ ОСНОВАНИЯ ГРИГОРИОПОЛЬСКОЙ КОЛОНИИ

Россия являлась одной из тех стран, на территории которой со времен средневековья возникали поселения армян. Однако наибольшее количество армянских поселений в России образовалось в XVIII веке: в городах Кизляре (1735 г.) и Моздоке (1724 г.). Во второй половине века возникла еще одна армянская колония—Новая Нахичевань (1779 г.). Следует при этом отметить, что не случайно почти все армянские поселения, возникшие в XVIII веке в южных пределах Российской империи, были основаны на вновь приобретенной Россией территории. Это объясняется тем, что русское правительство в XVIII в. в интересах развития торговли и освоения малозаселенных мест стремилось к созданию на юге России армянских поселений.

Обстоятельства, связанные с подготовкой и основанием на южной окраине России новой колонии—Григорополя, подтверждают приведенную выше мысль. Вместе с тем эти обстоятельства помогают вскрыть внутренние пружины, способствовавшие рождению на юге русского государства новых армянских городов-колоний и, в частности, Григорополя.

В 1787 г. началась русско-турецкая война. После трехлетней кровопролитной войны Россия сумела наконец склонить своего противника к миру. Он был подписан видным русским дипломатом А. А. Безбородко в Яссах 29 декабря 1791 г.

Казалось, что никакие заботы уже не должны омра-

чать русское правительство, русский двор. В конце концов за Россией было закреплено Северное Причерноморье, русские торговые суда получили возможность беспрепятственного плавания по Черному морю, окончательно была разрешена крымская проблема. К тому же Турцию заставили смириться с ситуацией, создавшейся в Молдавии, Бессарабии и Грузии. Наконец, огромная область, лежащая между Бугом и Днестром, область, именуемая «Очаковской», вошла в состав Российской империи.

Но именно последнее обстоятельство, пожалуй, более всего беспокоило правящие круги России. Беспокойство в том смысле, что экономические интересы дворянства и купечества требовали закрепления выхода России к Черному морю, требовали благоустройства вновь приобретенной территории и ее скорейшего заселения и освоения. Это были новые и вместе с тем старые заботы.

Рост производительных сил, прогрессировавший в России во второй половине XVIII столетия, заставил правительство Екатерины II вплотную заняться разрешением восточного вопроса. Господствующие классы, как никогда раньше, почувствовали потребность в новых землях и расширении торговли. Занятие территории между Бугом и Днестром и «Очаковской» области, присоединение Крыма и строительство флота на Черном море — тоже суть звенья той цепи внешнеполитических мероприятий России, которые являлись основными компонентами восточного вопроса. Непосредственно он упирался в вопрос развития капитализма в России. Наличие плодородного Юга представляло для России в экономическом отношении чрезвычайную важность. Поэтому освоение Юга и его заселение стало «делом правительственных соображений»¹. В условиях напряженного внешнеполитического положения на Востоке русское правительство стремилось возможно скорее заселить пограничные районы. При этом оно «делало ставку на казенных крестьян и другие незакрепощенные сословия»². Одновременно правительство не могло не учесть

¹ «Записки Одесского общества истории и древностей» (ЗОИИД), т. VII, Одесса, 1868, стр. 130.

² *Е. И. Дружинина*, Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., М., 1959, стр. 90—91, 122.

того важного обстоятельства, что при естественном движении одного русского населения к югу колонизационный процесс значительно бы замедлился.

При наличии крепостнических отношений, когда основной контингент населения страны—крестьянство—лишен свободы передвижения, когда число свободных, вольных людей уменьшалось, для ускорения процесса заселения Юга нужно было выискать дополнительные людские ресурсы. Вот почему русскому правительству пришлось прибегнуть к иностранной колонизации.

Идея вызова иностранцев в Россию была не новой: она имела свою историю.

Для развивавшегося мануфактурного производства и промышленности России нужны были все новые кадры квалифицированных мастеровых, а рост товарно-денежных отношений требовал опытных торговцев.

Предшественники Екатерины II применяли практику посылки комиссаров в Западную Европу для вербовки мастеровых, ремесленников и купцов. Особые преимущества предоставлялись последним³.

В тот период колонизация находилась на начальном этапе своего развития. Она отличалась малыми масштабами и порой носила случайный характер. Правительство Екатерины II, продолжая практику своих предшественников, старалось расширить и углубить колонизацию, ввести ее в более организованное русло.

22 июля 1763 г. русским правительством были обнародованы законодательные акты⁴, положившие начало систематической иностранной колонизации в России. Одним из этих актов явился «Манифест о даруемых иностранным переселенцам правах и преимуществах». Манифест предоставлял колонистам целый ряд привилегий и льгот. А на основании указа об учреждении «канцелярии опекунов иностранных» был создан особый институт, занимавшийся иностранной колонизацией.

В это же время появились специалисты и даже тео-

³ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 349, л. 2 и об.

⁴ «Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)», т. XVI, № 11879 и 11880.

ретики данного вопроса, одним из которых был сановник екатерининского времени Иосиф Каниц. Под колониализмную политику России Каниц подводил следующий теоретический фундамент: «Каждое великое государство должно приходить в расслабление, ежели недостаточно оно такими людьми, которые могут употреблять в дело разныя оного произращенія и обогащая общество деланными по художеству своему товарамъ и вещьми и делить от избытка своего часть оных другим народам»⁵. Здесь нельзя не усмотреть кое-что от теоретических положений и практических выводов Кольбера, знаменитого министра Людовика XIV. Эти идеи оказались кстати для русского правительства, стремившегося в сжатые сроки освоить огромные пространства Новороссийского края.

Политика правительства по отношению к поселенцам прошла определенные этапы. Если до русско-турецкой войны 1768—1774 гг. переселенческая струя носила равномерный и не столь интенсивный характер, то уже на период между двумя военными кампаниями (1768—1774 и 1787—1791 гг.) и особенно после Ясского мира 1791 г. падает основной поток колонистов.

В общей истории русской колонизации история заселения Новороссийского края представляет собой крайне своеобразную страницу. Любопытно то обстоятельство, что местность, получившая впоследствии название Новороссийского края, была в то время почти пустыней по причине сознательного противодействия к ее заселению со стороны России и Турции. В договорах, которые Россия заключала с Турцией в XVII и даже в начале XVIII века, ставилось непременно условием, чтобы между владениями той или другой державы оставалось некоторое пространство совершенно незаселенным.⁶

Русская императрица подразумевала именно Новороссийский край, когда писала, что «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которыя ни населены, ни же обработаны. Итак не можно сыскать довольно ободрений к

⁵ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 349, л. 15.

⁶ См. П. К. Щербальский, Потемкин и заселение Новороссийского края, стр. 130—131.

размножению народа в Государстве... Чтсбы восстано-
вить Державу, обнаженную от жителей, напрасно будем
ожидать помощи от детей, могущих впредь родиться.
Надежда сия вовсе безвременная; люди, живущие в сво-
их пустынях, не имеют ни ободрения, ни же рачения. По-
ля, могущие пропитать целый народ, едва дают прокор-
мление одному семейству»⁷.

Освоение края правительство Екатерины II проводи-
ло путем строительства сел, городов и городов-колоний,
путем устройства колоний иностранных поселенцев и
населенных пунктов.

Наплыв переселенцев после Кючук-Кайнарджийско-
го и Ясского договоров побудил правительство оставить
в силе изданный 22 марта 1764 г. «План о раздаче в
Новороссийской губернии казенных земель к их заселе-
нию». На основании этого документа было наделено
землей множество иностранных семейств, вызванных из-
за рубежа после Кючук-Кайнарджийского мира.

По подсчетам Е. И. Дружининой, в этот период в
Новороссийский край прибыли представители одиннадца-
ти наций⁸. Среди них армяне не фигурируют, что на
первый взгляд кажется странным, поскольку вместе с
вышедшими из турецких областей молдаванами там
проживало весьма значительное число армянских семей-
ств.

Читателя может заинтересовать и другое непонятное
на первый взгляд явление. После 1791 г., то есть спустя
семнадцать лет со времени заключения Кючук-Кайнар-
джийского мира (1774 г.), картина резко меняется. На
этот раз одну из основных переселенческих групп состав-
ляли армяне.

Чем же это все объяснить, волей ли случая?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно рас-
смотреть положение Армении во второй половине XVIII
столетия.

В этот период Армения продолжала оставаться под
гнетом Османской Порты и Персидского государства.

⁷ Г. Писаревский, Из истории иностранной колонизации в Рос-
сии в XVIII веке, СПб., 1909, стр. 45—46.

⁸ См. Е. И. Дружинина, указ. соч., стр. 54.

К началу века сефевидская Персия уже начала терять былую мощь, между тем как султанская Турция сохраняла свои позиции. В политической обстановке того времени, как известно, карабахские меликства являлись единственными остатками армянской государственности и одновременно основными очагами национально-освободительного движения армянского народа.

Руководители армянского освободительного движения главную надежду возлагали на Россию, прекрасно понимая, что помощь русского государства явится необходимой предпосылкой освобождения армян.

Объективные условия, возникшие на Востоке и в Закавказье во второй половине XVIII столетия, послужили основной причиной того, что Россия вновь серьезно заинтересовалась армянским вопросом.

Поскольку освободительные идеи деятелей армянского национального движения совпадали с интересами русской восточной политики, русское правительство решило использовать подъем освободительного движения в Восточной Армении для укрепления своих позиций в Закавказье.

Для России Закавказье представлялось новым удобным плацдармом против Турции. В этом заключалось военно-стратегическое значение Закавказья. Но и в 80-х годах XVIII столетия, и тем более в его первой половине Россия еще не ставила перед собой непосредственно задачи присоединения владений армянских меликов*. И в самом деле, трудно предположить, чтобы Россия при слабом развитии производительных сил, наряду с колонизацией Новороссии, располагала средствами для экономического и военно-политического освоения Закавказья.

Поэтому ориентация армянского народа на Россию

* В декабре 1800 г. члены Государственного совета Воронцов и Кочубей писали, что «Екатерина Вторая, обратив, так сказать, с самого начала царствования своего все внимание к завоеванию и уничтожению главного России неприятеля—турок, не имела, сколько впрочем политикою азиатскую и занималась, намерения присоединить Грузию к скипетру своему». ЦГИА СССР, ф. «Собственной Е. И. В. канцелярии», № 1409, оп. 1, л. 1934, л. 17 об.

и русский народ и общность их интересов не были связаны с перспективой аннексирования Россией армянских земель, а они возникли лишь на почве политической и военной помощи, оказываемой ею армянскому народу в освободительной борьбе против турецких и персидских угнетателей.

Именно благодаря такой политике помощи Россия и смогла привлечь деятелей армянского освободительного движения на свою сторону. Это обстоятельство имеет немаловажное значение для уяснения глубинных процессов, происходивших во второй половине XVIII столетия на юге России и в Закавказье.

Именно в этот период в России сформировалась группа политических деятелей-армян, взявшая в свои руки руководство освободительным движением армянского народа. Их наиболее яркими представителями являлись Иван Лазарев и архиепископ Иосиф Аргутинский.

Как известно, Аргутинский прибыл из Армении в Россию всего лишь за год до подписания Кючук-Кайнарджийского мира, но уже к концу 70-х годов он фактически стал наиболее влиятельным руководителем российских армян.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг., поставившая христианские народы Востока под покровительство России, привела к активизации проживавших в России армян. Из их среды вышли не только проект, предусматривавший освобождение армянских областей и воссоздание независимого армянского государства под протекторатом России, но и идея переселения в Россию рассеянных по свету армян, в частности из турецких областей. При этом программа концентрации армян на российской территории являлась производной от программы образования самостоятельного армянского государства и была подчинена последней. Если о наличии второй программы нам достоверно известно из источников, то о реальности первой мы можем говорить, не только основываясь на содержании публицистической литературы индийских армян, а в основном исходя из линии поведения деятелей армянского освободительного движения и русского пра-

вительства в период между 1774 и 1787 годами, то есть между двумя войнами.

Хронологические рамки взяты не случайно, поскольку вряд ли можно предположить, что до приезда Аргутинского в Россию существовала бы подобная программа. Именно с деятельностью российских армян, активизировавшихся после Кючук-Кайнарджийского мира и приезда Иосифа Аргутинского, можно связать возникновение проекта переселения в российские пределы армян, в частности с территории, подвластной Османской Порте. Вывод армян в 1779 г. из Крыма в Россию и основание города-колонии Новая Нахичевань послужили, как мы полагаем, первым шагом на пути осуществления этой программы.

В исторической литературе справедливо отмечается, что, переселяя армян и греков из Крымского ханства в пределы России, правительство преследовало как политические, так и экономические цели. Но при этом нигде не упоминается такое немаловажное обстоятельство, как заинтересованность самих руководителей армянского освободительного движения в подобном переселении.

Факты говорят о том, что в этот период в далекой Индии среди деятелей армянского освободительного движения (их наиболее яркими представителями являлись, как известно, Шаамир Шаамирян и Мовсес Баграмян) возникает идея переселения индийских армян в Россию. Почти одновременно эта идея возникла и у руководителей российских армян, распространивших ее среди своих соотечественников, проживавших под иранотурецким и татарским игом*.

Великая «северная держава» должна была стать временным пристанищем обездоленной нации, находившейся в ожидании «долгожданного дня, когда армяне смогут переселиться из чужих краев на родину, в родную

* Весьма возможно, что идея переселения армян на территорию России заимствуется руководителями индийских армян у Лазарева и Аргутинского, поскольку уже в 1779 г. (основание города-колонии Новая Нахичевань) эта идея нашла свое практическое воплощение, между тем как у армянских деятелей Индии она письменно была изложена в «*hizmetler*»-е только в 1783 г. См. примечание 9.

«араратскую страну», и жить там под сенью армянских законов»⁹.

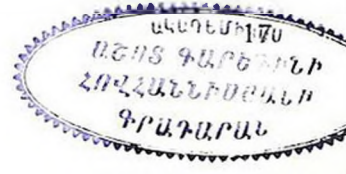
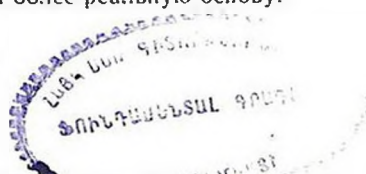
21044
889
Теперь становится понятным, почему такие видные деятели армянского освободительного движения, как Иван Лазарев и Иосиф Аргутинский, сыграли определенную роль в реализации политических планов русского правительства в Крыму. Здесь мы имеем наглядный пример того, как интересы армянской общественности переплелись с интересами русского государства. Если перед руководителями армянского освободительного движения стояла задача высвобождения крымских армян из-под татарского гнета, если они надеялись использовать обещанные русским правительством армянскому городу органы самоуправления как практическую школу подготовки кадров политических деятелей для будущей независимой Армении*, то правительство Екатерины II преследовало другие цели. Переселяя основную массу ремесленного и торгового населения Крымского ханства, то есть армян и греков, Россия фактически экономически ослабляла своего потенциального противника. К тому же на армянские поселения неограниченного Юга правительство Екатерины II возлагало надежды, связанные с развитием торговли и ремесел, введением культур виноградарства и садоводства.

Именно под углом переплетения интересов России и армянских деятелей нужно рассматривать, как нам кажется, также и планы по привлечению нового потока армянских переселенцев, разработанные русским правительством совместно с руководителями российских армян в конце 80-х годов XVIII столетия.

Для уяснения отдельных сторон этого плана большой интерес представляет миссия Степана Давтяна в России.

⁹ А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия, Ереван, 1947, стр. 157; см. также «Տնտրակ որ կուի նշանակ վանն կառավարելոյ որոնց և անոնց կտակ նշելոց», Մատրաս, 1783, стр. 5, 55, 74:

* В этой связи следует отметить, что после возникновения города Новая Нахичевань программа переселения армян на юг России приняла более реальную основу.

В 1784 г. после ряда просьб русского командования, а также по настоянию самого Аргутинского о присылке в Россию делегата араратских армян и меликов ереванские армяне выделили из своей среды Степана, отправив его к генералу П. С. Потемкину в Георгиевскую крепость. Любопытно отметить, что годом раньше, когда встал вопрос о посылке в Россию уполномоченного араратских армян, выбор пал не на Степана, а на Хубова¹⁰.

Трудно, конечно, объяснить, чем руководствовался Эчмиадзин при выборе делегата. Ясно лишь одно, что эта смена произошла неспроста¹¹. Сын Степана Давид объяснял выдвижение своего отца знатностью их рода, идущего якобы от Давид-Бека. «...Избрали из первых чиновников отца моего,—пишет он,—...по силе особенного его пред всеми прочими преимущества, коим отец мой к шаштию мог отличаться, что по знатности рода своего... имел дружескую связь со многими турецкими и персидскими чиновниками»¹².

Подобную мотивировку вряд ли можно считать серьезной, но факт упоминания близости Степана Давтяна с турецкими и персидскими чиновниками, приведенный Давидом в конце первой четверти XIX столетия, удивительно совпадает с данными самого Степана.

В одном из деловых писем 1793 г. он повествует: «По прибытии моем 1784 году в Россию, его превосходительство Павел Сергеевич (генерал Потемкин. — Ж. А.), отдавая справедливость трудам моим, употребленным прежде еще в порученной мне комиссии в Персии, где два года секретно содержа лазутчиков на своем коште и узнавая об обстоятельствах соседних народов, уведомлял его о том, с рекомендацією отправил к его светлости покойному князю Григорию Александровичу (Потемкину — Ж. А.) в Санкт-Петербургу»¹³.

¹⁰ См. А. Р. Иоаннисян, указ. соч., стр. 118.

¹¹ А. Р. Иоаннисян смену делегатов объясняет тем, что Хубов в то время не смог поехать в Россию. См. А. Р. Иоаннисян, указ. соч.

¹² Институт древних рукописей имени Маштоца при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран), архив Ашота Иоаннисяна, папка 244, док. 274.

¹³ ЦГАДА, Госархив, ф. 15, д. 235, л. 2—2об.

Таким образом, выходит, что Степан фактически состоял на службе у генерала П. С. Потемкина, следовательно, последний хотя и заочно, но хорошо знал делегата араратских армян. В этой связи уместно предположить, что мнения русского командующего и армянского архиепископа сыграли решающую роль в подборе представителя армян.

Документальные данные свидетельствуют о том, что генерал П. С. Потемкин действовал через Иосифа Аргутинского, находившегося в тот период у него: «...По приказанию сного ж генерала (П. С. Потемкина. — Ж. А.) писано было от меня в Арарат о присылке знатного человека...»¹⁴. Об этом же свидетельствует письмо Аргутинского Лазареву, в котором он писал, что действует по предписанию «Павла Сергеевича»¹⁵.

В лице Степана правительство имело человека, превосходно информированного о внутренних делах Турции и Персии. В связи с подготовкой персидского похода он мог оказать большую услугу русскому войску. К тому же правительство Екатерины II желало иметь в своей столице полномочного посланника армянской нации. Вот почему генерал П. С. Потемкин, встретив Степана на линии, незамедлительно отправил его с рекомендацией в Петербург к князю Г. А. Потемкину.

С другой стороны, Степан как представитель нации являлся удачной кандидатурой и для армян. Перед армянским делегатом стояла серьезная задача ведения сложных переговоров с правительством. Круг вопросов, который должен был быть рассмотрен Степаном с правительственными чиновниками, требовал от армянского посла сочетания в себе таких личных качеств, как гибкость, расторопность и хладнокровие. Аргутинский, неплохо знавший Степана, характеризовал его в письме к Шаамиряну как человека толкового и умеющего держаться с достоинством¹⁶. Последующие строки этого же письма касались содержания послания армянской обще-

¹⁴ АВПр, фонд «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, д. 463, л. 148.

¹⁵ См. А. Р. Иоаннисян, указ. соч., стр. 119.

¹⁶ Матенадаран, рукопись № 2699, л. 101 б.

ственности, врученного Степаном русскому правительству в Петербурге. В письме говорилось «о... стране Армении времен монархов... Тиграна, Аршака и Трдата и о ее упадке в настоящее время, а после просили спасти их от ига неверных и другое в этом духе»¹⁷. Эти строки Аргутинского, обращенные к Шаамиряну, раскрывают определенную направленность миссии Степана, основная задача которой заключалась в освобождении армянского народа от турецкого и персидского ига.

Хотя Степан формально является послом ереванских армян и меликов, однако правдоподобнее будет предполагать, что он фактически осуществлял линию Аргутинского, взгляды которого по принципиальным вопросам армянского освободительного движения существенно differed от взглядов последних представителей армянской феодальной знати—карабахских меликов.

В этой связи вырисовывается дальнейшая и чуть ли не основная цель миссии Степана, заключавшаяся в том, что армянский посол от имени всей нации* должен был вести переговоры с русским двором о заключении договора России с армянской общиностью, о предоставлении Армении независимости под протекторатом России и об оказании Армении военной помощи.

Приведенная мысль целиком подтверждается всем содержанием не только упомянутого письма Аргутинского к Шаамиряну, но и письмами армянского архиепископа к самому Степану.

Итак, осенью 1784 г. в русскую столицу прибыл человек, наделенный полномочиями посла армянской нации**, человек, на которого была возложена ответственная миссия ведения переговоров с Екатериной II и ее правительством. Приблизительно к этому же времени к

¹⁷ Там же.

* В письме Иосифа Аргутинского к Степану от 24 октября 1784 г. указывается, что Степан является послом и представителем всей армянской нации, в том числе и карабахских меликов. А еще раньше армянский архиепископ переслал Степану копию проекта армяно-русского договора. См. *А. Р. Иоаннисян*, указ. соч., стр. 121, 122.

** Видимо, неспроста в документах того периода Степан фигурирует как «араратский посол».

князю Г. А. Потемкину пришло из Георгиевской крепости письмо от Иосифа Аргутинского. От послания армянского архиепископа веет тревогой. Напуганный невыгодным для армян оборотом событий в Закавказье, Иосиф вынужден согласиться и на малое. Он ходатайствует о восстановлении армянского государства только в «Ара-рате», а в отношении Карабаха просит лишь освободить меликов из-под власти Ибрагим-хана, поставив их в зависимость от грузинского царя¹⁸.

Разумеется, эта урезанная программа не могла удовлетворить деятелей армянского освободительного движения. Но в сложной обстановке того времени другого выхода не было.

Реакции князя Г. А. Потемкина на письмо Иосифа Аргутинского мы не знаем. Но вероятнее всего предположить, что Г. А. Потемкин в тот момент оставил без внимания просьбу армянского архиепископа, поскольку «араратский посол» был принят «светлейшим» князем много месяцев спустя, когда обстановка в Закавказье уже несколько разрядилась. Переговоры Степана с князем Г. А. Потемкиным, видимо, носили предварительный характер, целью которых являлась подготовка почвы для встречи посла армянской нации с самой императрицей. Но время шло, а Екатерина II не спешила с приемом. Степан тщетно обивал пороги екатерининских сановников, последние рассыпались в обещаниях, и на этом все кончалось.

Положение Степана ухудшилось: он стал испытывать материальную нужду. И если бы не материальная и моральная поддержка, оказываемая Аргутинским, Лазаревым и Манучаряном армянскому делегату¹⁹ в течение всего времени его пребывания в русской столице, быть может, его миссия провалилась бы окончательно.

К этому времени для Степана открылось в Петербурге еще одно поле деятельности. Армяне, проживавшие в столице, привлекли его к работе над изданием русского

¹⁸ См. А. Р. Иоаннисян, указ. соч., стр.120—121.

¹⁹ Матенадаран, рукопись № 2699, л. 101 б.

перевода «Новой книги» Мовсеса Баграмяна, опубликованной в 1773 г. в Мадрасе. Об этом мы узнаем из того же письма Аргутинского к Шаамиряну: «Приехавший из Еревана упомянутый Степан в течение двух лет пребывания здесь (в Петербурге. — Ж. А.) овладел их языком (русским. — Ж. А.) и исправляет ошибки перевода»²⁰.

Русский перевод книги одного из деятелей армянского освободительного движения, по мысли российских армян, должен был способствовать пропаганде идей освобождения армянских земель и воссоздания армянского государства, а также пробудить среди русской общественности интерес к армянской проблеме. Однако истекал 1786 год, а Армения все еще оставалась под пятою Турции и Персии.

Аргутинский, потеряв надежду, стал поговаривать об отзыве Степана из Петербурга. Но в тот период русское правительство вынашивало планы персидского похода и не намеревалось расстаться с единственным полномочным представителем армянской нации, хотя вместе с тем и не заключало договора с ним. Выходило, что в течение пребывания Степана в России русское правительство лишь поддерживало иллюзию армянских деятелей о возможности заключения армяно-русского договора. Правительство Екатерины II вовсе не собиралось связывать себя подобными официальными соглашениями, поскольку в его планы входили действия совершенно иного характера.

В этой связи более понятными становятся события, развернувшиеся в Петербурге за короткий отрезок времени между концом 1786 г. и началом русско-турецкой войны в 1787 г. Именно в этот период Екатерина II наконец приняла Степана. Заметим, кстати, что последний факт и следующие за ним обстоятельства выпали из поля зрения исследователей. Быть может, это объясняется тем, что им не были известны документы, дополняющие сведения о миссии Степана.

Письмо сына Степана Давида к русскому царю

²⁰ Там же, л. 104б.

даст совершенно новое представление о завершающей стадии миссии Степана*.

Во-первых, в упомянутом источнике прямо указывается, что Екатерина II «приняла... араратского посланника с особым благоволением и признательностью».

Во-вторых, сведения Давида помогают нам уяснить причину задержки в Петербурге русским правительством Степана. «После,—продолжает Давид,—(Екатерина II.—Ж. А.) соизволила назначить скорое отбытие в отечество свое для исполнения порученных предприятий»²¹. Он же помогает нам также выяснить, в чем заключается сущность этих «предприятий»: «По наступлении сего времени, по поведению Её Величества, князь Потемкин-Таврический объявил ему, что он (т. е. Степан.—Ж. А.) будет отправлен под прикрытием шести полков армии для известного преднамерения»²². Из этого можно сделать вывод, что переговоры о заключении армяно-русского договора Екатерина II в конечном итоге свела к переговорам о снаряжении похода русских войск в пределы Закавказья якобы для освобождения Армении**.

В новых планах русского правительства армянскому послу фактически отводилась роль проводника. Знание языков, местности, а также связь с армянами, посылавшими ему агентурные сведения из Турции и Персии,—все

* В достоверности сведений Давида мы не можем сомневаться, поскольку он был точно осведомлен в делах отца. Письмо Давида не датировано, но, исходя из содержания текста, можно предположить, что оно написано не позднее конца первой четверти XIX столетия.

²¹ Матенадаран, архив Ашота Иоаннисяна, папка 244, док. 274.

²² Там же.

** Это еще одно свидетельство того, что царское правительство всерьез не относилось к заключению русско-армянского договора, а также того, что в вопросе разрешения армянской проблемы между руководством армянской общественности и русским правительством уже к концу XVIII столетия наметился различный подход. Причем о своих действительных намерениях в отношении Армении (даже в плане перспективы) царское правительство, исходя из тактических соображений, не считало нужным поведать армянской общественности.

это делало его ценным для русского командования человеком. Поэтому не удивительно, что князь Г. А. Потемкин, оставляя его у себя, присвоил Степану воинский чин премьер-майора.

Однако Степану не пришлось войти с войсками в пределы Закавказья. Помехой послужила начавшаяся в 1787 г. русско-турецкая война. Об этом и пишет Давид в своем повествовании об отце: «...Но сие преднамерение (посылка Степана с русскими войсками в Армению. —Ж. А.) вскоре изменилось по причине встретившихся в то время других обстоятельств, что Порта Оттоманская против России войну [начала]».

Далее идут строки, которые в сопоставлении с предыдущим изложением не только проливают дополнительный свет на характер миссии Степана, но и косвенно выявляют, на наш взгляд, новые тенденции развития армянского освободительного движения, наметившиеся в ходе русско-турецкой войны. «...Сей важный случай требовал без упущения времени прибегнуть зараз к исполнению тех мер, для коих отец мой предизбран был»²³.

В чем заключались эти меры, нам помогает уяснить письмо Иосифа Аргутинского к графу П. А. Зубову, датированное январем 1791 г. «Светлейший князь (Г. А. Потемкин. —Ж. А.),—писал армянский архиепископ,—поручил (Степану. —Ж. А.) вывод армян из Молдавии и Бессарабии»²⁴.

Итак, получается, что в связи с начавшейся русско-турецкой кампанией правительство придает миссии Степана новое направление, которое, как мы полагаем, было согласовано с армянскими национальными деятелями. Когда мы пишем о новом направлении миссии Степана, мы прежде всего подразумеваем тактические маневры русской внешней политики, поскольку в глазах представителей армянской общественности суть миссии осталась почти без изменения²⁵.

²³ Матенадаран, архив Ашота Иоаннисяна, папка 244, док. 274.

²⁴ АВПР, фонд «Сношения России с Арменией». оп. № 100/III, д. 462, л. 16.

²⁵ Матенадаран, архив Ашота Иоаннисяна, папка 244, док. 274

Если вспомнить, что Степан выехал в русскую столицу с целью добиться помощи России в освобождении своей родины, то мы приходим к выводу, что руководство российских армян* рассматривало также и вывод армян из турецких областей в пределы Российской империи как деятельность, направленную на освобождение армянской нации от турецкого гнета.

Русско-турецкая война 1787—1791 гг., положившая начало новому этапу армянского освободительного движения, заставила по ходу событий пересмотреть некоторые аспекты освобождения армянского народа из-под гнета турок и персов. До войны карабахские меликства и ереванские армяне с нетерпением ждали вступления русских полков на территорию Армении, связывая с их прибытием надежды на освобождение. Проникновению русского влияния в пределы Закавказья особенно яростно противилась Турция.

Это прекрасно понимали и руководители армянского освободительного движения. Понимали они также и то, что победоносная война России с Турцией может вывести последнюю из игры, облегчив тем самым освобождение армянского народа. Вот почему свои чаяния они связывали с победой русского оружия.

Следовательно, нетрудно предположить, что подготовка почвы для освобождения родины велась армянскими деятелями в тот период в основном в двух направлениях.

Во-первых, они стремились оказать России в войне с Турцией посильную помощь, и, во-вторых, руководство российских армян, исходя из национальных интересов, приняло активное участие в переселении армянских жителей турецких областей на юг русского государства.

Последнее станет нам более понятным, если учесть, что в условиях, когда национальные планы армянских деятелей увязли в тисне внешне-и внутриполитических событий 80-х годов Закавказья, разумнее всего было для начала сгруппировать своих соотечественников на южных границах России.

* Сын Степана Давид, близкий человек архиепископа Григория Захаряна—ученика и преемника Иосифа Аргутинского, вероятнее всего выражал точку зрения последнего.

Трудно выяснить, поведали ли эти деятели о своем сокровенном замысле русскому правительству или нет. Однако они с готовностью предложили правительству Екатерины II свои услуги по организации переселения армян из турецких областей в Россию, вследствие чего были запланированы совместные действия руководства российских армян с русским верховным командованием в период войны 1787—1791 гг.

Реализации планов армянской общественности способствовала та своеобразная политическая обстановка, которая сложилась к этому времени на Востоке.

Прекрасно понимая, что в лице армян Россия имеет надежного союзника против Турции, а также сознавая заинтересованность самих армян в выводе своих сородичей из турецких областей, правительство Екатерины II направляет деятельность российских армян на реализацию политических и экономических задач, вставших перед Россией во второй половине XVIII столетия.

К этому времени создается на редкость любопытная и выгодная для обеих сторон ситуация. Как русское правительство, так и деятели армянского освободительного движения (хотя и по разным мотивам) были заинтересованы в осуществлении одного и того же политического преднамерения, то есть в выводе армянского населения из турецких областей в Россию. Причем это переселение, как уже отмечалось выше, должно было носить временный характер в ожидании воссоединения армян со своей родиной.

Объяснение изложенному следует искать прежде всего в том, что деятельность по консолидации армян на южных границах России являлась, с одной стороны, частью общей программы освобождения армянского народа, с другой,—способствовала реализации правительством Екатерины II колонизационных планов в Новороссийском крае.

Теперь становится ясным, почему, во-первых, несмотря на пересориентировку действий Степана в 1787 г. (вначале он должен был войти с русскими полками в Армению, а затем, ввиду изменившейся ситуации, направляется в русскую армию, действовавшую против

турок в Молдавии и Бессарабии), его миссия в целом квалифицируется самими армянами как деятельность, направленная на освобождение армянского народа; во-вторых, выясняется, какие внутренние пружины способствовали рождению в последней трети XVIII столетия единой и обширной программы по заселению юга России армянским населением и, наконец, почему Кючук-Кайнарджийский мир не явился причиной переселения армян в Россию.

Глава вторая

ОСНОВАНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОЛОНИИ

Следя за перипетиями внешней и внутренней политики России в последней трети XVIII столетия, нельзя не обратить внимания на одно весьма интересное обстоятельство. В течение этого отрезка времени русское правительство предприняло три серьезных шага с целью основания на юге России новых армянских городов-колоний. В результате из трех намеченных городов два было основано. Спустя шесть лет после переселения крымских армян к устью Дона и закладки города Новая Нахичевань (1779 г.) Екатерина II намеревалась основать в пределах Кавказской губернии другой армянский город. В рескрипте от 5 мая 1785 г. на имя генерала П. С. Потемкина Екатерина II писала: «...Манифестом нашим, который скоро обнародован будет, мы дадим дозволение выходящим из-за Кавказских гор селиться в Кавказской губернии и признаем за полезное основать город для армян, буде число их такое соберется, что к наполнению онаго будет достаточно; относительно же льготы и других выгод усмотрите из того манифеста»¹.

Приблизительно в это же время русское правительство разрабатывает план основания в пределах юга России еще одного армянского города. Идею основания этого города и заселения его армянами—выходцами из

¹ «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Е. И. В. канцелярии», СПб., 1873, стр. 3.

разных стран—поддерживает один из руководителей армянского освободительного движения архиепископ Иосиф Аргутинский. Так, в одном из своих обращений к русской императрице он писал: «Не имею инаго помышления на душе моей, кроме ревностного желання исполнить святую волю вашего величества, известную мне из многократных вещаний благодетеля моего, а вам преданнейшаго в жизни своей князя Потемкина Таврического. Он по прозорливости своей предназначил меня исполнителем великого намерения, чтобы привлечь в российское подданство армян, изнемогающих под игом турецким. Он был и органом всещедрия вашего величества воли, напавшей упованием блаженств, так сказать, все армянские племена, расположенные по земному шару и признающие ныне единою владычицею своею ваше императорское величество»². В другом письме тот же Аргутинский писал, что его желанием «всегда было и есть соделать Россию общим для всех единоплеменных моих отечеством»³.

Приведенные документы лишний раз подтверждают наше мнение о том, что в отмеченный период русское правительство (с согласия Иосифа Аргутинского) намеревалось заселить юг России армянами—выходцами из разных стран мира и, в частности, из областей, подконтрольных турецкому государству. Причем каждая из заинтересованных сторон (русское правительство и представители армянской общественности) в данном вопросе преследовала свои цели. Но поскольку их интересы в течение какого-то определенного отрезка времени совпадали, естественно, возникла почва для своеобразного соглашения между представителем армянского освободительного движения Иосифом Аргутинским и князем Г. А. Потемкиным, являвшимся одним из наиболее ревностных проводников русской колониационной политики. Следствием этого явилась большая целенаправленность совместных действий двух сторон. Например,

² «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, год второй», Екатеринослав, 1905, ч. III, стр. 8—9.

³ ЦГИА СССР, ф. «Канцелярии генерал-прокурора Правительствующего Сената», № 1374, оп. 2, л. 1815, л. 18.

из того же обращения армянского архиепископа к Екатерине II мы узнаем, что по распоряжению князя Г. А. Потемкина Иосиф Аргутинский «разослал ... повсюду, куда мог, описания выгод, коими пользуется»⁴ в России армянский народ. Из другого письма армянского архиепископа выясняется, что последний имел договоренность о переезде в пределы Российской империи не только простых жителей-армян, но и богатых константинопольских и индийских купцов, которые «прибегнут в Россию и перенесут тайно знаменитые свои капиталы»⁵.

Забегая вперед, необходимо отметить, что Иосиф Аргутинский, будучи даже занятым при войсках князя Г. А. Потемкина во время русско-турецкой кампании 1787—1791 гг., не переставал вести переписку с индийскими армянами, цель которой заключалась в склонении их переселиться в Россию. Так, 20 сентября 1790 г. Аргутинский записывает в своем дневнике: «Получил письмо от индийского общества, показал князю (Г. А. Потемкину. — Ж. А.) и попросил привилегий. Князь приказал подготовить их»⁶.

Начавшаяся в 1787 г. русско-турецкая война создала все предпосылки для практического воплощения в жизнь намеченных планов русского правительства и армянских политических деятелей. В этой связи Екатерина II посылает Иосифа Аргутинского в действующую армию к князю Г. А. Потемкину. В документе, повествующем о деятельности армянского архиепископа, подчеркивается, что он «с самого начатия... войны находился завсегда с главнокомандующим генерал-фельдмаршалом князем Потемкиным Таврическим при войсках... при окончании же сей войны по особливому высочайшему соизволению... императрицы Екатерины Второй через упомянутого генерал-фельдмаршала князя Потемкина препоручено было [ему] непосредственно старание о

⁴ «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии», стр. 9.

⁵ ЦГИА СССР, ф. «Абамелек-Лазаревых», № 880, оп. 5, д. 378, л. 13 об.

⁶ *Կոռնիկ հայոց աշխարհին, 1863, Հովսէփ Կաթողիկոսի հիշատակարանը*, стр. 426.

преклонении к выходу в Россию обитавших под турецкою властью в Бессарабии армян»⁷.

Для выполнения той же самой задачи в действующую армию направляются также «араратский посол» Степан Давтян и архимандрит Григорий Захарян.

Был на исходе второй год войны. К этому времени русские войска успели полностью завоевать область, расположенную между Бугом и Днестром. Было очевидно, что она останется за Россией. И вот князь Г. А. Потемкин поспешно вызывает к себе капитана Ивана Ремара и поручает ему начальство над всеми селениями во вновь приобретенной Очаковской области⁸.

Наступил момент, когда армянские деятели совместно с русским верховным командованием приступили к практическому осуществлению намеченных мероприятий по основанию и заселению нового армянского города. Иосиф Аргутинский и князь Г. А. Потемкин предусматривают все до мелочей. Последний не забывает даже о печати будущей армянской колонии⁹.

Если присмотреться к действиям русского командования и армянских представителей, есть основание утверждать, что подготовка к переселению армянского населения на левый берег Днестра началась значительно раньше 1789 г. Так, уже с самого начала войны перед Степаном Давтяном ставится задача формирования добровольческого отряда из местных армян. Об этом факте, кстати, весьма интересном и любопытном, мы узнаем из надписи на надгробной плите Степана, на которой так и написано, что «он (т. е. Степан.—Ж. А.) собирал в Бессарабии ополчение из армян»¹⁰. Далее, армянские представители в ходе войны охотно помогали командующим русских полков в выборе проводников из

⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией (1764—1800)», оп. № 100/III, д. 462, л. 28.

⁸ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 966, ч. I, л. 113.

⁹ «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии», стр. 7.

¹⁰ Х. И. Кучук-Иоаннесов, Армянские надписи в г. Григориополе Херсонской губернии, М., 1896, стр. 13.

числа армянских жителей. Последние, например, оказали большую помощь войскам Кутузова. Некоторым из них русский полководец лично выдал аттестаты, отметив их примерную службу¹¹. Таким образом, был установлен контакт между армянскими жителями молдавских городов и русскими войсками. Армяне с радушием встречали последних. А известие о том, что вместе с русскими полками следуют видные представители армянской нации, способствовало еще более дружелюбному и доверчивому отношению армянского населения к русским войскам.

Князь Г. А. Потемкин, используя создавшееся положение, вменяет в обязанность своим военачальникам всеми средствами расположить к себе местных армян. Так, по взятии Аккермана князь распорядился передать армянской и греческой церквям виноградные сады¹². В освобожденных русскими войсками городах военные власти широко раздавали льготы армянскому купечеству, их дома освобождались от постоя и земских повинностей. Более того, некоторые из них принимались в российское подданство. Примером может служить ясский армянин-купец Данила Маркович, получивший 20 апреля 1789 г. паспорт от русского командующего графа Румянцева. Русский полководец предоставил армянскому купцу ряд привилегий и принял его в подданство России.¹³ Из числа армян избирались также старосты в городах, освобожденных русскими войсками. Так, в освобожденном Аккермане должность старосты более года исправлял армянин Константин Афанасьев¹⁴. По всей вероятности, до своего назначения Афанасьев выполнял роль вожатого при войсках Кутузова и полковника Хвостова, от которых он впоследствии и получил аттестаты. В одном из них сообщается, что армянин

¹¹ «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии», стр. 11.

¹² ЦГНА СССР, ф. «Департамента полиции исполнительной», № 1286, оп. 1, д. 231—232, л. 42.

¹³ ЦГА Молдавской ССР, ф. «Сенаторов, председательствующих в диванах княжеств Молдавия и Валахия», № 1, оп. 1, д. 57, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 108.

Афанасьев находился при русской армии более двух лет, усердно исполняя службу¹⁵.

Помимо всего перечисленного, русское командование заботилось также о сохранности жизни и имущества армянского населения на турецкой территории. Перед штурмом измаильской крепости к подполковнику Хастатову, отряду которого было предписано занять квартал, населенный армянами, обратился Иосиф Аргутинский. Армянский архиепископ просил Хастатова (по происхождению армянина)¹⁶ проявить в своих действиях максимум осторожности, дабы не нанести армянскому населению какой-либо урон. О том, как справился Хастатов с поручением Аргутинского (видимо, и с поручением русского верховного командования), скорее всего можно судить из письма самого армянского архиепископа. Русский военачальник, — писал Иосиф Аргутинский, — «сохранил жизнь и именование великого числа армян, внутри крепости зверонаправными турками заключенных», благодаря чему приобрел у армянских жителей Измаила «и благодарность, и доверенность»¹⁷.

Привлекая на свою сторону армянское население завоеванных турецких городов, русское командование тем самым фактически подготавливало почву для более безболезненного вывода армян из турецких областей в пределы Российской империи. Мы пишем о переселении в подобном плане, поскольку оно не могло не свидетельствовать о мужестве армянского населения. Действительно, очень трудно было покинуть насиженные места, не легко было расстаться с приобретенной собственностью. Поэтому и князь Г. А. Потемкин, и Иосиф Аргутинский, осуществляя программу переселения армян, стремились как можно больше заинтересовать их льготами и привилегиями, даруемыми им на русской земле. В качестве наглядного примера выставлялся армянский город Новая Нахичевань, выстроенный возле устья Дона.

¹⁵ Там же, лл. 76 и 106.

¹⁶ См. М. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений. Книга первая, Ереван, 1956, стр. 73.

¹⁷ АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, л. 462, л. 143.

По мысли вдохновителей переселения, факт наличия у армян Новой Нахичевани собственного магистрата и суда, а также ряда чрезвычайных льгот должен был произвести впечатление на умы турецких армян, способствуя еще большему их стремлению к эмиграции в Россию. С этой целью русским военачальникам было приказано распространять среди армянского населения освобожденных городов открытые листы¹⁸. В них заключался призыв к переселению и перечень льгот, которые получили бы армяне в случае их переселения в Россию.

Основные тяготы по организации переселения князь Г. А. Потемкин возложил на Иосифа Аргутинского и его сотрудников. Еще в ноябре 1789 г. последовало отношение князя о передаче в паству армянского архиепископа всех армян, проживавших на территории, отвоеванной у Турции¹⁹. В этом же отношении Г. А. Потемкин поручает Аргутинскому распорядиться о благоустройстве армян и разрешает одну из бендерских мечетей обратить в армянскую церковь²⁰. 10 ноября армянский архиепископ в присутствии Г. А. Потемкина и других высокопоставленных лиц освятил мечеть в Бендерах в армяно-григорянскую церковь, вокруг которой, по мысли организаторов переселения, должны были собраться из городов Молдавии и Бессарабии армяне с целью их дальнейшего переселения в пределы России²¹. Всю организационную работу должен был провести Аргутинский, оставшийся с этой целью до конца месяца в Бендерах. Для облегчения деятельности Аргутинского князь Г. А. Потемкин выделяет ему даже секретаря из своей личной канцелярии²².

Армянский архиепископ начал с того, что, следуя примеру русских военачальников, стал рассылать в ту-

¹⁸ АВПР, там же, л. 143 об.

¹⁹ См. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», М., 1833, ч. I, стр. 44.

²⁰ Там же, стр. 44—45.

²¹ «Հանձնիք», указ. соч., стр. 424. См. также «Кавказская старина». Тифлис, 1872, № 4 и 5, стр. 97.

²² См. «Հանձնիք», указ. соч.; см. также АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, д. 463, л. 247.

рекие города с армянским населением листы с описанием выгод, полученных армянами на российской земле. «Исполняя со всевозможным тщанием и ревностью волю его светлости (т. е. князя Г. А. Потемкина. — Ж. А.), сообщил я во все армянские церкви в переводе всемилостивейше данную Нахичевану привилегию и проповеди, изъявляющие монаршее человеколюбие, к чтению при окончании каждой литургии на армянском языке ... внуша в них склонность к переселению»²³. Так впоследствии описывал Иосиф Аргутинский свои действия в период русско-турецкой кампании 1787—1791 гг.

Рассчитывать на силу одних письменных призывов, естественно, нельзя было. Поэтому, по мере продвижения русских войск в глубь турецкой территории, за ними шли армянские деятели, перед которыми стояла задача осуществлять вывод армянского населения.

Через две недели после взятия Измаила (23 декабря 1790 г.) туда прибыл Иосиф Аргутинский²⁴ и немедленно начал агитацию за переезд армян в Россию. Однако не все армянское население Измаила, как и других городов, где перед местными армянами, наряду с Аргутинским, выступали Степан Давтян и архимандрит Григорий Захарян, нашло в себе силы покинуть обжитые, родные места, ясно не представляя своей будущности.

Армяне, разумеется, стремились избавиться от турецкого гнета и выехать в пределы России. Более того, многие из них сами непосредственно обращались с подобной просьбой к Иосифу Аргутинскому, Степану Давтяну и даже к русскому командованию. Но некоторая часть армян все же колебалась. Организаторам переселения пришлось приложить немало усилий, чтобы склонить их к переезду на левый берег Днестра, где им обещались «истинные блага»²⁵.

Изложенное выше подтверждается письмом подполковника Моисея Зверева, возглавлявшего в свое время «Экспедицию строения города Григорополя». В марте

²³ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, л. 13.

²⁴ См. *Им*, указ. соч., стр. 81. См. также «*Чашма*», указ. соч., стр. 428.

²⁵ Матенадаран, архив католикосата, папка 9, док. 25.

1797 г. он писал: «...Архиепископ Иосиф... как по завоеванным в последнюю турецкую войну крепостям ездил их (армянских жителей. — Ж. А.) соглашать перейти в Россию, так равно другие сами к нему являясь, объявляли свое, по обнадеживаниям его, желание переселиться»²⁵.

Освещая историю вывода армян из турецких областей в пределы России, необходимо учесть также и то, что задачи, во имя которых так старались армянские деятели и так послушно выполняли распоряжения царского правительства, не были известны широким кругам армянского населения. Более того. Эти задачи, по вполне понятным причинам, даже не были бы поняты армянами. Уж слишком далекими и идеалистичными выглядели те цели и идеи, ради которых уговаривали их разорить свое хозяйство, свой очаг. Нужно воздать должное армянским деятелям, которые прекрасно поняли это и, верно разобравшись в создавшейся обстановке, приняли наиболее правильное решение: они стремились прельстить турецких армян прежде всего материальными выгодами и той блестящей экономической перспективой, которая могла открыться перед армянским купечеством на российской земле. Приведенные армянскими деятелями доводы сыграли, пожалуй, решающую роль в склонении армянского населения к переселению в Россию. К тому же нельзя забывать, что в своих проповедях Иосиф Аргутинский и его соратники, как мы могли убедиться выше, постоянно указывали на пример Новой Нахичеваны, что также оказывало положительное воздействие на окончательное решение армян.

Согласно плану переселения (нам уже известно, что вначале организаторы переселения собирались сконцентрировать армян в пограничном городе Бендеры, а в дальнейшем перевезти их в пределы России), князь Г. А. Потемкин разослал комендантам крепостей инструкции с указанием маршрута движения армянских переселенцев. Так, еще в 1790 г. в порядке от 17 июня он

²⁵ ЦГА Молдавской ССР, ф. «Коллекция документов по истории г. Григориополя», № 1317, оп. 1, д. 1, л. 455.

писал майору Ремару: «Как армянское общество из Белграда (Аккермана. — Ж. А.) будет переселяться в Дубоссары на всегдашнее там пребывание, то я Вам предписываю принять благовременные к тому меры и преподать всевозможные способствования к поспешному поселению и хозяйственному образованию»²⁷. Некоторые из русских военачальников в свою очередь поручали попечение выведенных армянских семей коменданту Бендерской крепости барону Вестфалену. Об этом мы узнаем из содержания рапорта Вестфалена, датированного сентябрем 1791 г. «Господин генерал-поручик и кавалер Голенищев-Кутузов. — писал он, — прислал из Измаила к переселению в Новые Дубоссары измаильских армян двадцать две семьи числом обоего пола сто одна душа: и как оных, а также и впредь прибывающих приказал исмэстить в Бендерах, принявши их в особое покровительство, которое сего м[еся]ца 4-го числа прибыли сюда и расположены по здешним армянам»²⁸.

В приведенном отрывке интересно обратить внимание на три момента. Во-первых, сам по себе этот документ свидетельствует о наличии программы переселения с намеченных двух ее основных этапов. Во-вторых, он дополняет наши сведения о том периоде, когда армяне временно пребывали в Бендерах. Нас в данном случае интересует проблема устройства их быта. Выясняется, что переселенцы на время были размещены по квартирам бендерских армян. Как известно, благоустройством армян в Бендерах занимался лично Иосиф Аргутинский. И, наконец, выясняется, что в судьбе армянских переселенцев немаловажную роль сыграл великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов.

В фондах Центрального Государственного военно-исторического архива в Москве хранятся рапорты Кутузова на имя князя Г. А. Потемкина, датированные августом-сентябрем 1791 г. Содержание названных до-

²⁷ Цитировано по кн.: В. А. Кочергин, *Наброски по истории города Дубоссар и прилежащего Поднестровья (Херсонской губернии)*, Одесса, 1911, стр. XI.

²⁸ ЦГВИА, ф. «Потемкина-Таврического Г. А.», № 52, оп. 1/194, л. 507, л. 34.

кументов говорит нам о том, что вывод армян из Измаила поручается князем непосредственно Кутузову. На этом новом поприще своей деятельности Кутузов натолкнулся на ряд трудностей. Это были в основном трудности практического характера, поскольку (как можно судить из текста документа) почва для переселения измаильских армян в Россию к тому времени уже была подготовлена; в своей основной массе они изъявляли желание переехать на левый берег Днестра. «Армяне,— пишет Кутузов в рапорте от 24 августа 1791 г.—жители в Измаиле, желают переехать в Дубоссары*, но некоторые из них, будучи немощи, за немощем подвод сего учинить не могут; подвод же всех потребно пароволовых сто пятьдесят, коней здесь достать в наймы никак не возможно, и для того сам представя Вашему Сиятельству прошу, ежели есть способ оными снабдить, приказать доставить оныя в непродолжительном времени. При отъезде здешних армян последуют, может быть, их примеру и прочие жители»²⁹.

Стало быть, трудности, о которых сообщается в рапорте, заключались в транспорте. Подводами могли заpastись только зажиточные слои армянского населения, между тем как многочисленная беднота ждала помощи от русского командования. В этой связи небезынтересно будет привести и другой рапорт Кутузова, поданный Верховному командованию месяц спустя. «Из числа армян—жителей измаильских,—рапортует Кутузов,—выехало поныне в разные числа на поселение в Дубоссары семьдесят семь семей с пристойными конвоями. Сии люди—изо всех армян достаточнейшая; остается здесь из армян же много желающих к поселению в российских пределах, но за немощем по немоществу их подвод, подняться не могут, и для того нужно бы было доставить сюда, ежели возможно, до ста пятидесяти подвод, или позволить употребить на них для найма фуришников ка-

* Здесь речь идет о конечном пункте переселения армян. Поэтому у читателей не должно создаться впечатления о наличии якобы расхождений между сообщениями Кутузова и барона Вестфалена. Ясно, что в рапорте коменданта бендерской крепости речь шла только о первом этапе переселения армян.

²⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 507, л. 29.

ценные деньги»³⁰. Помимо изложенного, рапорт Кутузова дает пищу и для других выводов. Прежде всего интересно отметить, что это—одно из первых документальных свидетельств о социальном расслоении будущих григориопольских жителей. Из содержания рапортов Кутузова выясняется следующая картина: наряду с богатой армянской купеческой верхушкой, выехавшей в Дубоссары на свои средства, существовала значительная часть неимущего армянского населения, которая не только не могла достать для переезда подвод, но даже нуждалась в одежде и в ежедневном пропитании. На это обстоятельство указывает и армянский архиепископ в своем письме к князю Г. А. Потемкину: «Не безызвестно состояние изманильских армян, которые, будучи наконец разорены, не имеют чем переехать в Россию, а паче заселить совсем пустое место, строить и заводитья всем нужным домоводством, но и пищею едва себя довольствовать могут. В таком состоянии теперь находится и часть килийских армян, то по всем вышеписанным обстоятельствам благоволите приказать дать подвод столько, сколько потребно будет, да на первоначальное обзаведение снабдить хлебом на прокорм и посев, на построение же домов—деньгами безвозвратно»³¹.

Поэтому Иосиф Аргутинский, на которого, как известно, князь Г. А. Потемкин возложил ответственность по благоустройству армян, счел долгом раздать на первых порах из своих средств нуждающимся армянским семьям более тысячи пар платья, а также выделить сумму для их пропитания³². По зову Аргутинского материальную помощь изманильским и килийским армянам стали оказывать также их сородичи из Сучавы, Ботошан и других городов Молдавии, Валахии и Бессарабии. В это же время Иосифом были посланы 30 мальчиков для обучения в школе, основанной при монастыре Святого Креста³³.

³⁰ Там же, л. 33.

³¹ Одесский областной Государственный архив (ООГА), ф. «Управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора», № 1, оп. 194, д. 8, лл. 55—56.

³² ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, л. 13 об.

³³ «Чинабл», указ соч., стр. 429; см. также *ibid.*, указ. соч., стр. 82.

Тот же Аргутинский сообщает, что из четырех тысяч армян, собранных для переселения в Бендерах, ему удалось перевезти в Дубоссары, за немалым подвозом, только половину³⁴. Следовательно, две тысячи армян ждали своей очереди. Русское командование, озабоченное создавшейся ситуацией, также выделило из казенных средств некоторую сумму как для перевода оставшихся армян на левый берег Днестра, так и для их пропитания. В одной из ведомостей, подписанных генерал-губернатором Василием Коховским, указывается, что на покупку пшеницы для армян было истрачено 506 червонцев, а на переправу их в Дубоссары ушло 500 червонцев³⁵.

Переселение столь большого числа армянских семей со своим домашним скарбом, понятно, являлось сложным процессом. Естественно поэтому, что оно осуществлялось по частям. Одними из первых переправились через Днестр килийские армяне. И это произошло, по всей вероятности, только потому, что они раньше других прибыли в Бендеры. Совместно с ними в Дубоссары переехали каушанские, бендерские армяне и часть аккерманских. Их переправа, видимо, началась ранней весной 1791 г. и затянулась до начала лета. Данные одной из ведомостей говорят нам о том, что к 20 мая того же года в Дубоссары прибыло килийских* армян 1873 человека³⁶, в то время как их измаильские сородичи оставались еще на месте. Переселение измаильских армян началось сравнительно поздно и осуществлялось (в силу уже отмеченных причин) вовсе не ускоренными темпами. Например, из 320 армянских семей, предназначенных для вывода из Измаила в Дубоссары (в общем количестве 1658 человек³⁷), к 6 сентября 1791 г. выехало только 22 семьи³⁸. В этом же месяце Кутузовым было отправлено

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, л. 11.

³⁵ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 696, ч. I, л. 215 об.

* Составитель ведомости майор Ремар в данном случае обобщил. Среди них находились также каушанские, бендерские армяне и часть аккерманских.

³⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 507, л. 6.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, л. 11.

³⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 507, л. 35.

еще две партии армян. Первая партия состояла из 77 семей³⁹, а вторая—14 семей⁴⁰. Переселение затянулось на несколько месяцев. Это стало беспокоить князя, который, вернувшись из Петербурга в армию почти одновременно с Аргутинским*, стал готовиться к проведению переговоров о мире. 11 сентября в Яссах состоялась встреча армянского архиепископа с Г. А. Потемкиным. В беседе с Иосифом князь дал понять, что с переселением армян в Дубоссары необходимо поспешить и обязательно завершить его до подписания мирного договора с Турцией. Однако смерть Г. А. Потемкина оттянула сроки как подписания мирного договора, так и перевода армян в Дубоссары. Переселение последних на левый берег Днестра было завершено уже после похорон князя в октябре-ноябре 1791 г. при посредстве генерала Михаила Коховского и Степана Давтяна, которого Аргутинский поставил во главе последних партий переселенцев⁴¹.

Выше мы привели цифру, указывающую количество армянских выходцев из Измаила. Надо к этому добавить, что измаильские армяне составляли самую многочисленную переселенческую группу. Если привести количество переселенцев из других городов, то выявится следующая картина. Из Аккермана вышло 852 человека (142 семьи), из Каушан (включая и бендерских армян)—766 человек (120 семей), из Кишин—673 человека (120 семей), наконец, из Исакии—51 человек (12 семей). Общее число всех выходцев к концу 1791 г. составило четыре тысячи человек⁴². В дальнейшем эта цифра возрастет. Поток переселенцев не прекращается и в течение все-

³⁹ Там же, л. 33.

⁴⁰ Там же, л. 40.

* С февраля по сентябрь 1791 г. армянский архиепископ не был в армии, а находился вместе с Г. А. Потемкиным в Петербурге. См. «Число», указ. соч., стр. 429—431.

⁴¹ «Число», указ. соч., стр. 431—433.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, л. 11.

го 1792 г., когда уже официально был заложен новый армянский город-колония Григориополь*.

В связи с наименованием города мы сталкиваемся с весьма любопытным обстоятельством. Дело в том, что разные документы и свидетельства (исходящие даже от одного и того же автора) по-разному объясняют, в честь кого был назван город. Хорошей иллюстрацией к сказанному могут послужить письма Иосифа Аргутинского, хранящиеся в фондах ЦГИА СССР. Так, в письме на имя императрицы он писал: «...И для сего, определяя местоположение Дубоссарское, благоволил (князь Григорий Александрович Потемкин.—Ж. А.) селение оных наименовать городом Григориополем в честь ангела своего»⁴³. А в письме к графу П. А. Зубову тот же Аргутинский уже пишет другое: «А для сего, определяя им местоположение Дубоссарское, повелел (князь Г. А. Потемкин.—Ж. А.) составить из селения их город во имя святого Григория Просветителя всея Армении»⁴⁴. Этой же версии он придерживается и в своем дневнике⁴⁵. Точно такой же разноречивой имеется и в сведениях других авторов. В «Материалах по истории армянского города Григориополя», составленных Мкртычем Казаряном и хранящихся в фондах ЦГИА Армянской ССР, подчеркивается, что по сведениям большинства григориопольцев их город был назван во имя Григория Просветителя. Однако, как комментирует составитель «Материалов»,

* Говоря о переселении молдавских и бессарабских армян в Россию и основании Григориополя, уместно заметить, что эпиграфический материал, а также данные других источников позволяют установить, что предки григориопольских армян стали прибывать в Молдавию и Бессарабию из Восточной и частично из Западной Армении, начиная с XVII столетия. Стало быть, констатируется тот факт, что поток армянских переселенцев в Молдавию не прекращался ни в XVII столетии, ни в начале следующего века. Подробно об этом см.: Ж. А. Анянян, Из истории переселения армян в Молдавию и Бессарабию (на арм. яз.), «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1966, № 9, стр. 90—98.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, л. 12.

⁴⁴ Там же, л. 12об.

⁴⁵ «Կառնիկ», указ. соч., стр. 435.

это мнение необходимо приписать их похвальному патриотизму⁴⁶.

Трудно сказать, чем был вызван этот разнобой, имеющийся в источниках и литературе в связи с наименованием города. Скорее всего это можно объяснить случайным совпадением имен вдохновителя колониционной политики на юге России и легендарной личности, имя которой служило для всех армян и прежде всего для руководителей армянского освободительного движения символом независимой Армении. Быть может, именно по этой причине многие другие документы указывают, что город был назван в честь Григория Просветителя и князя Григория Потемкина.

В своих предписаниях князь Г. А. Потемкин писал не только о наименовании будущего армянского города, но также указывал и на место, где должен быть заложен Григориополь. Свидетельства многочисленных документов приводят нас к мысли, что этим местом должен был быть г. Дубоссары, который являлся, как известно, конечным пунктом на пути армянских переселенцев. Город Новые Дубоссары, расположенный на левом берегу Днестра во вновь присоединенной «Очаковской» области, выглядел маленьким городком с населением в 331 семейство⁴⁷. Армянский город, видимо, предполагалось заложить при Дубоссарах аналогично Новой Нахичевани, основанной при крепости Дмитрия Ростовского. Но вскоре жизнь внесла существенные коррективы в планы князя Г. А. Потемкина, которого уже к тому времени не было в живых.

Со смертью князя действия по переселению армян на левый берег Днестра не прекратились. Они продолжались и при П. А. Зубове, сменившем Г. А. Потемкина на посту. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в лице графа П. А. Зубова Иосиф Аргутинский видел продолжателя дела князя Г. А. Потемкина и просил у него дальнейшего покровительства армянским переселенцам. «Заступи его место,—пишет армянский архиепископ

⁴⁶ ЦГИА Армянской ССР, ф. «Эчмиадзинский святейший синод», № 56, оп. 3, л. 22, лл. 198—301.

⁴⁷ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 696, ч. 1, л. 215.

преемнику князя Г. А. Потемкина,—соверши благое его намерение испрошением у всемилостивейшей государыни на просимые пункты милостивого решения»⁴⁸. Суть последней просьбы Аргутинского заключалась в том, чтобы русское правительство рассмотрело и удовлетворило прошение представителей армянских выходцев из Молдавии и Бессарабии. Об этом мы узнаем из послания армянского архиепископа к русской императрице. «Исполняя с наивысшею ревностью волю его светлости (князя Г. А. Потемкина.—Ж. А.),—писал Иосиф Аргутинский Екатерине II,—требуя я от сего народа (т. е. от армянских переселенцев. — Ж. А.) мнения, и какое чрез присланных от них депутатов получил, дерзаю поднести Вашему императорскому величеству при сем в особых пунктах»⁴⁹. Как в этом документе, так и в цитированном выше письме графу П. А. Зубову речь идет об одном и том же прошении. В данном случае армянский архиепископ, не ограничиваясь личной просьбой к Екатерине II, просит ходатайства перед русской императрицей также и всеильного графа. Представленные Екатерине II и графу П. А. Зубову тринадцать пунктов прошения являлись первой петицией григоріопольских армян, посланной русскому правительству.

Прошение армян открывается определением той роли, которую призваны были они сыграть в хозяйственной жизни юга России. «Для удобнейшего распространения свободного купеческого промысла и хозяйственных садовых обзаведений,—пишется в первом пункте прошения,—общество армянское, основываясь на воле его светлости (князя Г. А. Потемкина. — Ж. А.), избирает местоположение Дубоссарское, лежащее при течении левого берега Днестра»⁵⁰. Иначе говоря, армяне в новом городе желали заняться преимущественно торговлей и садоводством. То же было и в намерениях русского правительства. В дальнейшем мы можем сами в этом убедиться. Первый пункт заканчивается просьбой «о пожа-

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, л. 13 об.

⁴⁹ Там же, л. 12—18 об.

⁵⁰ Там же.

ловании плана [городу] и преимущества», а также пожеланием переселенцев «составить жителей [города из] одних армян»⁵¹. Последнее пожелание вполне понятно, поскольку, как мы уже отмечали выше и как видно из самого текста прошения, новый армянский город должен был быть основан при Дубоссарах, в котором проживали представители различных наций.

Второй пункт прошений был посвящен государственной субсидии, которую требовалось выплатить армянским переселенцам, «снабдя каждую душу по десяти рублей и на один год продовольственным провиантом и материалами на обстроение домов бедных, без возврата за все то казне»⁵². Будущие жители также просили отвести под свой город 12 000 десятин земли без какого-либо платежа за нее государственной казне. К названному количеству земли полагалась еще земля пахотная «под округу Григорнополя», считая «на каждую душу по тридцати десятинам... с десятилетней льготой»⁵³. «Сверх того,—григорнополюсы просили отвести им,—по 30-ти десятин без запла-ты для переселяющихся впредь [армян] с тем, что есть-ли по двадцатилетней льготе не будет [эта земля] засе-ленной, то и за оною взыскивать поземельный платеж»⁵⁴.

Далее в третьем пункте разъясняется: «...а за то, что та земля чрез двадцать лет останется неоплатною», то армянские жители обязуются, не утруждая правитель-ства, лично заняться благоустройством своих вновь прибывающих из-за границы сородичей⁵⁵.

Четвертый пункт прошений ставит вопрос о передаче «во вечность в пользу всего общества, без всякие в ка-зну подати» рыбную ловлю на Днестре⁵⁶. Причем здесь авторы прошений с самого начала оговаривают, что это должно быть «в сходство всемилоостивейше пожалован-ной Нахичевану привилегии». Ссылка на привилегии.

⁵¹ Там же. лл. 12—18 об.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

предоставленные русским правительством армянскому городу-колонии Новая Нахичевань, не случайна, поскольку свою первую петицию армянские переселенцы из Молдавии и Бессарабии составляли, исходя из содержания тех льгот, которые были даны их собратьям — выходцам из Крыма. Об этом свидетельствует также текст пятого пункта прошений.

Повествование, идущее от третьего лица, а также само содержание этого пункта говорит нам о том, что отрывок чуть ли не извлечен из контекста грамоты, данной армянам Новой Нахичевани. Григориопольцы желали иметь точно такое же самоуправление, какое имелось у жителей Новой Нахичевани⁵⁷. Судебная и исполнительная власть сосредотачивалась в руках магистрата, который должен был вести все делопроизводство на армянском языке, на основе законов и традиций армянского народа⁵⁸. В юрисдикцию магистрата входили все дела, кроме уголовных. «Кроме уголовных все дела и суждения,—указывается в документе,—касательные к обществу их вне учрежденного магистрата да не судятся»⁵⁹.

На постройку названного магистрата, а также гостиного двора и соборной церкви григориопольцы просят у государства безвозмездной субсидии⁶⁰.

Представители будущей армянской колонии хотели закрепить все земли за магистратом. Поэтому они просят передать землю в ведение магистрата. Шестой пункт прошений начинается именно такой просьбой: «Отведенную за излишеством землю, означенную в двадцатилетней льготе, предоставить полному магистратскому распоряжению»⁶¹. При этом магистрат просит оставить за ним право заселять пустующие земли своими собственными усилиями и средствами и по своему усмотре-

⁵⁷ О самоуправлении Новой Нахичевани см. В. Б. Бархударян, История Ново-Нахичеванской армянской колонии (1779—1861 гг.) (на арм. яз.), Ереван, 1967, стр. 102—120.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 12—18 об.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

нию, после чего эта земля должна быть передана «в вечность» магистрату. Здесь интересна следующая деталь. Обычно, когда армянские переселенцы просят о передаче в их распоряжение дополнительного количества земель, то свою просьбу они мотивируют необходимостью обеспечения земель все новых групп армянских выходцев из-за границы. В данном же случае они ставят вопрос о заселении пустующих земель «свободными от позволительных мест народами»⁶². Это можно объяснить тем, что часть свободной земли, отведенной для города, магистрат хотел закрепить за собой путем ее освоения представителями других наций. Армянский магистрат при этом заботился не только о наращивании земельного фонда, но и о своих городских доходах.

Из содержания десятого пункта прошения вытекает, что магистрату предопределялось быть не только крупным землевладельцем, но и банкиром, в руках которого должны были находиться все нити экономической деятельности армянских купцов.

К этому пункту непосредственно примыкает и следующий пункт прошения, выявляющий ту широту полномочий, которой должен был пользоваться магистрат. «В обращении купеческих промыслов на проезды вне и внутри государства,—указывается в тексте,—да зависит от магистрата, управляемого армянами, отпуск и выдача билетов, с конями и имеют являться за границею к российским министрам, а внутри государства—к градоначальникам»⁶³.

Но этим полномочия магистрата не ограничиваются. По мысли авторов прошения, в обязанность магистрата должна была войти также социальная дифференциация армянских переселенцев. «Разделение на классы жителей города Григорнополя,—писалось в девятом пункте,—предоставить магистрату, управляемому армянами»⁶⁴. Здесь мы вторично сталкиваемся со свидетельством о наличии в армянском обществе сословного расслоения.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

Причем, по мысли составителей прошения, окончательное разделение «на классы» может произойти только после десяти лет, ибо, как они сами пишут, «прежде десятилетнего не распространится домоводство, торговля и не обнаружатся в постоянных видах имущества их, а потому неудобно учинить основательного различия в сорте людей»⁶⁵.

Наконец, магистрат мог по своему усмотрению из суммы, собираемой за наем гостинного двора, выделить средства для прокормления бедноты и содержания сирот⁶⁶.

Все это позволяет нам заключить, что в жизни будущего армянского города-колонии особое место должен был занимать магистрат, наделяемый самыми широкими полномочиями и правами. Поэтому неспроста в тексте прошения часто встречается выражение: «Магистрат яко хозяин городского селения».

Два пункта (№ 7 и 13) прошения были посвящены тем привилегиям и льготам, которые требовались армянским обществом от правительства. Этот список открывается определением размера податей и налогов, которые обязаны были выплатить поселенцы правительству на льготных условиях. Предполагалось, чтобы по истечении льготных лет купечество выплачивало государству налог в сумме одного процента с рубля, ремесленники и мещане—по два рубля со двора, а земледельцы—по 5 коп. с десятины земли в год⁶⁷.

Полномочные представители армянских переселенцев далее просили у русского правительства предоставить им право свободной торговли вне и внутри государства, право постройки «из собственного их иждивения купеческих мореходных судов, в разведении нужных и полезных фабрик, заводов и фруктовых садов, в делании виноградных вин и свободной продажи в селении их большими и малыми мерами, а во внутренних российских городах—вывозимыми бочками... словом, [права] распространения всякого звания промыслов по собственной

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

каждого воле и достатку их»⁶⁸. Армяне просили также освободить их от постоев «к от дачи на войско рекрут».

Первое, на что невольно обращает внимание по ознакомлении с этой просьбой,—это обширность планов, намеченных представителями армянских переселенцев. По всей вероятности, эти планы являлись отражением намерений богатой, но, видимо, небольшой группы купцов, полагавшей развернуть на российской земле широкую торговую деятельность.

Исходя из содержания приведенного текста, можно заключить также, что прошение армян составлялось не без участия Иосифа Аргутинского или кого-нибудь из его сотрудников, поскольку авторы прошения обнаруживают неплохое знание российских законов.

Наконец, в прошении упоминается, что среди армянских переселенцев находятся люди дворянского происхождения. Но они, говорится в двенадцатом пункте, находясь в течение многих веков среди «варваров», вынуждены были скрывать свои «благородные фамилии». Поэтому сейчас, «когда торжественно обещанным его светлостью покровительством жребий» армян переменялся, последние просят у русского правительства, чтобы оно, на основании грамот об их знатном происхождении, даровало бы им дворянские титулы с предоставлением права покупки вотчин. Далее (с целью хоть как-либо заинтересовать правительство) в прошении говорится: «Сие будет явным побуждением к переселению благородных родов и купцов, укрытых обще под промыслом торговли, перенесению капиталов и распространению знаменитой торговли в необитаемых Бессарабии местах»⁶⁹.

Рассмотренный нами документ, хранящийся в фонде Лазаревых в ЦГИА СССР и являющийся первой петицией армянских переселенцев к русскому правительству, к сожалению, не датирован. Но исходя из содержания текста, можно заключить, что он составлен не позже конца 1791 г., т. е. тогда, когда переселение армян в Дубоссары в основном уже было завершено и на повестке дня стояли организационные вопросы иного плана.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

Только что закончилась война и русскому правительству надо было заняться освоением и благоустройством новоприсоединенной «Очаковской» области. 26 января 1792 г. Екатерина II распорядилась присоединить эту область к Екатеринославской губернии, «возлагая на него [на правителя... губернии генерал-майора [Василия Васильевича] Коховского]⁷⁰. На следующий день русская императрица подписывает новый документ, в силу которого В. В. Коховский должен был прежде всего обозреть переданную ему в подчинение «страну», разделить ее на уезды, назначить места под города и предоставить обо всем этом рапорт с планами⁷¹.

Почта с указом русского правительства прибыла к губернатору В. В. Коховскому в Кременчуг 10 февраля⁷². Распоряжение правительства было немедленно рассмотрено в Екатеринославском наместническом правлении, после чего 19 февраля В. В. Коховский подает императрице рапорт, из которого выявляются планы губернатора. Во-первых, В. В. Коховский намеревался в начале марта выехать в Ольвиополь. «Оттуда,—пишет он в рапорте,—отрядя восемь человек землемеров из уездов здешней губернии для проверки снятой сих земель карты и подробнейшего всех мест описания, каждому в назначенной ему части, поеду сам в Дубоссары, где побуду, пока откроящаяся весна дозволит мне обозреть всю новоприсоединенную страну и представить Вашему Императорскому Величеству и Правительствующему Сенату мнение мое о разделении оной на уезды и назначить города по способности мест»⁷³.

Новые территориальные приобретения России на юге изменили и линию границ. Поэтому екатеринославский губернатор ставит перед правительством вопрос о пере-

⁷⁰ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, л. 696, ч. II, л. 34; см. также ПСЗ, т. XXIII, № 17017.

⁷¹ ЦГАДА, там же, л. 90; см. также ПСЗ, т. XXIII, № 17018.

⁷² ЦГАДА, Госархив, ф. 16, л. 696, ч. I, л. 187.

⁷³ Там же, л. 187 об.

несении пограничных институтов на новые места. «Не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству, — пишет В. В. Коховский в этом же рапорте, — высочайше повелеть при наступлении весны перевести карантин и таможи: из Херсона к Очакову, из Соколов против Бендер, из Ольвиополя, оставя там таможенную заставу, карантин перевести к Дубоссарам и учредить тут вновь таможию, а в Балте — таможенную заставу»⁷⁴.

Как мы увидим, правительство не оставило без внимания совет своего губернатора и продолжало посылать ему инструкции за инструкцией. 23 февраля Екатерина II подписывает новое предписание на имя В. В. Коховского. Если в указе от 27 января вопрос ставился с благоустройстве Юга вообще, то на сей раз императрица, исходя из конкретных задач, поручает екатеринославскому губернатору непосредственное попечение армянских переселенцев, вышедших из-за Днестра. Поскольку этот документ приобретает для нас особую важность, приведем его полный текст. «Господин Екатеринославский губернатор Коховский. Возложу на Вас население и благоустройство земли, новоприобретенной нами от Порты Оттоманской, за которую находим особливо вашему поручить попечению переведенных на оную из-за Днестра армян. Покойный князь Григорий Александрович Потемкин Таврический назначил быть городу армянскому под именем Григориополь у самого Днестра, между долин Черной и Черницы, включая и обе оныя в городской выгон. Мы, утверждая сие назначение, повелеваем, Первое отвести помянутую округу, между долин Черной и Черницы лежащую, со вложением обеих оных, под город армянский, который и именовать Григориополь. Второе: сделать план сему городу и, расположив оный сообразно роду жизни и упражнению трудолюбиваго сего народа, представить его нам. Третье: между тем преподавать армянам все зависящая от вас содействие к водворению их тамо, произведению ремесел и открытию фабрик, которые они завести намерены. Архиепископ армянский Иосиф может вам в сем способствовать, так как он и прежде к тому употребляем.

⁷⁴ Там же, л. 188.

Четвертое: обо всех их надобностях и просьбах, узаконениям нашим непротивных, имеете нам представить, стараясь, дабы не только все перешедшие в пределы наши сохранены были, но чтоб и находящиеся за границею их единоземцы, видя их благоденствующих, к ним присоединялись. Пятое: об исполнении сего и прочих наших препоручений ожидаем мы частых от вас донесений, пребывая к вам благосклонны»⁷⁵.

Перед нами документ, фиксирующий окончание первого этапа по организации на левом берегу Днестра армянской колонии и выдвигающий новые задачи на его последующем этапе. Теперь, когда все подготовительные работы по основанию и строительству армянского города были проведены, завершение начатого дела правительство возлагает на Иосифа Аргутинского и В. В. Коховского. Как мы видим из текста указа, Екатерина II предназначает для Григориополя новое место. При этом русская императрица указывает, что названное место выдвигается по выбору покойного князя. Выходит, что, во-первых, Иосиф Аргутинский не был об этом осведомлен, что весьма странно*, и, во-вторых, основание армянского города проектировалось непосредственно самим правительством, независимо от планов В. В. Коховского по благоустройству вверенной ему губернии. Последнее является прекрасным подтверждением нашего положения о том, что мысль о строительстве армянского города возникла у русского правительства задолго до 1792 г.

Екатеринославский губернатор намеревался прибыть в Дубоссары и заняться армянскими делами в на-

⁷⁵ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 696, ч. II, лл. 92—93. Копии цитируемого документа хранятся не в одном архиве. Полный текст указа был опубликован впервые на армянском языке в ноябре 1792 г. См. «Տեղրալի Համապատասխանեալ զուգոյն ռուսմոլթեան», նոր նախդեան, 1792.

* Во всех документах, подписанных Иосифом Аргутинским вплоть до апреля 1792 г., подчеркивается, что армянский город должен быть основан при Дубоссарах.

чале 1792 г.* В письме к тайному советнику В. С. Попову В. В. Коховский даже сообщает точную дату выезда — 9 марта⁷⁶. Но за день до намеченного срока он извещает о перенесении даты своего выезда на 12—13 марта⁷⁷. Не выехал В. В. Коховский и в середине месяца. И только 22 марта в письме из Елизаветграда он сообщает о том, что «межевники отправлены уже в Дубоссары» и что он сам собирается выехать туда дня через три⁷⁸. На сей раз свое обещание екатеринославский генерал-губернатор выполняет: 26 марта он приезжает в Дубоссары, где его уже ждали брат генерал-майор Михаил Васильевич Коховский и армянский архиепископ Иосиф Аргутинский, прибывший туда из Ясс десятью днями раньше⁷⁹.

Для выполнения распоряжений императрицы братья Коховские должны были осуществить конкретные мероприятия по скорейшему заселению «Очаковской» области. Прежде всего они рассчитывали на новых переселенцев из Молдавии и Польши. Екатеринославский губернатор не преминул воспользоваться даже политической оппозицией, возникшей в Польше после принятия конституции 3 мая 1791 г. В одном из донесений к Екатерине II он сообщает, что «послал... в Польшу к чиншовой шляхте, огорченной нынешнею конституциею, для приглашения их к переселению»⁸⁰. Хотя эмиссары В. В. Коховского и вернулись с обнадеживающими вестями, однако же переселение польских шляхтичей представлялось не столь реальным. Более реальным являлся вывод арнаутов из Молдавии и их расселение по левому берегу Днестра. С целью благоустройства арнаутов братья Коховские выписали из Молдавии строительный

* Еще до получения указа Екатерины II от 23 февраля он имел предписание относительно армян от графа П. А. Зубова. См. ЗООИД, т. XII, стр. 340.

⁷⁶ См. ЗООИД, т. XII, стр. 342.

⁷⁷ Там же, стр. 343.

⁷⁸ Там же, стр. 344.

⁷⁹ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 696, ч. 1, л. 217; см. также «Чинш», указ. соч., стр. 434; Матенадаран, архив католикосата, папка 6, д. 28.

⁸⁰ Там же, л. 217об.

лес. Его предполагалось употребить на постройку домов не только для арнаутов, но и для «неимущих армян»⁸¹.

Вопрос о строительстве домов для армян в марте месяце конкретно еще не стоял. Но дальновидный Иосиф Аргутинский, позаботился о приобретении строительного леса еще до начала строительных работ. Эти и многие другие вопросы, связанные с основанием нового армянского города, по всей вероятности, были рассмотрены екатеринославским губернатором и армянским архиепископом во время их встречи в Дубоссарах.

В то время указ русской императрицы об основании армянского города находился еще в пути. Екатеринославский губернатор получил его в Дубоссарах только первого апреля⁸². На следующий же день В. В. Коховский, пригласив к себе армянского архиепископа с его паствой, знакомит их с содержанием указа⁸³. Сам Коховский впоследствии в письмах к В. С. Попову следующим образом описывает свою встречу с Иосифом Аргутинским: «При объявлении мною высочайшего указа архиепископу армянскому и его пастве о месте, где высочайше повелено быть армянскому городу Григориополю, пришли было все они в уныние. Оное произошло было единственно от воображения, что по Днестру нет места лучше Дубоссарского и что для того не было высочайшей воли им пожаловать оное»⁸⁴. Итак, получается, что Иосиф Аргутинский был поставлен перед фактом: он не знал решения правительства об изменении месторасположения будущего армянского города. Следовательно, не правы авторы (в том числе и Лео), утверждавшие, что «особое место» для основания города было выпрошено самим Аргутинским⁸⁵.

Действия русского правительства в этой связи трудно объяснить. Исходя из своего первоначального замысла, оно стремилось заложить обособленный армян-

⁸¹ Там же, л. 218.

⁸² ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 96.

⁸³ Там же; см. также ЗООИД, т. XII, стр. 346.

⁸⁴ ЗООИД, там же.

⁸⁵ См. Цбп, указ. соч., стр. 87.

ский город, с основанием которого связывалась перспектива экономического развития новой области России.

Екатеринославский губернатор постарался как-то скрасить недовольство Иосифа Аргутинского. С этой целью на следующий же день после встречи с ним В. В. Коховский распорядился выделить определенную сумму денег (327 р. 60 к.) на приобретение материалов для кожевенной фабрики, которую намечено было построить в будущем Григориополе⁸⁶. Этим жестом екатеринославский губернатор хотел задобрить не только Аргутинского, но также и имущие слои армянского населения.

4 апреля текст указа Екатерины II был зачитан перед армянским населением. Весть о предполагаемой новой перемене местожительства взволновала армянских переселенцев. Как правильно отмечал Лео, селиться и застраиваться в новых местах армянам было действительно очень трудно, которые и так перетерпели столько лишений и притеснений⁸⁷. Для того чтобы успокоить их, прежде всего необходимо было успокоить самого Аргутинского. Поэтому Коховский приглашает армянского архиепископа и некоторых его приближенных осмотреть место, выделенное под Григориополь. 5 апреля, т. е. на следующий же день, они отправляются в долину Черной и Черницы. Вместе с ними туда же прибывают генерал Коховский и несколько землемеров⁸⁸. «Наконец, когда осмотрелись, когда обозрели,—пишет об этом дне екатеринославский губернатор,—частью со мною и с посланными от меня землемерами все назначаемые им (армянам. —Ж. А.) выгоднейшие места, когда открыли мы им родники для приведения воды в город, избрали места для насаждения фруктовых и виноградных садов и для посева поваренных растений и когда растолковали им, что в сем жалуемом им армянском городе приятнейший образ жизни никем нарушен не будет и что никто из нас жеи

⁸⁶ ЗООИД, т. IX, стр. 311.

⁸⁷ См. Цбл, указ. соч., стр. 88.

⁸⁸ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 696, ч. I, л. 224; см. также, ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/124, д. 270, л. 53.

их видеть не может, то место сие, толь приятным и выгодным найдено ими, что все они суть в неопisanном восхищении»⁸⁹.

Как видно из приведенного документа, настрoение Иосифа Аргутинского после обзора долин Черной и Черницы изменилось в лучшую сторону. Теперь армянский архиепископ с охотой взялся уговорить переселенцев перейти на новое место, которое, кстати, находилось на расстоянии всего немногим более 12 километров от Дубоссар.

После осмотра долин Черной и Черницы началась деятельная подготовка к основанию города. Прежде всего необходимо было составить план города и послать его на утверждение императрице. В плане предполагалось отметить земельные участки, отводимые для земледелия и садоводства, так как среди переселенцев, наряду со значительной прослойкой купечества, находились и земледельцы. На это указывает, в частности, и екатеринославский губернатор: «Довольно из них (армян-переселенцев. — Ж. А.) хлебопашцев и скотоводцев, а все без изъятия охотники к садам и огородам»⁹⁰. Поэтому, «дабы не упустить время к посеву ярового хлеба и всех огородных растений»⁹¹, Коховский распоряжается выдать армянам некоторую сумму денег. 14 апреля переселенцы получили через своего архиепископа 5 тысяч рублей, а к концу месяца еще 109 р. 72 к.⁹² На сей раз эти деньги предназначались для покупки орудий земледелия, как-то: лемешей и чересл. Вместе с тем армянские землевладельцы стали покупать и скотину: одни — волов с плугами, другие — коров, а третьи же — лошадей с повозками⁹³.

Возвращаясь к истории составления плана Григориополя, мы должны добавить, что вряд ли ошибемся, если предположим, что одним из его авторов являлся Иосиф Аргутинский. В то же время армянский архиепи-

⁸⁹ ЗООИД, т. XII, стр. 346—347.

⁹⁰ Там же, стр. 348.

⁹¹ Там же.

⁹² ЗООИД, т. IX, стр. 311.

⁹³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 277об.

ском, видимо, принял участие и в составлении нового прошения переселенцев к русскому правительству.

Второй вариант петиции армян заметно отличается от ее первоначального текста. При сличении двух названных выше документов мы, во-первых, обнаруживаем, что те широчайшие права и обязанности, которые, по мысли авторов первого прошения, должны были быть предоставлены магистрату, вовсе отсутствуют во втором прошении. Следовательно, уже к апрелю 1792 г. составители петиции поняли, что русское правительство никогда не согласится предоставить армянам такие льготы, которые противоречили бы нормам внутреннего уклада Российской империи. Поэтому уже во втором прошении выдвигается просьба об учреждении просто магистрата, без перечисления при этом его прав и функций⁹⁴. Само собой разумеющимся является, что Григоріопольскому магистрату так же, как и Нахичеванскому, вверяется судебно-исполнительная функция.

Во-вторых, требования, изложенные во втором прошении, отличаются большей конкретностью, нежели в первом случае. Так, в первом же пункте выдвигается конкретная просьба о строительстве тысячи домов стоимостью в 50 рублей каждый из них. Много месяцев спустя* после подачи второго прошения В. В. Коховский, комментируя его, отмечает, что это число домов «достаточно будет для их и переселяющихся впредь, по примеру нахичеванского домостроительства»⁹⁵. Заботясь об экономии государственных средств, екатеринославский губернатор стремится зафиксировать социальное неравенство, имеющееся в армянской среде. «В сложности полагаемая цена не есть великою,—продолжает он,—для чего казалось бы нужным зделать оным планы, сообразуясь по роду их (армян.—Ж. А.) жизни и по их согласию, ибо дома купеческие будут побольше, а мастеровых поменьше; когда же последует высочайшая воля об отпуске суммы, то нужно бы взять осторожность, дабы

⁹⁴ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 699, ч. 1, л. 146 об.

* Второе прошение было прокомментировано В. В. Коховским для графа П. А. Зубова в письме к В. С. Попову от 1 января 1793 г.

⁹⁵ ЗООИД, т. XII, стр. 403.

употреблена она была точно на свое назначение и не пошла бы или между рук, или на покупку товаров»⁹⁶.

В прошении далее выставлялись требования о строительстве Соборной церкви, «величины какой угодно»*, монастыря, двух приходских церквей, 400 торговых лавок, каменного гостиного двора, больницы и богадельни, школы, магистрата, каменной бани, четырех кофейных домов. Здесь В. В. Коховский с пониманием дела замечает, что эти заведения «по образу жизни их (армян. — Ж. А.) необходимо нужны, и как по пограничному положению сего города предполагать должно, что купечествующие армяне, греки и турки будут производить свои торги». Поэтому екатеринославский губернатор считает возможным «построить зданию сии пообширнее и великолепнее»⁹⁷.

К просьбе армянского купечества о выдаче им денежной субсидии В. В. Коховский относится весьма положительно, ибо в развитии купеческой торговли были заинтересованы обе стороны. «Просят для поставления упавшего и разоренного купечества, — пишет екатеринославский губернатор, — дать магистрату в городской банк 30 000 рублей с заплатаю казне в десять лет без процентов». Далее следуют комментарии В. В. Коховского к данной просьбе армян, из которых выясняется, что екатеринославский губернатор вовсе не собирался расширять функции армянского магистрата. «Когда богатейшие купцы выстроят дома, приступят к разведению виноградных и фруктовых садов и прочим хозяйственным заведениям, — продолжал В. В. Коховский, — то было бы полезно оказать им денежное пособие, но банку быть полагал бы я в Казенной палате, а не в магистрате; деньги же выдавать по одобрениям магистрата, с согласия управляющего губерниею»⁹⁸.

Как видно из содержания одного из пунктов проше-

⁹⁶ Там же, стр 403—404.

* Необходимо запомнить эти слова, поскольку в дальнейшем в связи с новыми задачами меняются и планы, связанные с масштабами строительства Соборной церкви.

⁹⁷ ЗООИД, т. XII, стр. 404.

⁹⁸ Там же, стр. 405.

ния, армянские купцы хотели и на русской территории сохранить традиционную для них восточную торговлю. Поэтому они ставят вопрос о разрешении вывоза турецких товаров. Правительство не могло на это пойти в силу манифеста от 28 июля 1789 г., однако в одном частном вопросе В. В. Коховский согласен был пойти на уступки. «...Нужно... сей просьбе,—писал он,—сделать некоторое удовлетворение, ибо все армяне и жены их носят одежду из азиатских материй. А по сему и нужным кажется назначить известное количество вывозить оных единственно для одежды живущих в городе Григорнополе»⁹⁹.

Зажиточная часть купцов-переселенцев обратилась к губернатору В. В. Коховскому и с другой просьбой. Объявив себя армянскими дворянами, они просили его ходатайства перед правительством о предоставлении им дворянского звания и высших офицерских чинов. В ответ на эту просьбу В. В. Коховский разъяснил купцам, что в случае, если их возведут в дворянские степени, они лишатся права торговли. Но армянские купцы продолжали настаивать на своем, надеясь, что в данном вопросе правительство пойдет им на уступки¹⁰⁰.

Все перечисленные выше просьбы переселенцев-армян были собраны к середине апреля и представлены екатеринославскому губернатору для доклада правительству. 16 апреля В. В. Коховский в письме к В. С. Попову пишет, что он уже высылает поступившие к нему «армянские просьбы»¹⁰¹. К ним екатеринославский губернатор прилагает целый список* с фамилиями армянских купцов и их детей, домогающихся дворянских званий и офицерских чинов. В упомянутом списке значится пятнадцать фамилий крупных купцов. Далее следуют фамилии сыновей «почетных» (читай: зажиточных) людей, которые просят офицерских чинов¹⁰².

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, стр. 348.

¹⁰¹ Там же.

* Он был издан в 1905 году в Екатеринославе в «Летописях Екатеринославской ученой архивной комиссии», а его подлинник хранится в фондах ЦГАДА. Мы ссылаемся на первоисточник.

¹⁰² ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 699, ч. I, лл. 149—149 об.

Во втором списке встречаются новые имена. По всей вероятности, часть зажиточных купцов стремилась вывести в сословные люди не лично себя, а своих детей. Видимо, сказалась угроза В. В. Коховского об опасности потери прав на купеческий промысел.

В этом же списке армянские переселенцы выставляют кандидатуру своего земляка Степана Марутова на должность градоначальника, величая при этом его «старостой»¹⁰³. Не исключена возможность, что Марутов являлся руководителем одной из групп армянских переселенцев. Вместе с фамилией Марутова в списке фигурируют и другие лица, которым предопределялось в будущем магистрате занять соответственные посты. Все они, за исключением переводчиков Мартироса Луганова и Ивана Касперова (единственными переселенцами, знающими русский язык), имели от русских военачальников и должностных лиц рекомендательные аттестаты¹⁰⁴.

Рассматриваемый документ фактически является перечнем лиц, предназначенных для возглавления магистрата и контроля над всей экономикой будущего армянского города. Естественно поэтому, что он мог быть составлен только Иосифом Аргутинским с небольшой группой зажиточных переселенцев.

Завершив дела с прошениями армян, В. В. Коховский переключил свое внимание на проектирование плана города Григорополя. Он был готов приблизительно в середине апреля 1792 г. Теперь нужно было как можно скорее доставить его в Петербург на утверждение императрицы. Организаторы переселения и в том числе екатеринославский губернатор спешили, так как им хотелось перевести всех армян на новое место до наступления лета, чтобы они могли уже в 1792 г. начать земледельческие работы. К спешке к тому же вынуждали стесненные условия, в которых приходилось жить армянам. Достаточно сказать, что армянские переселенцы

¹⁰³ Там же, л. 149 об.

¹⁰⁴ Там же, л. 150.

проживали в домах совместно с молдаванами—жителями Дубоссар либо же в землянках¹⁰⁵.

Доставить план города Григориополя в Петербург Коховский поручает племяннику армянского архиепископа Барсегу Аргутинскому-Долгорукову¹⁰⁶. 17 апреля Барсег отправился в дорогу¹⁰⁷. Переселенцы, набравшись терпения, стали ждать благоприятных вестей из столицы. Тем временем Аргутинский и Коховский начали деятельную подготовку к торжественной закладке города. Армянский архиепископ решает пригласить на торжества из Ясс и Константинополя знатных армян¹⁰⁸. А о намерениях екатеринославского губернатора мы узнаем из его же письма: «По получении высочайше утвержденного плана нового города предполагаю я закладывать оной при пушечных выстрелах (если будут еще в то время находиться здесь войска), дам пир всем армянам, разделя их по состояниям». Дальнейшее повествование Коховского раскрывает истинную подоплеку всех этих внешних мер: «Сие учиню, дабы новые граждане сообщили все происходящее своим единоземцам, живущим вне пределов, управляемых премудростию, кротостию и человеколюбием»¹⁰⁹.

Таковы были предварительные наметки губернатора. Еще до получения утвержденного императрицей плана Григориополя Коховский намечает заготовление строительного леса и камня. Лес, как указывалось выше, екатеринославский губернатор решил на первых порах взять из запасов, накопленных для арнаутских переселенцев. Относительно же камня выяснилось следующее: неподалеку от места основания города были найдены богатые залежи белого мягкого строительного камня¹¹⁰. Но выпискать каменоломщиков в условиях полупустынного

¹⁰⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, д. 463, л. 106.

¹⁰⁶ См. «Տեղի Կառնուք», стр. 5.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ЗООИД, т. XII, стр. 347.

¹⁰⁹ Там же, стр. 348—349.

¹¹⁰ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 699, ч. I, л. 224 об.

края было нелегко. На помощь пришел Аргутинский, предложивший армянской переселенческой бедноте за определенную плату начать разработку¹¹¹. Вскоре из этой среды был составлен целый отряд, который под руководством армянского же мастера отправился на место работы. В. В. Коховский, в свою очередь, позаботился как о выдаче им инструментов, так и о постройке для них жилых домов¹¹². В дальнейшем к армянским каменоломщикам присоединились наемные рабочие—выходцы из Польши, которым Коховский выплачивал по три рубля за каждую вырубленную кубическую сажень камня. К началу июля уже было наломано 500 кубических саженей¹¹³.

Первыми строительными объектами являлись жилые дома. Губернское начальство прозвало их «примерными»¹¹⁴. Видимо, по их примеру предполагалось выстроить все жилые помещения города. К описываемому периоду относится также сооружение архиепископского дома¹¹⁵. Так были сделаны первые шаги на пути строительства армянского города.

Новый город, не успев родиться, стал доставлять хлопоты и Аргутинскому и Коховскому. Вышедшие из-под пера екатеринославского губернатора строки свидетельствуют о том, что их автор стремился найти какой-нибудь выход для облегчения своих забот. Передать все строительные работы в руки армян он, по-видимому, не решался. Поэтому Коховский уже в июне замышляет учреждение специальной экспедиции, на которую можно было бы возложить строительство города. «К Алексею Николаевичу (Самойлову.—Ж. А.),—пишет он В. С. Попову,—представляю я об учреждении экспедиции строения в Григориополе; я не могу быть везде и отвечать за все»¹¹⁶.

«Экспедицию строения», видимо, предполагалось

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, лл. 224 об.—225.

¹¹³ ЗООИД, т. XII, стр. 369.

¹¹⁴ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 5 об.

¹¹⁵ См. «*Ştiri şi fapte din istoria*», стр. 5.

¹¹⁶ ЗООИД, т. XII, стр. 362.

учредить с началом развернутого строительства Григориополя, что возможно было только после получения утвержденного плана и официальной закладки города. Однако истекал уже второй месяц со времени отъезда Барсега, а из столицы пока не было вестей. Месяцы томительного ожидания возымели свое действие: неопределенное состояние, в котором находились армяне, явилось причиной недовольства некоторой части переселенцев. Среди последних появились и желающие вернуться обратно за границу¹¹⁷. Это были в основном выходцы из Аккермана, у которых за Днестром сохранились еще дома и имелись родственники. Положение обострилось настолько, что екатеринославский губернатор вынужден был прибегнуть к срочным мерам. По его приглашению в Дубоссары 6 мая прибывает председатель Ново-Нахичеванского магистрата поручик Павел Туманов¹¹⁸.

Губернатор В. В. Коховский приказывает Туманову возглавить руководство над армянскими переселенцами, проча ему в будущем должность градоначальника. Кандидатура Степана Марутова, естественно, отпадала, поскольку он, являясь представителем переселенцев, в создавшейся ситуации не мог соответствовать видам губернского начальства. Нужен был свой человек. Таким для Коховского оказался Павел Туманов. В одном из донесений к графу П. А. Зубову екатеринославский губернатор, повествуя об этом смутном периоде, полностью раскрывает свои карты: «... При начальном устройении города Григориополя для наблюдения порядка и надзирания за армянами в нем обитающими, а паче за теми, кои подавали о себе явное сомнение к не твердому общежитию с своими единоземцами и которые стремились к удалению паки за границу, решился... к управлению сим народом перевести туда прошедшего 1792-го года в мае месяце из Нахичевана бывшего в тамошнем армянском магистрате председателем из армян поручика Павла Туманова»¹¹⁹.

¹¹⁷ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 699, ч. II, л. 413.

¹¹⁸ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 118.

¹¹⁹ Там же, л. 255.

Однако прибытие Павла Туманова в Дубоссары делу не очень помогло. Волнения среди армянских переселенцев продолжались. Этим и следует объяснить тревожные письма Иосифа Аргутинского графу Зубову. Прекрасно понимая, что одной из причин недовольства армян является неопределенность их состояния, армянский архиепископ просит у графа содействия для скорейшего решения участи переселенцев. «Долгом себе поставляю покорнейше донести вашему Высокопревосходительству,—пишет он в письме от 3 июня,—что армяне, перешедшие на сию сторону Днестра, расположены по жилищам молдаван, крайне изнуряются теснотою по неимению собственных домов, а потому просили меня яко архипастыря воззреть на их состояние и объяснить вашему Высокопревосходительству. Я, входя в оное, ... осмеливаюсь нижайше просить о решении участи их и моей представительством и заступлением вашим у престола человеколюбивейшей и милосердной монархини. Отвод места, назначенного под город между долин Черной и Черницы, есть главный предмет мыслей народных; но когда настоящее место ими упущено будет по части домостроительства, то оное сопряжется с большими и тягчайшими на будущий год трудами»¹²⁰.

Не успело это письмо прибыть в столицу, как Екатерина II 10 июня в Царском Селе накладывает на план Григориополя резолюцию: «Быть по сему». Вскоре утвержденный план города со специальным гонцом был отправлен в Дубоссары¹²¹.

Иосиф Аргутинский, ничего не ведая о случившемся, 1 июля посылает графу Зубову новое письмо¹²². В нем так же, как и в первом послании, почти в тех же выражениях армянский архиепископ повторяет свою прежнюю просьбу.

Письмо армянского архиепископа прибыло в столи-

¹²⁰ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, д. 463, л. 106 об.

¹²¹ «*Сборникъ документовъ*», стр. 5.

¹²² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, д. 463, л. 108.

пу слишком поздно. Также поздно пришел в Дубоссары и утвержденный императрицей план Григорнополя. Получив его только 17 июля, екатеринославский губернатор спешит тотчас же сообщить радостную весть Иосифу Аргутинскому¹²³. Армянский архиепископ, сообщив в свою очередь об этом переселенцам, приказал им подготовиться к торжественной закладке города. Посланные на место основания города рабочие выровнили огромную площадь, возведя на ней 24 июля в течение дня большие ворота, разукрашенные с обеих сторон художественной резьбой. Сверху над рамами ворот были повешены гирлянды цветов и лавра. В тот же день управляющий делами екатеринославского наместничества распорядился всем армянским переселенцам и гостям прибыть в воскресенье 25 июля на площадь для участия в торжествах.

На следующий день с 9 часов утра народ группами стал стекаться к площади. Среди них находились приглашенные из-за границы армяне, а также князья, дворяне, чиновники и простолюдины. К 10 часам утра пением молитв открылись торжества. Духовенство с начальством находилось во дворе архиепископского дома, выстроенного неподалеку от площади. По окончании молебствия Коховский торжественно вручил Иосифу Аргутинскому указ правительства об основании города и утвержденный императрицей план Григорнополя. Ответив на речь екатеринославского губернатора, Аргутинский приступил далее к освящению шести камней, предназначенных для закладки города. После этого последовало торжественное шествие к месту закладки Соборной церкви. Первый камень города, предназначенный для основания Соборной церкви, нес сам екатеринославский губернатор; остальные камни находились в руках высокопоставленных военных и гражданских лиц. Армянский архиепископ шел в окружении пышной свиты. Впереди шествовало армянское духовенство, среди которого находились приглашенные русские и молдавские священ-

¹²³ См. «Տեղրակի համայնություն». Описание торжеств, связанных с закладкой Григорнополя, взято нами из этой книги.

ники, облаченные в одежду армянских священников. Вся эта процессия прошла через выстроенные ворота и приблизилась к месту основания Соборной церкви, где пока была разбита только палатка. Войдя в нее, армянские священники положили на стол сосуд с миррой и с молитвенным песнопением начали кропить камни водой и вином. Обойдя далее вокруг места строительства Соборной церкви, они окропили камни миррой. После этого губернатор Коховский, взяв в руки первый камень, заложил его в центре будущей Соборной церкви, покрыв его мемориальной доской, на которой было выбито: «В царствование Великой Екатерины Второй. В 1792 году 10 июня». Второй камень был положен под находившийся в палатке стол, а остальные четыре камня были заложены в четырех концах будущего армянского города.

Вернувшись к месту основания Соборной церкви, торжественная процессия выслушала проповедь армянского архиепископа, после которой началось молебствие. По завершении молебна раздались орудийные залпы, после чего должностные лица, чиновники, гости и представители армянского купечества были приглашены в архиепископский дом, в котором начался пир.

В тот же день екатеринославский губернатор передал Иосифу Аргутинскому различные материалы для строительства города, а также деньги для покрытия строительных расходов.

Весть об основании Григориополя нашла широкий отклик как среди армянских колоний в России, так и в самой Армении. Католикос Гукас в одном из своих писем сообщал из Эчмнадзина, что, узнав об основании Григориополя и обещанной правительством программе льгот и привилегий для армян, они пережили большую радость¹²⁴.

Вскоре после основания Григориополя армянский архиепископ уезжает в г. Новую Нахичевань для освящения монастыря им. св. Креста.

Несмотря на его отсутствие, строительные работы в городе велись более или менее планомерно. К началу

¹²⁴ См. «Գրիգորի Հայոց պատմութիւն», գիրք 4, Թիֆլիս, 1899, стр. 610.

августа в Григорнополе было уже выстроено 114 жилых дома, одна кофейня, сафьяновый завод, 16 торговых лавок и к тому же было вырыто 43 колодца¹²⁵. Для покрытия строительных расходов екатеринославский губернатор вынужден был воспользоваться той суммой, которую правительство ассигновало на постройку крепостей в «Очаковской» области. Об этом и докладывает Коховский императрице: «Вывезенные армяне... из разных молдавских мест были помещены по домам дубоссарских жителей и в нужных землянках. Положение, в каком они находились и коего был я ежедневным самовидцем, и невзгоды, причиняемая от постоя их новопоселяющимся дубоссарским жителям, понудили меня принять смелость употребить из крепостной суммы на построение для них жилищ в городе Григорнополе»¹²⁶.

Иначе В. В. Коховский и не мог поступить: волнения среди армянских переселенцев заставили его пойти на этот шаг. К лету уже некоторая часть переселенцев справляла новоселье в новых жилых домах армянского города. Остальные же армяне были размещены в ближайших от Григорнополя селениях¹²⁷. С дубоссарскими жителями переселенцам пришлось вовсе расстаться. Но, несмотря на такие экстренные меры губернского руководства, брожение в среде переселенцев из Аккермана еще продолжалось. Часть из них даже помышляла вновь перейти границу. Для локализации их действий и успокоения всех армян губернатор В. В. Коховский (видимо, по совету Павла Туманова) предпринял следующее: наиболее опасных армян в количестве 38 семейств он выслал из Григорнополя в Новую Нахичевань¹²⁸. При этом екатеринославский губернатор не поскупился выделить на их транспортировку 2000 рублей ассигнациями. О переселении григорнопольских армян на берега Дона В. В. Коховский сообщает императрице в рапорте от 20 декабря; следовательно, оно могло быть осуществлено не ранее осени 1792 г.

¹²⁵ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 696, ч. 1, л. 373 об.

¹²⁶ Там же, ч. II, лл. 147—147 об.

¹²⁷ Там же, л. 147 об.

¹²⁸ Там же.

Тем временем (точнее—в конце декабря) Иосиф Аргутинский уже находился в Петербурге. В своем дневнике Аргутинский пишет, что 9 января 1793 г. он был принят Екатериной II¹²⁹. В девятом томе «Записок Одесского общества истории и древностей» опубликован текст двух речей (от 9 января 1793 г. и 27 марта того же года), произнесенных армянским архиепископом перед русской императрицей¹³⁰.

Содержание бесед между императрицей и Иосифом Аргутинским нам, к сожалению, не известно. Но зная задачи, для решения которых армянский архиепископ ехал в русскую столицу, нетрудно догадаться, какие именно вопросы могли быть поставлены во главе переговоров. Прежде всего речь могла идти об освобождении от турецкого и персидского ига, а также о благоустройстве новых городов-колоний и их дальнейшем заселении армянскими переселенцами из-за границы.

Свидетельством достоверности наших предположений частично являются записи Иосифа Аргутинского в своем дневнике, а также одно из его писем к графу Зубову. Описывая в дневнике прием у императрицы, состоявшийся 27 марта 1793 г., Иосиф подчеркивает, что он в течение получаса беседовал с великим князем Александром Павловичем (будущим императором), который интересовался строительством и другими делами Григориополя¹³¹. Из письма к Зубову важно для нас обратить внимание на следующие стрски армянского архиепископа: «Я... с удовольствием приступил к выполнению высочайше возложенного на меня препоручения о построении для них (григориопольских армян. — Ж. А.) домов и о присоединении в их общество армян из других мест»¹³².

О практических мерах, ссуществленных армянским архиепископом для выполнения распоряжений русской императрицы, мы скажем ниже. В данный момент нас

¹²⁹ «Գրգորիոս», указ. соч., стр. 438—440.

¹³⁰ ЗООИД, т. IX, стр. 312—314.

¹³¹ «Գրգորիոս», указ. соч., стр. 441.

¹³² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, л. 462, л. 255.

интересует сама направленность беседы, свидетельствующая, что обе стороны (каждая, конечно, исходя из своих собственных интересов) пришли к единому выводу: необходимо, во-первых, продолжать вывод армян из-за границы на юг России и, во-вторых,—благоустроить новые армянские города-колонии.

Результаты переговоров не заставили себя долго ждать. Ровно через неделю после второй встречи армянского архиепископа с русской императрицей последняя приказывает генерал-прокурору А. Н. Самойлову отпустить для григоринопольских армян 50 тысяч рублей. Эта денежная ссуда, по мысли правительства, должна была быть временным подспорьем для армян, пока им не будут предоставлены обещанные льготы и привилегии¹³³.

По получении указа Екатерины II А. Н. Самойлов распоряжается перевести из Смоленской казенной палаты к губернатору В. В. Коховскому 30 тыс. руб. Остальные 20 тысяч должны были быть выделены из доходов Екатеринославской губернии¹³⁴.

Бумагу с распоряжением генерал-прокурора В. В. Коховский получает 19 мая в Ольвиополе, а 25 мая он уже приказывает Екатеринославской казенной палате выслать в Григоринополь на имя Павла Туманова 5 тыс. руб.¹³⁵ Такая поспешность в действиях екатеринославского губернатора объясняется, видимо, тем, что с отъездом Иосифа Аргутинского в столицу в Григоринополе резко сократились строительные работы. Да к тому же григоринопольская беднота вновь стала высказывать недовольство. Поэтому В. В. Коховский приказывает Павлу Туманову немедленно приступить к строительству домов для бедноты. Теперь нам становится ясно, что дома, выстроенные ранее, предназначались для купечества. Беднота же, размещенная в окрестных деревнях, требовала у властей построить для них жилье в городе. На первых порах екатеринославский губернатор распоряжа-

¹³³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 98.

¹³⁴ Там же, л. 98—98 об.

¹³⁵ Там же, л. 118.

ется выстроить для бедноты два дома¹³⁶. В дальнейшем строительные работы должны были быть расширены.

Необходимая для начального строительства ссуда составляла 50 тыс. руб. Ее-то екатеринославский губернатор и не решался тратить наугад, бесконтрольно. Поэтому в рапорте от 19 июня на имя генерал-прокурора А. Н. Самойлова он вторично возбуждает вопрос об учреждении в Григоріополе «экспедиции строения».

Рапорт В. В. Коховского включал в себя еще одну просьбу: выдать григоріопольской бедноте (по примеру нахичеванских армян) вместо положенных продуктов соответствующую сумму денег. Эту просьбу В. В. Коховский объясняет, во-первых, тем, что «армяне все вообще, быв непривычны к аржаному хлебу, употребление онаго в пищу почтут для себя невыгодностью, а напротиву того покупка подрядом пшеничной муки может обойтись казне гораздо дороже и вовсе не прочна к долговременному лежанию, превращаясь вскоре в затхлость и совершенную порчь по причине, что оная большею частью продается сыромятною»¹³⁷ и, во-вторых, создание продовольственных магазинов в безлесном крае означало бы дополнительные расходы для государственной казны.

Вторая просьба В. В. Коховского, видимо, привлекла внимание правительства, поскольку в одном из «ордеров», посланных на имя Павла Туманова, екатеринославский губернатор просит сообщить ему численный состав григоріопольской бедноты. По сведениям Туманова, таковых оказалось более 2000 человек. В ответ на это сообщение В. В. Коховский в ордере от 21 августа пишет Туманову, что он распорядился, чтобы Екатеринославская казенная палата отпустила из 50-тысячной суммы, выданной правительством григоріопольским армянам на пропитание бедноты, 10 693 р. 8 к. В конце губернатор делает следующую приписку: «Соображаясь Вы с местной продажей хлеба, при соблюдении эконо-

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же, л. 120—120 об.

мин, можете остаточные деньги разделить на другие, нужные армянам в домоводстве, исправления»¹³⁸.

Заботы губернского начальства о григориопольской бедноте были вполне понятны, поскольку брожение в среде переселенцев не прекращалось. Некоторые из них, выражая явное недовольство, поговаривали о возвращении на старые места жительства¹³⁹. Недовольными своей участью оказались также и армяне, переселенные из Григориополя в Новую Нахичевань. По признанию самого Иосифа Аргутинского, положение их было крайне тяжелым¹⁴⁰. Все 149 переселенных армян буквально голодали. Поэтому екатеринославский губернатор вынужден был из известных нам уже 50 тыс. выделить для их пропитания 653 р. 52 к.¹⁴¹ Вполне естественно, что эта ничтожная сумма не могла оказать переселенцам серьезного подспорья, и поэтому многие из них высказали пожелание вернуться обратно в Григориополь. Но губернное начальство оставило без внимания эту просьбу армян. По всей вероятности, оно боялось возникновения новой вспышки недовольства среди григориопольских переселенцев. К тому же необходимо учесть, что в связи с медленными темпами строительных работ в Григориополе, их негде было бы разместить; из-за нехватки жилья большинство продолжало жить в землянках.

Чтобы как-то разрешить жилищную проблему, губернное начальство, воспользовавшись уходом из Черной, Глинной и Делякеу молдавских старожилов, предложило Павлу Туманову закупать для армян их дома¹⁴². Молдавские жители покидали свои насиженные места, видимо, из нежелания оставаться под юрисдикцией армянского магистрата. Екатеринославский губернатор предложил им «избрать для нового поселения и жительства другие места»¹⁴³. Но не все старожилы названных

¹³⁸ Там же, л. 126—126 об.

¹³⁹ Там же, л. 118.

¹⁴⁰ Там же, л. 132.

¹⁴¹ Там же, л. 132 об.

¹⁴² Там же, л. 102 об.

¹⁴³ Там же, л. 215.

мест последовали примеру молдаван. Не захотели, например, покинуть насиженные места казаки села Черной. Свое намерение остаться и жить вместе с армянами они мотивируют следующими причинами: «Но как мы по случаю претерпленных нами в бывшее военные времена многих разорений, ныне из селения Черной в другие места переселиться и вновь обзаводить себе домостроительством не в состоянии, решились с доброй нашей воли и согласия остаться с семействами своими по-прежнему в оном селении Черном для всегдашнего жительства и быть под данным судом и-расправою городу Григориополю»¹⁴⁴. Поэтому в июле представители русско-украинского населения поселка Черной начали переговоры с Павлом Тумановым, завершившиеся 13 октября подписанием в Дубоссарах договора между обеими сторонами. В переговорах от имени русско-украинского населения с Черной принимал участие казак Петр Соловьев¹⁴⁵.

Соловьев и Туманов договорились о следующих правах и обязанностях казаков. Последние прежде всего добивались права пользоваться григоринопольской землей, сенокосом и лесными угодьями, что и было за ними закреплено в первом пункте договора¹⁴⁶. В качестве ренты казаки обязывались ежегодно платить григоринопольцам определенную сумму денег. Интересно при этом отметить, что размер платежей зависел от состоятельности казаков, разделенных в этой связи на три группы. В первую группу входили наиболее зажиточные казаки, обязывавшиеся платить ежегодно по двенадцать левов; казаки, входившие во вторую группу, должны были платить в год восемь левов; наконец, казаки из третьей группы—четыре лева в год и к тому же обязывались отработывать по три дня на городской земле¹⁴⁷. Третий пункт договора изложен в форме примечания к последнему обязательству казаков. «Сия работа,—пишут они,—нами должна быть производима в то самое время, когда и какая от того общества армян назначена будет без вся-

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же, л. 216.

¹⁴⁶ Там же, л. 215.

¹⁴⁷ Там же, л. 215 об.

ких от нас и малейших отговорок»¹⁴⁸. Но дальше этого казаки не хотели идти. Чтобы не быть превратно истолкованными в своей уступчивости, казаки вводят 4 и 5 пункты договора, преследующие, скорее, оградительные цели. «Сверх сего условия,—гласит 4-й пункт,—армянское общество не должно с нас свыше положенного платежа взыскать и работы назначать кроме такой, которую мы можем по добровольному согласию и договору нашему выполнить за деньги»¹⁴⁹. Следующий пункт как бы дополняет предшествующую статью: «В случае, [если] показанное общество армян сверх сего постановления будет поступать с нами так, что можно причесть за обиду и угнетение, тогда мы имеем волю выступить из-под их ведомства со всем семейством и имуществом, когда кому угодно будет на жительство, без малейшего от того армянского общества препятствия». Наконец, в последнем пункте договора казаки обязывались начать как работу, так и платежи с первого декабря 1793 г.¹⁵⁰

Помимо того, что настоящий договор является свидетельством тех дружеских отношений, которые стали складываться с первых же дней основания армянского города между русско-украинским и армянским населением, он вместе с тем знаменует начало внутренней жизни в Григориополе. Еще не утвержденные правительством органы городского самоуправления фактически приступили к исполнению своих обязанностей. Екатеринославский губернатор отнесся к этому явлению весьма благосклонно, не говоря о том, что он сам вдохновлял Павла Туманова на это. Однако медлительность, которая проявлялась в утверждении органов городского самоуправления, а также в предоставлении григориопольцам льгот и привилегий, не могла не волновать горожан. Последние ждали возвращения Иосифа Аргутинского в надежде, что его петербургская миссия завершится успешно. Но армянский архиепископ задерживался. Он прибыл в Григориополь лишь к началу сентября¹⁵¹.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, д. 462, л. 255.

12 сентября уже из Григориополя Иосиф Аргутинский пишет письмо графу Зубову, в котором дает понять ему, что надежды григориопольцев на получение привилегий оказались обманутыми¹⁵². Поэтому тотчас же по прибытии армянского архиепископа в Григориополь горожане обратились к екатеринославскому губернатору с просьбой отправить из их среды депутата к графу Зубову. В. В. Коховскому пришлось взять этой просьбе армян. Приблизительно в середине сентября в Петербург был отправлен знакомый нам Барсег Аргутинский-Долгоруков¹⁵³. Племянник армянского архиепископа вез с собой еще одно прошение григориопольских армян. Вскоре граф Зубов получил упомянутое письмо Иосифа Аргутинского. «...Всенижайше прошу,—писал он,—удовлетворить просьбе их и к величайшей всех их и моей благодарности привилегию и все то, о чем за нужное признавший Василий Васильевич представил к Вашему сиятельству, доставить сюда с моим племянником»¹⁵⁴.

Письмо Иосифа Аргутинского примечательно и в другом отношении. Благодаря ему, нам частично удастся узнать о содержании переговоров Екатерины II с армянским архиепископом. Как мы уже писали выше, русская императрица, исходя из потребностей скорейшего заселения «Очаковской» области, вменяет в обязанность Иосифу Аргутинскому организовать новое переселение армянского населения на юг России¹⁵⁵. Поскольку такое переселение соответствовало также и планам армянского архиепископа, последний с охотой взялся за исполнение распоряжения Екатерины II.

Задача, вставшая перед Иосифом Аргутинским, была далеко не легкой. События конца 80-х и начала 90-х годов показали, что планы по привлечению армянского населения из далекой Индии на юг России оказались почти неосуществимыми. Теперь вся надежда возлагалась на армян, проживавших на турецкой территории. Среди них находились и такие (в основном купцы), кото-

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, л. 255об.

¹⁵⁵ Там же, л. 255.

рые переселились из персидских областей в Константинополь и другие города. На этих армян, кстати еще не принятых в турецкое подданство, и делал свою ставку Иосиф Аргутинский. Письма армянского архиепископа избудоражили их. Последние стали присылать своих депутатов «с прошением: да приняты будут в российское подданство и поселены на землях морю Черному прилежащих»¹⁵⁶. Такая активность турецких армян, проявляемая в вопросе их переселения на юг России, побудила Иосифа Аргутинского не медля разработать подробный план действий и послать его в Петербург на утверждение правительства. Этот план был изложен в письме армянского архиепископа к графу Зубову. «А дабы споспешествовать выходу их (армян. — Ж. А.) из Турции,—пишет он Зубову,—примыслил я удобный к тому способ, который на всевысочайшее утверждение донести прошу Ваше сиятельство»¹⁵⁷.

Что же предлагал русскому правительству Иосиф Аргутинский? Прежде всего он рассчитывал на уже испытанные средства агитации, одним из которых являлось распространение среди армянского населения «открытых листов». Их на сей раз предполагалось закрепить подписью и печатью екатеринославского губернатора. Для успокоения правительства он считает нужным приписать, что «к исполнению сего не потребно ни суммы, ни же каких-либо политических переписок и переговоров»¹⁵⁸. Все организационные тяготы должны были лечь на уже известного нам полковника Хастатова, который к этому времени был назначен сотрудником русского посольства в Турции. «С верноподданическим усердием, ежели благоугодно будет Е. И. В.,—писал Иосиф Аргутинский,—приемлет он на себя доставить свободный в Россию выход как тем, кои чрез депутатов желание свое уже объявили, так и тем, кои, не участвуя в их прошении, алчут исторгнуться из-под бремени варварской власти, а сих количество, как известно мне, довольно знатно»¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Там же, л. 143.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же, л. 143об.

¹⁵⁹ Там же, л. 143.

В помощь полковнику Хастатову армянский архиепископ предлагает выделить отставного поручика Ивана Айвазова¹⁶⁰. Но Хастатову необходима была помощь и другого рода. На пути в Россию армянские переселенцы ни в коем случае не должны были натолкнуться на препятствия, чинимые, по своему неведению, российскими должностными лицами. Поэтому Иосиф Аргутинский просит у правительства об издании «секретного повеления послу и находящемуся при Порте министру российскому, також и начальникам черноморского флота, чтоб они благоволили спомоществовать выходу оных армян, по толику, сколько за них будет касаться и о чем оный Хастатов их просить будет»¹⁶¹.

Приведенные нами документы свидетельствуют о том, что Иосиф Аргутинский к описываемому периоду уже имел договоренность с Хастатовым относительно переселения в Россию турецких армян. Но это переселение не могло вылиться в форму цельного потока, поскольку оно протекало в полулегальной обстановке. Вот почему армянские семьи стали прибывать в Россию в разное время, то небольшими группами, а то и в одиночку. К числу подобных переселенцев-одиночек относилась, например, семья богатого купца и промышленника Ивана Сатова, обосновавшаяся весною 1794 г. в Григоріополье. По прибытии Ивана Сатова в Григоріополь он тотчас же поставил перед правительством вопрос о принятии его в российское подданство, присвоении ему чина и зачислении его трех сыновей в гвардию и, наконец, о выделении шести тысяч десятиин земель¹⁶². Иосиф Аргутинский не замедлил прийти на помощь Сатову, выдав ему свидетельство о дворянском его происхождении¹⁶³. Как армянский архиепископ, так и григоріопольское купечество в целом были очень заинтересованы в заполнении такого влиятельного и богатого компаньона, каким, несомненно, являлся Иван Сатов. Капитал последнего доходил до 80 тыс. руб. В бытность за границей он

¹⁶⁰ Там же, л. 143об.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 699, ч. I, лл. 253--253об.

¹⁶³ Там же, л. 254.

вел широкую торговлю в Молдавии и Турции, его предприятия находились также и в Польше. А в Григорнополе Сатов собирался открыть за свой счет две фабрики (хлопчатобумажную и сафьяновую), для эксплуатации которых им уже были привезены 15 семейств мастеровых¹⁶⁴.

Для русского правительства Иван Сатов представлял собой образец именно такого переселенца, о котором оно мечтало. В рапорте на имя императрицы, датированном 26 мая, граф Зубов, излагая мнение григорипольцев относительно переезда Сатова, фактически высказывает свою точку зрения: «... Армянское общество... полагает, что поселение в сем вновь создаваемом городе толь богатого человека (т. е. Сатова, — Ж. А.) и предоставление ему просимых выгод непосредственным будет побуждением к переселению туда из разных мест подобных ему армян, а устроение фабрик и распространение торговли возопоспешествует приведению в цветущее состояние города Григорнополя, открывающее и для всей новой области пользу»¹⁶⁵. И нет ничего удивительного в том, что все просьбы Ивана Сатова были удовлетворены правительством с завидной поспешностью. 29 мая, т. е. буквально на третий день после подачи Зубовым рапорта, правительство, приняв Сатова в российское подданство, жалует ему чин титулярного советника и выделяет для него землю¹⁶⁶.

Если в вопросе Сатова русское правительство и проявило такую оперативность, то в деле предоставления григорипольцам обещанных льгот и привилегий оно все еще продолжало оставаться пассивным. Эта пассивность привела к тому, что недовольство некоторой части горожан достигло предела. Во всяком случае, они стали открыто заявлять о своем желании вернуться вновь за границу. У нас нет точных сведений, но надо полагать, что внутренним кризисом в Григорнополе воспользовалась Турция, отношения с которой в описываемый момент

¹⁶⁴ Там же, лл. 253—253об.

¹⁶⁵ Там же, лл. 254—254об.

¹⁶⁶ Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 57.

были крайне натянуты. Иначе трудно объяснить, чем был вызван указ Екатерины II от 9 мая, в силу которого недовольные аккерманские армяне приобретали право после выплаты долгов возвратиться к себе домой¹⁶⁷. Вспомним, что двумя годами раньше правительство вовсе не собиралось разговаривать с ними языком примирительных указов.

Указ Екатерины II заставил форсировать некоторые действия графа Зубова и В. В. Коховского. Прежде всего, екатеринославский губернатор поспешил ускорить утверждение Павла Туманова в должности градоначальника. Видимо, этим он хотел показать григориопольцам, что правительство не забыло о своих обязательствах перед ними. В мае месяце В. В. Коховский обратился к Зубову с просьбой утвердить Туманова, вопрос которого вскоре же был рассмотрен правительством¹⁶⁸. 29 мая поручик Павел Туманов был, наконец, утвержден в должности градоначальника Григориополя с жалованьем 300 руб. в год и с присвоением ему капитанского чина¹⁶⁹.

Спустя три месяца и только лишь после вторичного предупреждения Екатерины II (предписание, данное сенату 28 августа)¹⁷⁰ граф Зубов снова взялся за дела григориопольцев. Во-первых, он через екатеринославского губернатора передал аккерманским армянам, что они в силу указа правительства от 9 мая имеют право (после выплаты долгов) возвращения в Бессарабию. Во-вторых, граф Зубов просил В. В. Коховского сообщить всем остальным армянам, «что они всеми выгодами им обещанными вскоре воспользуются»¹⁷¹. Последний жест графа носил профилактический характер, поскольку по сведениям, поступившим от Иосифа Аргутинского, оставшиеся в Григориополе 502 семьи не собирались покидать город¹⁷². Рассталась с Григориополем только часть аккерманских армян в количестве 85 семей. Граф Зубов

¹⁶⁷ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 966, ч. I, л. 171об.

¹⁶⁸ Там же, д. 699, ч. I, лл. 255—256.

¹⁶⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 57.

¹⁷⁰ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 966, ч. I, л. 171.

¹⁷¹ Там же, лл. 172—172об.

¹⁷² Там же, л. 172об.

распорядился препроводить их за границу под воинским конвоем.

Армяне, оставшиеся в Григориополе, по требованию графа Зубова принялись за составление нового прошения на имя правительства. Получив вскоре петицию григоринопольцев, Зубов без промедления передал ее на рассмотрение Екатерине II. При этом императрице был вручен тот текст петиции, к каждой статье которой имелись комментарии Зубова.

Подлинник четвертой петиции григоринопольских армян хранится в ЦГАДА в фонде Зубова. Ее копия имеется в фондах Центрального Государственного архива Молдавской ССР. Этот документ представляет для нас большую ценность, поскольку в комментариях графа Зубова прямо или косвенно выявляется отношение царского правительства ко многим вопросам колонизационной политики на юге России. Если к тому же учесть, что мнение Зубова было одобрено царицей, то комментарии его к тексту прошения, естественно, обретают силу организационных мер правительства.

В сравнении с предшествующими тремя обращениями четвертое прошение отличается тем, что оно вобрало в себя опыт и историю двухлетней жизни армянских переселенцев на территории России. Многие наивные положения, характерные для статей прошлых петиций, сейчас, конечно, уже не выдвигались.

В начальных пунктах четвертой петиции, как и в первых статьях предшествующих прошений, ставится вопрос о постройке в Григориополе каменных домов, церквей, ремесленных лавок, гостиного двора, школы и магистрата¹⁷³. Комментарии Зубова к этим статьям весьма обширны. Из них вытекает, что правительство очень осторожно отнеслось к просьбам армян, удовлетворяя лишь те пункты прошения, которые не противоречили интересам государства. На просьбу армян о постройке в Григориополе 1000 каменных домов Зубов отвечает, что вначале в его намерениях было выстроить в городе 600 домов,

¹⁷³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, лл. 5—9.

но после выхода из Григорнополя аккерманских армян «довольно построить только 502 дома»¹⁷⁴. Подхватив идею В. В. Коховского, граф Зубов предлагает учредить в Григорнополе «экспедицию строения», которая должна была заняться не только строительством жилых домов, но и постройкой административных зданий и даже церквей. Упомянутая «экспедиция строения», по мысли Зубова, должна была быть подотчетной губернской казенной палате¹⁷⁵.

В целях экономии государственных средств граф Зубов предлагает армянскому обществу взять на себя финансирование строительства ремесленных лавок и гостиного двора, предоставляя, однако, ему для этой цели сроком на 10 лет заимообразно 10 тыс. руб.¹⁷⁶ Дальнейший анализ комментариев Зубова приводит нас к убеждению, что правительство постепенно отходит от своих обещаний. Если раньше никто не сомневался в том, что город будет построен за государственный счет, то теперь, спустя два года, картина несколько меняется. Устами Зубова правительство заявляло, что оно согласно финансировать только постройку административных зданий, например магистрата, а бремя строительства кофейных домов и бани возлагает на плечи самих армян¹⁷⁷. Точно так же экономно отнеслось правительство и к расходованию средств, выделенных им на хозяйственные нужды армян, для коих григорнопольцы просили выдать им безвозмездно 30-тысячную ссуду¹⁷⁸. Граф Зубов, исходя из положения 4-го пункта манифеста 1763 г., соглашается удовлетворить просьбу армян. Однако при этом он сокращает размер ссуды и ставит условием возврат ее по истечении пяти лет¹⁷⁹. В отношении же зажиточной части григорнопольцев правительство принимает такое решение: «...Имущественные же на отведенных им землях имеют строить дома, лавки, амба-

¹⁷⁴ Там же, лл. 50б—6.

¹⁷⁵ Там же, л. 70б.

¹⁷⁶ Там же, л. 8.

¹⁷⁷ Там же, лл. 9—90б.

¹⁷⁸ Там же, л. 13.

¹⁷⁹ Там же, лл. 15—150б.

ры, фабрики и все, что сами пожелают, из собственного своего иждивения»¹⁸⁰.

Возлагая строительство фабрик и торговых лавок на зажиточных армян, правительство рассчитывало на развитие в Григориополе торговли и промышленности, что крайне необходимо было для поднятия экономического уровня всего Юга в целом. Поэтому Зубов благосклонно относится к выдаче григоринопольскому купечеству 50-тысячной ссуды на «возстановление упавшей и разорившейся торговли»¹⁸¹. Удовлетворяя эту просьбу армян, он вместе с тем стремился сделать подконтрольным григоринопольское купечество не магистрату (чего добивались сами армяне), а губернской казенной палате. «...Но быть выдаче оных денег,—пишет граф Зубов,—под ведением казенной палаты в губернском казначействе, а не в магистрате, которые выдавали бы их григоринопольскому купечеству (армянам) по одобрениям армянского магистрата с согласия управляющего губерниею»¹⁸².

Наряду с крупной купеческой верхушкой, в Григориополе существовала значительная прослойка мелких торговцев, которые также выдвигали свои требования. Они, во-первых, добивались от правительства предоставления им права свободной торговли как внутри государства, так и за его пределами; во-вторых, права торговли хлебным вином в Григориополе и в двух армянских деревнях: Иосифовке и Васильевке*. В связи с первой просьбой армян правительство постановляет: «...В доставление

¹⁸⁰ Там же, л. 14об.

¹⁸¹ Там же, л. 16.

¹⁸² Там же, л.л. 16—16об.

* Армянские деревни были основаны в мае-июне 1792 г. недалеко от Григориополя и принадлежали племянникам Иосифа Аргутинского. Васильевка досталась Барсегу Аргутинскому. В благоустройстве этой деревни принимал участие сам Иосиф Аргутинский, который 10 июня 1792 г. освятил ее и установил распорядок, по которому местные жители (молдавские казенные крестьяне) должны были жить под начальством их князя Барсега Аргутинского. См. «Чини-йи», указ. соч., стр. 436—437.

жителям григориопольским пропитания да будет позволено всем им неизключительно как внутри, так и вне государства свободная на законном основании торговля».¹⁸³ А вторая просьба григориопольцев разрешается следующим образом. Правительство решает предоставить армянским торговцам те же льготы, какими были наделены продавцы вина в «Очаковской» области. Заключение с последним контракт, екатеринославское губернское начальство разрешило им временно торговать вином без отдачи на откуп во всех городах, крепостях и деревнях¹⁸⁴. «...В сохранении онаго контракта,—пишет Зубов,—полагаю, как и Правительствующий Сенат в мнении своем изъяснил, что винная продажа в городе Григориополе и в армянских селениях до истечения того контракта должна происходить на постановленном в оном основании, по прошествии же того оставить тамо винную продажу на всеобщем основании»¹⁸⁵. Однако не все требования армянского купечества были удовлетворены русским правительством. Например, в своей просьбе о разрешении торговать «сухим путем» и привозить в Россию турецкие товары из Кишинева, Бендер и других городов армянские купцы получили отказ¹⁸⁶. В данном случае правительство не посчиталось с мнением уже покойного В. В. Коховского, который в свое время допускал возможность ввоза армянами для личных нужд так называемых «турецких товаров». Не пошло правительство также на освобождение от обложения пошлиной капитала, ввозимого армянскими переселенцами из-за границы в Россию. Как показал Зубов, последняя просьба армян противоречила положениям июльского манифеста 1763 г., по которому разрешалось иностранным переселенцам ввозить без пошлины товаров не более, чем на 300 руб.¹⁸⁷

Мысль о возведении части крупного григориопольского купечества в дворянское звание не покидала армян.

¹⁸³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 190б

¹⁸⁴ Там же, л. 220б.

¹⁸⁵ Там же, лл. 23—230б.

¹⁸⁶ Там же, л. 160б.

¹⁸⁷ Там же, л. 22.

Поэтому и на сей раз они поднимают этот вопрос перед правительством. Русское правительство весьма сдержанно отнеслось к просьбе армян. Последние надеялись, что многие из них получают звание российского дворянина, однако этого звания удостоились лишь двое¹⁸⁸.

Наконец, григоринопольское армянское общество еще раз ставит вопрос об учреждении магистрата, третейского или совестного суда и о пожаловании печати¹⁸⁹.

Перечисленные выше просьбы армян совместно с комментариями Зубова были переданы 6-го октября Екатерине II. Неделю спустя, 12-го октября, русская императрица утверждает все предложения графа Зубова. Таким образом, последнюю дату можно считать днем получения григоринопольскими армянами тех льгот и привилегий, которых они добивались в течение двух лет.

Исходя из указа Екатерины II от 12 октября 1794 г. Григоринополь был отнесен к числу городов, входящих в состав Екатеринославского наместничества. Он получил свой герб, печать и штат городского магистрата. Сохранилось следующее описание герба Григориополя: «Внизу поставленная корона значит честь государскую. Единоглавый орел, держащий в лапе скипетр, показывает дела армянского императора Артаксеркса. Нерукотворный образ свидетельствует исповедование Христа армянским царем Абгаром. Агнец показывает то время, в которое святой Григорий просветил крещением царя Трдата и всю Армению. Львы означают трудолюбие и храбрость армянских царей Рубенских. Ковчег Ноев, стоящий на горе Араратской, означает принадлежность онаго Великой Армении.

Российский императорский герб в заглавии знаменует покровительство России армянскому народу»¹⁹⁰.

Приведенный рисунок герба был вписан в окружность городской печати, которой должен был пользо-

¹⁸⁸ Там же, л. 27.

¹⁸⁹ Там же, лл. 23об.—25об.

¹⁹⁰ «Собрание актов», ч. I, стр. 193; см. также ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1815, л. 84. Описание герба мы нашли также в фондах ЦГА Молдавской ССР, Государственного архива Херсонской области и др. архивах.

ваться магистрат. Григоринопольскому магистрату предоставлялась судебная и исполнительная власть. Для разбора особых и мелких дел при магистрате учреждались также сиротский и словесный (устный) суды. Высший орган городского управления находился под ведением губернского правления и имел свой штат¹⁹¹. Помимо градоначальника, который, как мы помним, получал 300 руб. в год, были введены должности двух бургомистров каждый с жалованием в 120 руб., четырех ратманов с окладом по 100 руб., секретаря с жалованием в 200 руб. и одного переводчика с окладом 150 руб.¹⁹² в год.

Помимо этого, русское правительство утвердило выдачу армянскому городу ссуды на льготных условиях и предоставление привилегий. На строительство 325 жилых домов, магистрата и церковных зданий решено было выдать безвозмездную ссуду. Причем на постройку жилых зданий предполагалось отпустить 46 781 р. 72 к., Соборной церкви, монастыря и приходских церквей—37 тыс. руб., архиерейского дома и консистории—15 тыс. руб., магистрата—4 тыс. руб.¹⁹³ По истечении 10-летней льготы григоринопольцы обязаны были возратить правительству в последующие 10 лет деньги, отпущенные им на строительство лавок и гостинного двора (10 тыс. руб.), кофейных домов и бани (2 тыс. руб.), а также 50-тысячную сумму, выделенную армянскому купечеству для развития торговли¹⁹⁴. Деньги же, выданные каждой армянской семье (в общей сумме 25 тыс. руб.), правительство собиралось по истечении 10-летней льготы востребовать от григоринопольцев в течение пяти лет¹⁹⁵. Всего русское правительство предполагало отпустить григоринопольским армянам 189 781 р. 72 к.¹⁹⁶ В это число не входят ассигнования на магистрат (1578 руб.) и «экспедицию строения» (1174 руб.). Учреждаемая «экспедиция строения» города Григориополя должна была иметь следующий

¹⁹¹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 24об.

¹⁹² ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 966, ч. 1, л. 175.

¹⁹³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 33.

¹⁹⁴ Там же, лл. 33—33об.

¹⁹⁵ Там же, л. 33об.

¹⁹⁶ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 33об.

штат. Во главе «экспедиции» ставился «первый присутствующий в экспедиции», жалование которому выдавалось в зависимости от его чина. Его помощниками являлись два представителя от армянского общества¹⁹⁷.

Деньги, отпускаемые на содержание магистрата и «экспедиции строения», правительство обязывалось выплачивать ежегодно. Что же касалось остальных ассигнований, то дело обстояло так: сумму, выдаваемую безвозмездно (102 781 р. 72 к.), правительство решает отпустить из доходов Екатеринославской губернии в течение двух лет, а остальные деньги, которые должны были быть впоследствии возвращены казне (87 тыс. руб.), намечено было выдать армянам одновременно¹⁹⁸.

Перечисленные льготы и привилегии были изложены в указе императрицы на имя графа Зубова и отправлены к правителю Екатеринославского наместничества. Копию упомянутого указа получил через Барсега также и Иосиф Аргутинский, находившийся в это время в Астрахани¹⁹⁹. Это произошло 25 ноября 1794 г. На следующий же день армянский архиепископ в честь получения для Григоріополья льгот и привилегий отслужил в армянской астраханской церкви молебен, во время которого дважды (на русском и армянском языках) был зачитан указ Екатерины II²⁰⁰. Но этим действия армянского архиепископа не ограничились, Иосиф Аргутинский поспешно отправляет к правителю екатеринославского наместничества специального гонца с поручением выяснить, сможет ли он поспеть в Григоріополь к моменту чтики горожанам указа императрицы²⁰¹. Армянский архиепископ желал обязательно присутствовать на торжествах григоріопольцев. В письме к графу Зубову от 28 ноября он писал: «...Ежели получу сходственный с сим отзыв*, то, как ни

¹⁹⁷ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 966, ч. I, л. 176.

¹⁹⁸ Там же, л. 174, также ЦГА Молдавской ССР, там же, лл. 39—39об.

¹⁹⁹ АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», оп. № 100/III, д. 462, л. 142.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

* Речь идет о благоприятном ответе правителя Екатеринославского наместничества.

безвременный путь, ни же самая слабость моего здоровья удержать меня не может от государственной службы, я поспешу моим отсель выездом к нему господину правителю и по зделании с ним надлежащего соглашения, до предмета того относящегося, не оставляю следовать и в самый Григорнополь; если же уведомлен буду иначе, то в начале нового года последую уже туда сам, ибо с присутствием моим в оном городе я лучше надеюсь образовать их в жизни»²⁰².

Нам неизвестно, поспел ли Иосиф Аргутинский ко дню торжественной читки указа императрицы. По всей вероятности, нет. Учреждение в армянском городе органов городского самоуправления было осуществлено, видимо, без участия армянского архиепископа.

С 18 декабря в Григорнополе начал функционировать магистрат. Капитан Павел Туманов в силу занимаемой должности градоначальника вошел в его состав. Членами магистрата были избраны: бургомистры Саргис Бинятов и Асвадур Ованесов, четыре ратмана и словесные судьи—Акоп Каранетов и Каспар Арутюнов²⁰³.

«Экспедиция строения» Григорнополя приступила к своим обязанностям несколько позже магистрата, хотя переговоры о ее учреждении начались еще в октябре. 17-го октября преемник губернатора В. В. Коховского Иосиф Хорват получает от графа Зубова особое предписание, в котором граф приказывал правителю Екатеринославского наместничества укомплектовать штат «экспедиции строения»²⁰⁴. Для занятия должности руководителя экспедиции («перваго присутствующаго в экспедиции») Иосиф Хорват выдвигает кандидатуру подполковника Монсея Зверева, характеризуя его как «человека известного в способности к делам и в верности к Высочайшей службе»²⁰⁵. Эта характеристика полностью совпадает с оценкой, данной Звереву еще Коховским, при ко-

²⁰² АВПР, ф. «Сношения России с Арменней», оп. № 100/III, д. 462, л.л. 142—142об.

²⁰³ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, л.л. 198—301.

²⁰⁴ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 142.

²⁰⁵ Там же.

тором он ушел в отставку и работал в должности капитана-исправника в Новомиргородском уезде. В апреле 1792 г. подполковник Зверев переводится в Дубоссары и назначается ответственным по Карантину²⁰⁶. В дальнейшем Коховский, видимо, намеревался поручить ему строительство Григориополя. Об этом плане не мог не знать Иосиф Хорват, заменивший Коховского на его посту. Вот почему сейчас же после получения уже известного нам предписания графа Зубова Иосиф Хорват приказывает подполковнику Звереву «отправиться в Григоринополь и, по назначению других чинов в сию экспедицию, открыть оную и производить дела»²⁰⁷.

Комплектование штата «экспедиции строения» почему-то затягивалось. Правитель Екатеринославского наместничества выделяет для «экспедиции» секретаря и казначея только в феврале следующего, 1795 года. Секретарем был рекомендован Алексей Козлов, а казначеем — подпоручик Пантелей Харатов. Первый в это время еще находился в Екатеринославе, а второй — в Дубоссарах²⁰⁸. Иосиф Хорват приказывает им отправиться в Григоринополь к подполковнику Звереву. Последнему же правитель Екатеринославского наместничества в свою очередь предписывает, «приведя помянутых чинов на верность службы к присяге, приступить к деятельному производству дела»²⁰⁹. Но прежде чем начать «дело», Звереву необходимо было разобраться в действиях своих предшественников. Как мы помним, строительство в Григориополе началось еще в 1792 г. Оно велось под непосредственным руководством екатеринославского губернатора. В. В. Коховский строил каменные здания ценою каждое в 230 р. 50 к. По завершении постройки они сдавались государству в «казенное ведомство»²¹⁰.

О предполагаемых масштабах строительства города мы узнаем из содержания «ордера», данного Коховским

²⁰⁶ См. ЗООИД, т. XII, стр. 345.

²⁰⁷ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 142об.

²⁰⁸ Там же, л. 146.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

22 мая 1794 г. майору Тюринкову. Последнему (который, видимо, непосредственно осуществлял строительство) приказывалось не допускать строительства жилых домов вблизи от площади, гостинного двора и центрального проспекта, поскольку в этих местах предполагалось возвести крупные каменные здания. Эти наметки, конечно, были согласованы с Иосифом Аргутинским²¹¹.

Согласно предписанию Коховского, каждый застройщик имел право получить для своего двора 700—800 кв. саженей земли. В случае, если кто-либо из армян пожелал бы выстроить дом на больших улицах, ведущих к площади, он имел право получить для дома в 8 окон 1400 кв. саженей земли. Желаящим же строить более крупные дома с окнами, выходящими на улицу, предоставлялось право получить 2800 кв. саженей земли²¹². Разумеется, речь выше шла об индивидуальных застройщиках. Нетрудно понять, что это были в основном зажиточные купцы и ремесленники. Жилые же дома, выстроенные государством, предназначались, конечно, не для них.

Наряду с жилыми зданиями, государство начало строить также административные и церковные постройки. Строительство последних объектов было передано «экспедиции строения». Таким образом, город застраивался как индивидуальными, так и казенными постройками.

В начальный период строительства Григориополя, когда еще не была учреждена «экспедиция строения», губернское начальство с целью облегчения своих забот (нельзя забывать, что в этот период в «Очаковской» области стройматериалы и особенно лес, вывозившийся из Галиции, были очень дефицитны) отдавало некоторые участки строительства богатым подрядчикам, заключая с ними контракты. К их числу принадлежал также небезызвестный Иван Сатов, который сразу же по приезде в Григориополь включился в активную предпринимательскую деятельность.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

15-го мая 1794 г. губернское начальство заключает с Иваном Сатовым и Икаристом Фоминским контракт, в силу которого они обязывались к первому ноября того же года выстроить в Григорнополе 120 каменных домов со стоимостью в 230 р. 50 к. за каждый дом²¹³. В октябре григорнопольский градоначальник капитан Туманов выдает Ивану Сатову свидетельство, из которого выясняется, что армянский купец к этому времени уже выстроил 91 дом и начал строительство остальных 29 каменных домов. На основании этого свидетельства Сатов должен был получить из Екатеринославского казначейства около 21 тыс. руб.²¹⁴

Руководитель «экспедиции строения» подполковник Монсей Зверев поддерживал идею заключения контракта на строительство жилых домов. Вместе с тем он начал самостоятельные работы. Однако нужно признать, что деятельность «экспедиции строения» оказалась непродуктивной. «Экспедиция» долго не могла получить из губернского центра проектов различных строений. Постройка их затягивалась, причем на неопределенное время²¹⁵.

Задерживала «экспедиция строения» также строительство церковных зданий, хотя проекты архиерейского дома, консистории и семинарии еще в 1795 г. были направлены инженером-полковником Деволаном к Монсею Звереву. При этом любопытно отметить, что губернское начальство постоянно напоминало Звереву о необходимости экономии средств, отпускаемых на строительство²¹⁶.

Политика экономии средств, сокращения объема строительства административных и церковных зданий, проводимая в этот период губернским начальством, противоречила планам Иосифа Аргутинского. Это особенно стало заметно в 1795—1796 гг., когда армянский архиепископ решил пересмотреть ранее разработанные проекты строительства Соборной церкви, монастыря и архиерейского дома с пристройками. Например, в 1795 г. ар-

²¹³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 144.

²¹⁴ Там же, лл. 144—144об.

²¹⁵ Там же, лл. 267—268.

²¹⁶ Там же, л. 154.

мянский архиепископ внес существенные коррективы в план постройки архиерейского дома. Во-первых, он распоряжается начать строительство этого дома немедленно, во-вторых, неудовлетворенный старым проектом дома, Иосиф Аргутинский вносит в него настолько существенные поправки, что подполковнику Звереву ничего не оставалось делать, как просить Деволана разработать и представить новый проект архиерейского дома с учетом замечаний армянского архиепископа²¹⁷.

К этому времени относится также и переписка Иосифа Аргутинского с графом Zubовым относительно строительства в Григориополе Соборной церкви. Армянский архиепископ не удовлетворен и ее проектом. Если раньше армяне и сам Иосиф Аргутинский не придавали значения архитектурному оформлению и величине церкви (вспомним выражение из прошения армян, относящееся к строительству Соборной церкви: «величины какой угодно»), то теперь после переговоров Иосифа Аргутинского с русской императрицей армянский архиепископ ставит перед правительством вопрос о строительстве в новом армянском городе обширной церкви по примеру савк-петербургской армянской церкви Лазаревых²¹⁸. Русское правительство благосклонно отнеслось к просьбе армян. Граф Zubов разрешил строительство в Григориополе церкви по образцу петербургской армянской церкви с условием, если армяне к отпущенной правительством на строительство Соборной церкви сумме добавят свои средства²¹⁹.

В этой связи перед нами встает вопрос: чем объяснить эту перемену как в планах Иосифа Аргутинского, так и в действиях русского правительства? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что в описываемый период положение на южных и юго-восточных границах России продолжало оставаться напряженным. Был момент, когда новое столкновение с Турцией казалось неизбежным. Поэтому Россия начала лихорадочное

²¹⁷ Там же, л. 282.

²¹⁸ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

²¹⁹ Там же.

строительство еще одной крепостной линии, на сей раз уже по Днестру и в том числе—крепости при Гаджибее-Одессе. Следовательно, весьма возможно, что во время переговоров армянского архиепископа с русской императрицей была достигнута договоренность о превращении Григориополя в армянский епархиальный центр юга России. Вследствие своей расположенности на самой границе он мог контролировать не только армян, проживавших на юге России, но и армян, находившихся еще под владычеством турок. Григориополь, таким образом, мог сыграть свою роль в политических взаимоотношениях между Россией и Турцией. Как главный центр армянских переселенцев юга России он мог стать притягательной силой для турецких армян.

Этого хотели и этого добивались как русское правительство, так и армянский архиепископ. Последний поэтому торопил «экспедицию строения» со строительством большой Соборной церкви и добротного архиерейского дома.

Замыслам правительства и Иосифа Аргутинского, однако, не суждено было сбыться. Уже в 1796 г. положение на юге России резко изменилось. Все свое внимание теперь Россия переключила на Закавказье. В этом же году начался известный персидский поход Валериана Зубова, в котором, как известно, активное участие принял срочно вызванный из Григориополя Иосиф Аргутинский. В этой связи пришлось частично прекратить строительные работы в Григориополе. Более того, 21 января 1797 г. на основании распоряжения генерал-прокурора князя Куракина губернатор Оболенский приказывает «экспедиции строения» до получения соответствующего правительственного указа вообще прекратить строительство в Григориополе²²⁰.

Если мы вспомним о событиях, которые произошли в стране после восшествия на престол (ноябрь 1796 г.) преемника Екатерины II Павла I, то этот шаг нового русского монарха не покажется для нас странным. Хотя мы и не разделяем точку зрения исследователей, утверж-

²²⁰ Там же.

дающих о последовавшем изменении внутренней политики России после прихода к власти Павла I, однако бесспорен тот факт, что в некоторых распоряжениях (особенно в начале нового царствования) действительно сквозит стремление опорочить действия Екатерины II.

В описываемый период строительные работы были приостановлены не только в Григориополе, но и в некоторых других городах юга России. Вознесенское наместничество, являвшееся детищем любимца Екатерины II графа Зубова, было вовсе упразднено.

В создавшейся обстановке григориопольские армяне вынуждены были вновь обратиться к русскому правительству с просьбой о предоставлении им ряда привилегий и льгот. На сей раз это прошение они решили послать через своих депутатов. Формальным основанием для посылки в столицу армянской депутации явилась необходимость соблюдения этикета, заключавшегося в церемонии поздравления нового русского императора. Таковую же депутацию хотели послать и нахичеванские армяне. Но правительство отказалось принять депутации армянских городов²²¹. Однако пункты прошения григориопольцев губернское начальство все же вынуждено было представить на рассмотрение Павлу I.

30 марта 1797 г. генерал-прокурор Алексей Борисович Куракин в письме на имя губернатора Николая Михайловича Бердяева сообщает, что император, рассмотрев прошение григориопольских армян, согласился удовлетворить только две их просьбы: 1) о передаче строительства монастыря и Соборной церкви в ведомство армянского архимандрита* и о выделении ему из казны положенной суммы, 2) о составлении сметы и плана строительства в городе фонтана²²².

Таким образом, можно считать, что Павел I к этому времени снял свой запрет на строительные работы в Григориополе. Тем не менее в течение всего 1797 г. «экспе-

²²¹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, лл. 461—466.

* Григориопольским архимандритом в это время был Григорий Захарян.

²²² ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 461.

дница строения» почти бездействовала. Поэтому в новом прощении григорипольских армян, посланном губернскому начальству за подписью архимандрита Григория Захаряна, говорилось: «За не построение еще экспедициею для жителей дома в сумму за каждый [дом], что будет стоить им (т. е. григорипольским армянам. — Ж. А.), кои и будут сами собою выстраивать оные, в верности не утраты на другое употребление капитала за них порукою предоставляем магистрату; прочие же, [которые] ...не в состоянии строить, самим надо сумму отпустить в магистрат, который под надзором своим их выстроит, о чем общество убедительнейше просит Ваше сиятельство, по коему жителю, а равно и магистрат могут удобнее и скорее выстроить свои дома, употребля всякий для себя старание к поспешению, дабы не терпеть более нужды в неимении порядочных жилищ, необходимо нужных как для все бывших жителей, так и прибывающих из-за границы по коммерции, приносящих прибыль казне и распространяющих торговлю. За недостатком оных уменьшается количество прибывающих из-за границы, а через то казна потерпит убыток и коммерция приближается к упадку»²²³.

Как видно из текста прощения, армянское общество больше не доверяет «экспедиции строения». Оно хочет взять строительство города в свои руки. С этой целью армяне, используя заинтересованность правительства в экономическом развитии Юга, стремятся увязать масштабы строительства города с расширением объема торговли в новой области, а соответственно и с размерами государственной прибыли. «Экспедиция строения» фактически доживала свои последние дни. В 1798 г. правительство решило ее закрыть²²⁴. Стройматериалы и деньги, оставшиеся после «экспедиции строения», были переданы Григорипольскому магистрату, который немедленно приступил к постройке жилых домов²²⁵, однако гу-

²²³ Там же, л. 480.

²²⁴ Там же, л. 490.

²²⁵ Там же, л. 490об.

бериское начальство все же не хотело оставлять строительные работы в Григориополе без надзора. Поэтому оно посылает в армянский город в качестве своего представителя губернского секретаря²²⁶.

Со сменой руководства строительные работы в Григориополе стали продвигаться более ускоренными темпами, но в целом город застраивался медленно. Большинство жителей еще жило в землянках, терпя нужду и лишения. Губернатор Селецкий, после посещения осенью 1797 г. Григориополя, стал добиваться у правительства разрешения израсходовать деньги, предназначенные на строительство в Григориополе водопровода, на постройку жилых домов для бедноты. Помимо всего, этим предполагалось несколько успокоить бедноту, которая, недовольная как своим бедственным положением, так и притеснением армянского богатого купечества, стала покидать пределы города. О последних событиях подробнее речь пойдет в третьей главе. Что же касалось проблемы водоснабжения Григориополя, то Селецкий отмечал, что, помимо днестровской воды, в верхней части города имеется хорошая родниковая вода, а жители низменной части города могут пользоваться колодцами²²⁷.

Плохо обстояло дело также со строительством церквей. Из свидетельства, данного в 1804 г. самим армянским магистратом, выясняется, что к этому времени в Григориополе еще не были построены ни Соборная церковь, ни монастырь. Город имел только две деревянные церкви. Деревянным был также архиепископский дом. Деньги, отпущенные на строительство административных зданий, были использованы не полностью. Например, строители здания магистрата израсходовали только половину отпущенной им для этой цели суммы²²⁸.

На основании данного городу Григориополю указа правительства от 1799 г. армянскому обществу разрешалось иметь духовное правление. Заседания этого правления из-за отсутствия специального помещения происхо-

²²⁶ Там же, л. 489об.

²²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1815, лл. 66—67об.

²²⁸ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

длин в здании магистрата²²⁹. В 1804 г. горожане сами выдвигают перед Григориопольским духовным правлением вопрос о строительстве церквей²³⁰. На следующий год с подобной просьбой обращается часть григориопольцев, вышедших из Кишин. Они просили о строительстве церкви в честь св. Богородицы²³¹.

Просьбы армян, видимо, возымели свое действие, поскольку в последующие годы церкви были выстроены. Установить точную дату завершения этих построек не представилось возможным.

Из ведомости, выданной духовным правлением григориопольскому магистрату, нам только известно, что к 1817 г. в городе уже имелись две не очень большие каменные церкви: 1) во имя св. Богородицы и 2) во имя св. Геворка²³².

История церковного строительства в Григориополе сама по себе свидетельствует о том, что идея превращения Григориополя в центр новой епархии заглохла уже к концу XVIII века. Тут напрашивается вопрос: чем объяснить это явление? Во-первых, тем, что указанная выше идея принадлежала правительству Екатерины II, а с приходом к власти Павла I она уже не нашла поддержки со стороны правительственных кругов; во-вторых, после русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и присоединения к России Кишинева Григориополь, как центральное армянское поселение, постепенно уступает ему свое место. Немаловажное значение приобретает также и то обстоятельство, что со временем значительная часть крупных григориопольских купцов переезжает в новый экономический центр юга России—Одессу, а также и Кишинев, вследствие чего Григориополь уже не в состоянии был подняться до уровня влиятельного экономического центра юга России.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² Там же.

Глава третья

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРИГОРИОПОЛЕ

«Григориополь, небольшой заштатный город Херсонской губернии, находящийся на левом берегу реки Днестра, богат своими живописными видами и чистым благообразным нагорным воздухом. Прибрежье Днестра, усеянное с одной стороны садами, а с другой, — от Бессарабской области, небольшим лесом, с разбросанными по скату горы мелкими деревьями и кустарником, в весеннее время, при благоухающей зелени садов, живо гармонирует этой прекрасной, картинной местности»¹. Так пишет о своих впечатлениях об армянском городе один из его посетителей. Указывая на то, что город пользовался правом самоуправления, а также судебной властью, этот же автор подчеркивает, что «тяжбы и тому подобные процессы, тем более уголовные преступления, составляют совершенное исключение между армянами, желающими столько же почувствовать врожденного самолюбия, сколько, может быть, и по сознанию более развитых моральных способностей, стоять во многих отношениях превыше прочих, присоединившихся к ним впоследствии сословий».²

Другой автор, на сей раз уже армянский, перечисляя льготы и привилегии, данные русским правительством

¹ «Херсонские губернские ведомости», отдел второй, 1847, № 33, стр. 201.

² Там же, стр. 203.

армянским колониям, считает особенно показательным то обстоятельство, что армянам предоставляется внутреннее самоуправление и что во всех своих колониях и городах-колониях «они основывают суд, именуемый магистратом, и руководствуются своими древними законами и традициями».³ Проводя подобную политику в отношении армянских колоний, царское правительство исходило не только из конъюнктурных соображений. Оно вместе с тем не могло не считаться с теми традициями, которые были выработаны еще с давнего времени во всех армянских колониях. Как писал Линниченко, «везде, куда только армяне стекались в значительном количестве, они составляли отдельную общину, имевшую самоуправление, своего войта, свое собрание старейшин, своих священников и в более крупных центрах и епископов»⁴. Молдавские армяне, в числе которых, как известно, были и предки григориопольцев, также имели право самоуправления. «Армянская колония в Молдавии,—пишет в своем исследовании Левон Бабаян,—получила от центрального правительства не только торговые привилегии и beneficia, но и право заведения собственной администрации»⁵. Последнее право армянские колонисты приобрели во времена правления молдавского князя Александра Доброго.

Армянское самоуправление, утвержденное русским правительством за григориопольцами, не являлось для них чем-то новым.

Утверждая статус нового армянского города, русское правительство прекрасно понимало, что оно тем самым выделяет Григориополь из среды городов новоприсоединенного края. Ведь ни один город «Очаковской» области не имел тех широких прав, которыми обладал Григориополь. Достаточно сказать, что ратуша соседнего города Дубоссары «не располагала самостоятельностью дейст-

³ Цбп, указ. соч., стр. 63.

⁴ Н. А. Линниченко, Черты из истории сословий в юго-западной (Галицийской) Руси XIV—XV вв., 1894, стр. 222.

⁵ Հեռն Բաբայան, Հայերը Մոլդավիայում և Բուկովինայում, Բիֆիս, 1911, стр. 57.

вий в собственном даже хозяйстве... городское общество не имело права само собою издерживать городские деньги»⁶.

Наряду с этим, Григориополь как город-колония выгодно отличался также и от иностранных колоний юга России. Последние, не имея своего самоуправления, непосредственно подчинялись колоннальному управлению, находящемуся под ведением Попечительного комитета иностранных поселенцев южного края России. В этой связи примечателен тот факт, что иностранные переселенцы в большинстве своем не требовали у русского правительства предоставления им права внутреннего самоуправления. Так, в условиях, на которых немецкие меннониты соглашались обосноваться в России, нет ни слова о предоставлении им самоуправления⁷. Между тем, как нам уже известно, армянские переселенцы в своем первом же обращении просили об учреждении в городе магистрата.

Если искать для Григориополя аналогии с самоуправлением иностранных поселенцев, можно лишь указать на статус нежинских греков и греческий магистрат, созданный в конце XVIII в. в Одессе. Однако с греческим магистратом в Одессе дело обстояло иначе, чем с самоуправлением армян в Григориополе. В юрисдикцию греческого магистрата входило фактически одно лишь греческое население Одессы, а сам магистрат подчинялся вначале общему городскому (русскому) магистрату, а в дальнейшем—Одесской магистратской городской коллегии. Для разбора же спорных вопросов между русскими купцами была учреждена особая «комиссия российской торговли»⁸. Таким образом, выходит, греческий магистрат, контролируя в основном торговые операции своих сородичей, не распространял свою власть на все слои городского общества, не являлся органом городского управления.

⁶ В. А. Кочергин, указ. соч., стр. 38.

⁷ См. Г. Писаревский, указ. соч., стр. 299—304.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 1, д. 198, л. 32.

Григориопольский магистрат был не только судебным учреждением. Он как высший орган власти занимался всеми делами, касающимися города. «Магистрату выпала едва ли не самая сложная задача в ряду органов местного управления,—писал Кочергин, имея в виду самоуправление армян Григориополя,—это было и «судное» место, это была и общественная полиция, и хозяин города, и распорядитель его казны, и блюститель интереса сословных групп»⁹. Неспроста поэтому в одном из прошений армян, датированном 1802 годом, григориопольцы следующим образом формулируют свое обращение к магистрату: «Армянскому магистрату, яко начальствующему в городе и устранивающему добронравие и защиту для армянского общества»¹⁰. В юрисдикцию григориопольского магистрата входило также и неармянское население города. Последние, например, подчинялись решению армянских городских властей. В качестве подтверждающего факта можно привести уже упомянутый договор казаков села Черной с армянским магистратом.

Градоначальник Григориополя являлся одновременно и «первым присутствующим» в магистрате. Кстати, должности градоначальника, бургомистров и ратманов, употребляя современное выражение, являлись номенклатурой губернского начальства. Лишь губернатор имел право назначать и смещать градоначальника, ратмана и др.¹¹ Последнее обстоятельство не удовлетворяло армян, поскольку в этих действиях губернского руководства они усматривали ущемление их интересов и даже ограничение прав на самоуправление. В фондах различных архивов мы встречали документы, свидетельствующие, что григориопольцы стремились как-то исправить это положение. К числу названных документов можно отнести прошение григориопольских армян от 22 апреля 1797 г., из которого выясняется, что армянское общество собиралось испросить у правительства разрешение самим изби-

⁹ В. А. Кочергин, указ. соч., стр. XII

¹⁰ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

¹¹ Там же, также ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 666.

рать градоначальника¹². Просьбу армян правительство, разумеется, не могло удовлетворить. Оно даже, воспользовавшись волнением аккерманских переселенцев в 1792—1794 гг., учредило в армянском городе полицмейстерство и должность городничего. Следует напомнить, что полицмейстерство было основано в Григоріополе при непосредственном участии ставленника В. В. Коховского градоначальника Павла Туманова¹³.

Названные институты являлись своего рода инородными телами в организме армянского самоуправления. Характерные лишь для русской действительности, эти институты ничего общего не имели с традиционными для армянских колоний органами управления. Особое недовольство у григоріопольцев вызывало полицмейстерство, поскольку горожане прекрасно поняли, что с помощью полицмейстера губернское начальство стремилось к контролю деятельности армянского магистрата, нарушая тем самым принцип самоуправления в армянском городе-колонии. Об особых функциях полицмейстера в Григоріополе говорит хотя бы тот факт, что губернское начальство само назначало на эту должность нужного ему человека, между тем как в большинстве русских городов «полицейские должности отправлялись не наймом, а самими гражданами по очереди»¹⁴. К тому же губернская администрация вменила в обязанность григоріопольскому магистрату принять на себя расходы по содержанию полицмейстера. Поэтому с самого же начала между руководством магистрата и полицмейстером установились холодные взаимоотношения. Характерно, что наиболее рьяным противником полицмейстерства являлось богатое армянское купечество. Это объясняется тем, что управление городом фактически находилось в его руках. Крупные григоріопольские предприниматели занимали в магистрате должности бургомистров и ратманов¹⁵. Полиц-

¹² ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

¹³ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 669, ч. II, л. 413.

¹⁴ «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», М., 1959, стр. 295.

¹⁵ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, лл. 671—671об.

мейстер своим существованием стеснял прежде всего их самостоятельность. Помимо этого, магистрат, находясь в экономической зависимости от крупных купцов, всецело отражал их интересы. С другой стороны, орган армянского самоуправления служил для григорипольских купцов также и средством накопления капитала.

Русское правительство весьма благосклонно относилось к процессу накопления в городе армянского купеческого капитала. Причины этому более чем ясны. Проводя свою колонизационную политику, правительство заботилось о заселении вновь приобретенного края такими колонистами, которые были бы способны развивать торговлю, ремесло, сельское хозяйство и т. п. Екатерина II вполне разделяла мнение Потемкина о том, что необходимо прежде всего сосредоточить внимание на заселении и устройстве городов не только как административных, но и экономических центров¹⁶. Русская императрица была согласна также с Зубовым, который ей писал: «Подавая многие способы к привлечению иностранных народов для заселения лежащих тамо в пусте пространных мест, удостоверяет меня несомненно, что, при попечительном одобрении заселения оной и приведении в силу и деятельность торговли черноморской, сия плодоносная страна вскоре придет в то цветущее и изобильное состояние, к коему доброта земли и удобство к мореплаваннию ее предназначали»¹⁷.

Так рассматривалась перспектива экономического развития края. Армянские переселенцы и Григориполь, в частности, занимали свое определенное место в этих планах правительства. Новый армянский город, видимо, предполагался прежде всего как торговый центр. Развитие внутренней и внешней торговли в неосвоенном еще крае было выгодно как с точки зрения экономического подъема этой области, так и общих государственных

¹⁶ И. И. Мещеряков, Управление Новороссией в 70—80-е гг. XVIII века, «Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. II, 1950, Кишинев, стр. 101.

¹⁷ Цит. по кн.: Г. Писаревский, указ. соч., стр. 339.

интересов. Нельзя забывать, что заграничная торговля армянских купцов всегда приносила и могла и на сей раз принести большую выгоду русскому государству хотя бы потому, что таможенные пошлины составляли в России одну из главных отраслей государственного дохода¹⁸. Вместе с тем григорипольские купцы, развивая традиционную для армян восточную торговлю, могли послужить одним из тех экономических каналов, которые соединили бы страны Востока с Россией. Стало быть, протекционистская политика, проводимая русским правительством в отношении армянских и, в частности, григорипольских купцов, во всех отношениях была выгодна прежде всего самой России.

Как нам известно, по просьбе григорипольских купцов в октябре 1794 г. правительство постановило отпустить им 50-тысячную сумму. Денежная субсидия предназначалась «для восстановления упавшей и разорившейся торговли». Как мы увидим ниже, крупное купечество намеревалось взять себе эти деньги. Однако правительство не торопилось с их выдачей. Обеспокоенный таким промедлением Иосиф Аргутинский распорядился выделить двух купцов и послать их к правителю Вознесенского наместничества князю Петру Николаевичу Оболенскому в качестве депутатов от григорипольского общества¹⁹. Армянские депутаты, снабженные доверенностью магистрата, прибыли к Оболенскому в середине января 1796 г. Они должны были поторопить князя с выплатой не только 50-тысячной суммы, но и других, обещанных Григориполю, денег. Из сообщения, отправленного в январе 1796 г. из Григориполя в Вознесенскую казенную палату, мы узнаем, что этими депутатами были купцы Мурза Абрамов и Григорий Теванов²⁰.

Названное сообщение интересно во всех отношениях. Во-первых, из него узнаем фамилии купцов, которые до-

¹⁸ См. Г. Небольсин, *Статистическое обозрение внешней торговли России*, ч. II, СПб., 1850, стр. 476.

¹⁹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 41об.

²⁰ Там же, л. 66.

могались получения денег от правительства. Их десять. Все они имели своих поручителей. Среди них встречаем уже известные нам фамилии, такие, как Иван Сатов, Мурза Абрамов, Григорий Теванов и др.²¹ Поручители обязывались, в случае несостоятельности должников, собственным капиталом расплатиться с государственной казной. Чтобы успокоить власти, григоріопольскій магистрат выдал справку, в которой указывалось, что капитал каждого из поручителей исчисляется не менее чем в 10 тысяч рублей²². Если учесть, что магистрат выставил 30 поручителей, то мы придем к следующему выводу: в новом армянском городе существовала значительная группа весьма крупных торговцев.

Во-вторых, сообщение раскрывает причину спешки григоріопольских купцов, настаивающих на скорейшей выдаче положенных им денег. Выясняется, что армянские купцы хотели к открытию строящегося одесского порта, то есть к весне 1796 г., «сделать некоторые приготовления к открытию там (Одессе.—Ж.А.), по распоряжениям общества, ...самославнейшей купеческой торговли»²³. Стало быть, крупные григоріопольские купцы связывали с этим событием начало своих торговых операций. Следовательно, они являлись одними из первых торговцев Одессы.

Наконец, из сообщения мы узнаем, что неудовлетворенные привилегиями 1794 г. григоріопольские купцы предполагали послать в столицу депутацию с целью испрошения у правительства новых для себя привилегий.

Миссия Мурзы Абрамова и Григория Теванова оказалась не безрезультативной. Князь Оболенский, вняв их просьбе, распорядился ускорить выдачу денег. Одновременно он посылает в григоріопольскій магистрат письмо, в котором указывает, что городское руководство несет ответственность за правильное распределение отправляемой суммы²⁴. В конце января наконец деньги бы-

²¹ Там же, л. 178.

²² Там же, л. 66.

²³ Там же, л. 66об.

²⁴ Там же, л. 178.

ли отпущены из Вознесенской казенной палаты и препровождены в Григориополь. Однако, прежде чем перейти к изложению событий, последовавших после получения григориопольскими купцами 50-тысячной суммы, необходимо выяснить положение, в котором находилось основное население армянского города в описываемый период.

Во второй главе нами отмечено, что в Григориополе, наряду с зажиточной купеческой прослойкой, существовала беднота, состоящая из мелких торговцев, ремесленников и землевладельцев. Их число было значительным. По сведениям самих же губернских властей, «в числе водворившихся тамо (в Григориополе.—Ж. А.) армян состоит самобеднейших... взрослых 2000 и малолетних 254 души». Правительство вынуждено было отпустить по 10 рублей на душу для приобретения скота и орудий земледелия²⁵. Последнее объяснялось тем, что часть мелких торговцев, не рассчитывая выдержать конкуренцию с крупным купечеством, решила заняться сельским хозяйством. Касаясь раздачи денег, григориопольский магистрат в дальнейшем писал: «Многие произвели торги, а другие, накупив скота, употребили себя к хлебопашеству. И сим промыслом обучась в течение малого времени, видим уже друг по другу перемену состояния»²⁶. Однако суровая зима 1794 года, последовавший неурожай и падеж скота оказали губительное влияние на благосостояние григориопольской бедноты²⁷. В поисках средств к существованию она занялась мелкой торговлей. Ею было использовано то обстоятельство, что большинство жителей Григориополя, находясь еще во власти старых традиций, нуждалось в предметах восточного, в частности турецкого, обихода, получаемых только из Молдавии и Бессарабии. Особенно доходным был привоз деревянной посуды²⁸.

²⁵ Там же, л. 41.

²⁶ Там же.

²⁷ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. I, ч. II, Херсон, 1863, стр. 273.

²⁸ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 485.

Вначале правительство терпимо относилось к такой деятельности григориопольской бедноты. Передвижение по территории внутренних областей, исходя из общего положения и льгот, данных всем колонистам, осуществлялось без билетов²⁹, между тем как выезд за границу контролировался билетной (пропускной) системой. А те, кто имел лошадь, мог выезжать по торговым надобностям в Молдавию и Бессарабию³⁰. Но вскоре правительство, идя на явное нарушение привилегий, данных григориопольцам, рядом мероприятий ограничило вывоз товаров из Молдавии и Бессарабии. Во-первых, к 1797 году оно установило в Дубоссарской таможне чувствительную для мелких торговцев ввозную пошлину на восточные товары (с рубля взималось 40 копеек)³¹. Во-вторых, приблизительно к этому же времени для контроля над выездом за границу была введена вместо билетной паспортная система. Эти действия правительства прежде всего пагубно отразились на положении бедноты, вызвав ее недовольство. В одной из своих жалоб представители григориопольской бедноты писали: «Ныне семь лет, [как] мы без всякого способа живем, но только имели поездкою на одной лошади по билету... на ту сторону (за границу.—Ж. А.) [торговлю] и доставляли тем [самым] детям своим пропитание, а теперь билет сделался паспортом и то сроком на 4 месяца и по сему бедный не может быть на той стороне, да и лошадьми запрещено ехать; мы теперь нищи [и] безо всякой надежды, языка не знаем и как будем жить, и того не знаем»³².

Богатое григориопольское купечество, пользуясь незавидным состоянием мелких торговцев и ремесленников, стало осуществлять постепенное экономическое давление на них, стремясь подчинить бедноту своей власти. Так, с целью получения большего дохода магистрат обя-

²⁹ ЦГИА СССР, ф. «Департамента разных податей и сборов». № 571, оп. I, д. 1451, л. 11.

³⁰ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

³¹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 485.

³² ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

зывать мелких торговцев переqualифицироваться в земледельцев и обрабатывать городскую землю на невыгодных для них условиях³³. Уезжая на заработки за границу, мелкие ремесленники вынуждены были платить за это дополнительный налог магистрату. Выстроенные на государственные средства торговые лавки были заняты в основном «первыми» людьми города. Беднота фактически была удалена от торговли. На тех же, кто занимался мелкой торговлей, магистрат возложил подать, которая самой беднотой квалифицировалась как «выдуманная магистратскими членами»³⁴. Григоріопольцев же, лишенных совершенно средств к существованию, вынужденных заняться подденной работой, армянские заводчики эксплуатировали на своих предприятиях³⁵. Взаимоотношения, которые складывались между григоріопольской беднотой и купеческой верхушкой, проглядывают в следующих строках, взятых из письма представителя бедноты Хачатура Мартиросова к новороссийскому губернатору: «Имущественные армяне,... содела[ли]сь уже над бедными властелинами, поелику... одне заседают в магистрате, а другие почти все называют себя какими-то думными, неведомо по какому повелению в сих должностях утвержденными, либо кем выбранными, начали было под разными предлогами делать притеснения и не приметное полагали они бедным присваивание их к себе в подчиненность»³⁶.

Следовательно, к описываемому периоду мелкие ремесленники и торговцы Григоріополя фактически находились под двойным гнетом: бедственного экономического состояния, вызванного в основном внутренней политикой царского правительства, направленной на постепенное лишение армянских колоний прав и привилегий, а также под гнетом крупного армянского купечества, стремящегося к экономическому закабалению бедноты и ее подчинению интересам магистратской верхушки. Стало

³³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 41.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 146, л. 14.

³⁵ Там же, л. 17.

³⁶ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 635об.

быть, уже к концу XVIII в. Григорнополь в некоторых аспектах своего развития мало чем отличался от русских городов, в которых дума составлена лишь «для дел одного купчества, а не всех сословий»³⁷. Упомянутые обстоятельства послужили главной причиной недовольства григорнопольской бедноты и ее открытого выступления в 1796—1802 гг. Поводом стали события, о которых сказано ниже.

Отпущенную Вознесенской казенной палатой 50-тысячную сумму денег григорнопольское купчество намеревалось, разделив ее на 10 частей, передать в руки десяти крупнейших купцов³⁸. Однако какие-то не выясненные нами обстоятельства заставили изменить этот план. 10 февраля 1796 г. на заседании магистрата было вынесено постановление, которое гласило: «Поелику означенные 50 000 рублей Высочайше жалованы на возстановление упавшей коммерции с возвратом по прошествии десяти лет, следовательно, и должна быть сня сумма в знатном, а не мелочном ее употреблении, то дабы сохранить верность к возвращению паки в казенное ведомство и возстановить торговлю жителей города Григорнополя, предоставить чрез градского главу здешнему гражданству составить из первейших и сведущих совершенно торговлю купцов компании, которая непосредственно имела бы неусыпное старание о пользе общей и сохранении целостно займообразной суммы»³⁹. Далее мы узнаем, что сорока «первейшим» купцам этой компании было роздано по тысячи рублей⁴⁰. В их число входили уже упомянутые 10 купцов и их 30 поручителей. Причем и на сей раз не обошлось без вмешательства Иосифа Аргутинского, забота которого свелась лишь к тому, чтобы упомянутую сумму получили представители всех городов, выходцами из которых были григорнопольцы⁴¹. Из

³⁷ См. ст. П. Г. Рындзюнский, *Городское население*, сб. «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 306.

³⁸ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 65об.

³⁹ Там же, л. 614 об.

⁴⁰ Там же, лл. 614 об. и 619.

⁴¹ Матенадарац, архив католикосата, папка 6, док. 87.

другого документа выясняется организационная структура купеческой компании. Ее члены были разделены на три категории. В первую категорию, как «хозяева», входили известные нам 10 купцов, то есть фактически они и являлись руководителями компании. Следующие тридцать купцов были зачислены во вторую категорию. Эти 40 человек по существу олицетворяли цвет крупного григорнопольского купечества. Ведь неспроста документы того периода именуют их «первейшими». В третью категорию были включены менее состоятельные купцы в количестве 55 человек. В рапорте григорнопольского магистрата от 17 марта объясняется, что последние купцы «оними... первейшими приняты в компанию для приведения разорившейся их торговли в цветущее состояние»⁴². Иначе говоря, руководство купеческой компании в целях расширения сферы своей деятельности привлекло в свою организацию, видимо, по собственному выбору и других купцов. Разумеется, вопрос о наделении их деньгами не мог быть поставлен. Сорок тысяч были присвоены «первейшими».

О судьбе оставшихся десяти тысяч рублей разные документы повествуют по-разному. Скорее всего большая часть этих денег перешла в руки самого армянского архиепископа (на покупку товаров якобы для общей пользы) и переслана в Эчмнадзинский монастырь⁴³.

Рассматривая историю создания торговой компании, важно подчеркнуть, что причиной ее организации явилось стремление крупного григорнопольского купечества придать устойчивость своему юридическому положению. Немаловажную роль сыграло также стремление зажиточного армянского купечества замкнуться в определенную сословную касту, что давало ему возможность противопоставить себя всем остальным жителям армянского города. Григорнопольская беднота особенно чутко реагировала на последнее обстоятельство. Воспользовавшись приездом правителя Вознесенского наместничества князя Оболенского в Григорнополь, ее представители 28 мая 1796 г. обратились к нему с просьбой о выдаче им

⁴² ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 178.

⁴³ Там же, л. 614.

определенной доли из 50-тысячной суммы, отпущенной правительством григорнопольскому купечеству⁴⁴.

Этот шаг армянской бедноты, направленный против купеческой торговой компании, объективно препятствовал консолидации купеческой верхушки в сословную касту, поскольку последние связывали все организационные вопросы с получением упомянутой суммы.

Позиция князя Оболенского в этом вопросе весьма характерна. Хотя он и дает понять в своем ответе, на чьей стороне его симпатии, однако, вместе с тем Оболенский предлагает григорнопольскому магистрату удовлетворить требования бедноты, «дабы всяк города Григорнополя житель непременно почел себе своей участию предовольным и тем мог, продолжая жизнь довольную, и в тишине разпространяли бы все вообще коммерцию, обогащающую общество и государство»⁴⁵.

Позиция, которую занял Оболенский, легко объяснима. Интересы государства в целом и новоприобретенной «Очаковской» области, в частности, требовали экономического расцвета всех слоев города-колонии. К тому же нельзя забывать, что в описываемый период русское правительство находилось под влиянием экономических выкладок екатерининского сановника Теплова, отмечавшего, что «государству весьма полезнее, когда капитал разделен во многие руки, ибо тогда весь оной в обращении коммерческом»⁴⁶.

Григорнопольский магистрат продолжал упорствовать в своем стремлении не подпустить торговую и ремесленную бедноту к 50-тысячной сумме, а следовательно, и к купеческой компании. Члены магистрата квалифицировали действия армянской бедноты как несправедливые жалобы, стараясь убедить губернское начальство, что мелкие торговцы и ремесленники в прошлом уже получили пособие⁴⁷.

Не прекращалось в этой связи и недовольство армян-

⁴⁴ Там же, л. 232.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Цитировано по кн.: А. Ланпо-Данилевский, Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия, СПб., 1899, стр. 107.

⁴⁷ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, лл. 238—238 об.

ской бедноты, которая в своих многочисленных жалобах и прошениях (пока еще единственной форме протеста) настойчиво подчеркивала, что «чувствует все крайнюю в новом обзаселении нужду и во всем недостаток, так что и за границу чаятельно от того удаляться станут, да и другим чрез то к выходу в Россию преградится путь»⁴⁸.

Эта угроза не на шутку встревожила губернское начальство, и оно, видя, что само не в состоянии повлиять на магистрат, вынуждено было обратиться за помощью к Иосифу Аргутинскому. Последнего в это время русское правительство направило в войска Валериана Зубова, осуществлявшего персидский поход. В ответ на просьбу князя Оболенского армянский архиепископ посылает в Григориополь своего приближенного архимандрита Григория Захаряна.

Архимандрит Григорий, прежде чем поехать в Григориополь, навестил правителя Вознесенского наместничества и вручил ему письмо от Иосифа Аргутинского. Во время этой встречи были рассмотрены проблемы, решение которых диктовалось сложившейся в Григориополе ситуацией⁴⁹. Кстати, сам Иосиф Аргутинский в письме к князю Оболенскому полностью раскрывает программу действий своего посланника. Во-первых, Григорий должен был навести в городе порядок, во-вторых, — ускорить строительство и, наконец, после завершения всех дел выехать вместе с двумя горожанами в Петербург для испрошения у правительства новых привилегий для Григориополя⁵⁰.

Архимандрит прибыл в Григориополь приблизительно в середине августа. Находясь еще под впечатлением беседы с князем Оболенским, он тотчас же взялся за урегулирование внутренних дел армянской колонии. «Прибывши в Григориополь, — писал он спустя некоторое время князю Оболенскому, — первейшим долгом поставил выполнить оное Вашего сиятельства повеление»⁵¹. С этой

⁴⁸ Там же, л. 267.

⁴⁹ Там же, л. 277.

⁵⁰ Там же, лл. 268—269; см. также, Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 84.

⁵¹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 277.

целью Григорий, собрав крупное купечество и армянскую бедноту, выслушал их в отдельности. Разумеется, это был не тот судья, который мог бы объективно подойти к решению вопроса. Симпатии армянского архимандрита целиком были на стороне имущих слоев. «Я... первейших обитателей,—пишет он,—нашел человеколюбивыми, повиனுющихся законоположениям монаршим и воле начальства»⁵².

Миссия Григория внешне как будто бы завершилась благополучно. В начале октября он докладывает правителю Вознесенского наместничества: «Теперь между народом (г. Григоріополя.—Ж. А.) всякое благонравие и тишина установилась». Ниже Григорий пишет, что купеческая компания обещала в следующем году оказать бедноте пособие⁵³. Стало быть, армянский архимандрит, исходя из тактических соображений, уговорил крупное купечество пойти на временный компромисс с беднотой. Скорее всего это были просто обещания, поскольку, как показала действительность, положение основной массы населения Григоріополя несколько не улучшилось в следующем, 1797 году. Усугубляющим обстоятельством их бедственного состояния явился тот факт, что в это время правительство, идя на неприкрытое нарушение привилегий, данных жителям армянской колонии, разместило по квартирам армян солдат 13-го егерского батальона. Как писал подполковник Моисей Зверев, армяне «смятением объаты и всячески размышляют, каким способом поместить себя, хоть семей по две или по три соединенно, оставляя свободные избы для постоя, только бы не быть вместе с постояльцем»⁵⁴.

Крупное армянское купечество не выполнило своих обещаний: в 1797 г. григоріопольская беднота никакой помощи от него не получила. Если к тому же добавить, что именно в этом году правительство приостановило строительные работы в Григоріополе, то перед нами раскроется далеко не радужная картина внутренней жизни армянского города-колонии.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 318—318 об.

⁵⁴ Там же, л. 454.

Губернское начальство хорошо понимало, что положение города приближается к кризисному состоянию. Поэтому новый новороссийский губернатор Селецкий поднимает перед правительством вопрос об учреждении в Григориополе особой должности, «от которой бы зависела полиция и благоустройство, относящееся до жителей»⁵⁵. Правительство одобрительно отнеслось к предложению Селецкого, постановив учредить в Григориополе должность «первого присутствующего» в магистрате, обязанности которого летом 1797 г. были возложены на известного нам Степана Давтяна. Перед ним губернское начальство поставило задачу: выправить положение дел в армянской колонии.

Надежды губернского начальства, связанные с приходом в Григориополь Степана, не оправдались: последний не смог урегулировать взаимоотношения бедноты и крупного купечества. Являясь сторонником Иосифа Аргутинского и архимандрита Григория, Степан, разумеется, не мог выступить против людей, находившихся под покровительством названных лиц. Если к тому же учесть, что следующий, 1798 год был особенно неурожайным⁵⁶, то можно представить, каково было армянской бедноте в период правления Степана.

Состояние мелких григориопольских торговцев, ремесленников и земледельцев к лету 1798 г. ухудшилось настолько, что некоторые из них, потеряв всякую надежду поправить свои дела и добиться экономического равенства, пытались покинуть пределы России.

Непримиримая позиция, занятая городской верхушкой в отношении бедноты, с одной стороны, и бедственное экономическое положение низов, с другой, привели к открытому выступлению последних. Составив прошение на имя правительства, в котором как основной момент выдвигалось требование об уравнении их в экономических правах с крупным купечеством, григориопольская беднота в первых числах августа собралась возле церкви и стала требовать у находящегося там члена магистрата Мурзы Абрамова, чтобы он подписал их послание. Отказ

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 1, д. 55, л. 33.

⁵⁶ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

Мурзы Абрамова вызвал выступление толпы, вследствие чего руководители бедноты были арестованы⁵⁷.

Это выступление городской бедноты не на шутку взволновало григорнопольский магистрат, который 25 августа доводит до сведения губернских властей, что в среде григорнопольских армян имеет место антиправительственное движение. Для расследования дела новороссийский губернатор посылает в Григорнополь коллежского советника Д. Д. Шмакова⁵⁸. Приехав в армянский город и разобравшись в обстоятельствах дел, Шмаков, конечно, понял, что среди армян нет никакого антиправительственного движения. Кстати, в дальнейшем губернское начальство само признало, что их чиновник «не нашел ничего справедливого против доноса»⁵⁹. Однако в тот момент, приняв сторону магистратской верхушки, Шмакову и армянскому магистрату удалось пресечь выступление григорнопольской бедноты, заставив последнюю подписать обязательство о верности «высочайшему законоположению»⁶⁰.

Весть об августовских событиях в Григориополе не могла не дойти до Иосифа Аргутинского. Армянский архиепископ, находясь в то время в российской столице, вел переговоры с правительством о предоставлении армянским городам и колониям новых льгот и привилегий. Иосиф Аргутинский, вероятно, полагал, что после получения армянами новых привилегий с внутренними междоусобицами будет покончено. Только этим можно объяснить тот факт, что григорнопольский магистрат осенью 1798 г. (то есть в разгар упомянутых событий) получает из Петербурга обнадеживающие вести, на основании которых 29 октября делается объявление перед всем армянским обществом. В своем заявлении григорнопольский магистрат подчеркнул, что, по уверению Иосифа Аргутинского, царь Павел I обещал внять просьбе армян и предоставить им вскоре льготы и привилегии⁶¹.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, л. 146, л. 17.

⁶⁰ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, л. 22, лл. 198—301.

⁶¹ Там же.

Царский указ о предоставлении Григориополю обещанных привилегий вышел только через год, то есть 28 октября 1799 г. В силу этого указа все деньги, отпущенные правительством с условием возврата казне, были оставлены за армянами. Сюда входила также 50-тысячная сумма, выданная «на восстановление купечества». Второй пункт указа передавал в распоряжение армянского магистрата материалы и деньги, оставшиеся после ликвидации «экспедиции строения». Далее, Григоринополь получил еще 3400 десятин городской земли. Пятый пункт указа разрешал армянским городам строить монастыри, церкви, колокольни, а также иметь особое духовное правление. В отношении статуса армянского магистрата указ правительства никаких изменений не предполагал. Исходя из содержания 7-го пункта указа, все жители армянского города должны были быть разделены «на классы», которые освобождались от государственных податей и служб еще на десять лет. Одновременно, что было очень важно для григориопольцев, они освобождались от воинского постоя. За имущими горожанами подтвердилось право строить за свой счет дома, торговые лавки, амбары и фабрики. Наконец, григоринопольское купечество получило ряд важных привилегий, закрепленных в восьмом пункте указа⁶².

Итак, Григоринополь, как и другие армянские колонии России, в 1799 г. получил подтверждение привилегий и льгот. Если в этой связи бросить ретроспективный взгляд и вникнуть в суть событий, которые происходили во внутренней жизни всех российских армянских колоний в 1797—1799 гг., то можно прийти к выводу, что на каких-то этапах развития армянских колоний в России наблюдается определенная синхронность действий армянских обществ, свидетельствующая о том, что в целом единая политика, проводимая царизмом в отношении армянских колоний, ставит перед ними общие задачи, необходимость решения которых сплачивает их духовно, несмотря даже на наличие у каждой из них своих собственных задач. Именно в эти периоды становится наиболее явно ощутимо, что армянские колонии в России жили

⁶² «Собрание актов», ч. 1, стр. 208—213.

одними и теми же заботами, перед ними вставали одни и те же проблемы.

С приходом к власти нового царя, то есть, начиная в основном с 1797 г., армянские общества в России постоянно поднимают перед руководством армянской церкви, перед Лазаревыми и, наконец, перед самим правительством вопрос о подтверждении своих привилегий и льгот, о наделении их новыми привилегиями. Чем же объяснить это явление? Сменой ли царя? В таком случае останется непонятым, почему в 1799 г. правительство не ограничивалось простым подтверждением старых привилегий, а предоставило армянским колониям широкий круг новых привилегий и льгот? Здесь дело не только в том, что к концу XVIII в. на юге России сформировались фактически новые армянские колонии, для развития которых и необходимы были эти привилегии и льготы.

Следует вспомнить, что в конце XVIII в. русское купечество стало успешнее, чем когда-либо, конкурировать с армянскими и иностранными купцами, в руках которых была сосредоточена восточная торговля. Помимо этого, к концу XVIII в., то есть тогда, когда завершалась централизация государственного управления в России, статус армянских колоний все больше стали расходиться с административно-правовыми нормами, существующими в российских городах, что не могло не осложнить действия местного (губернского) начальства. Поэтому оно, проводя во вверенной ему губернии внутреннюю политику правительства, зачастую не считалось с нормами, существовавшими в армянских колониях. И нередко для того, чтобы придать своим распоряжениям законный характер, губернское руководство обращалось к правительству с просьбой издать нужный ему указ, направленный фактически против тех или иных привилегий и льгот армянских колоний.

Упомянутые обстоятельства и послужили причиной проведения царизмом политики урезывания льгот армянских обществ и постепенного сведения на нет практического значения привилегий армянских колоний. По соображениям внешне- и внутриполитического характера такая политика не могла проводиться правительством открыто. Это явилось одной из причин того, что в рассматри-

ваемый нами период политика царизма в отношении армянских колоний приняла форму противоречивых действий. Так, Павел I, с одной стороны, дарует в 1797 г. армянским колониям некоторые права и преимущества, с другой—предписывает Экспедиции государственного хозяйства опекунства иностранных и сельского домоводства учинить постановление о правах и привилегиях армян с целью их значительного сокращения⁶³.

Политика урезывания льгот привела к резкому ухудшению внутреннего положения армянских колоний. В одном из своих обращений к правительству Иосиф Аргутинский, говоря об отношении григорипольцев к полученным в свое время льготам и привилегиям, подчеркивал, что они «не почитают... [их] для себя уже существующими»⁶⁴. Так обстояло дело не только в одном Григориполе. Анализ текстов прошений армянских обществ свидетельствует о том, что подобная картина наблюдалась и в других армянских колониях России. Например, в северокавказских колониях ряд казенных обязанностей (строение мостов, мощение улиц и др.) правительство перекладывало на плечи еще не окрепших армянских колонистов. В некоторых же случаях местные власти даже не обеспечивали безопасности армянских поселенцев от грабительских набегов соседних горских племен⁶⁵.

Теперь ясно, чем были вызваны просьбы армянских обществ. Однако еще остается открытым вопрос, почему же правительство пошло на удовлетворение этих просьб, предоставив армянам в 1799 г. широкие привилегии и льготы. Ведь этот шаг русского правительства логически не вытекал из его предшествовавших действий. Дело здесь заключается в том, что политика царского правительства в отношении армянских колоний в рассматриваемый нами период предопределялась действием двух факторов. субъективного (стремлением уравнивать армянские колонии в правах с русскими городами и желанием оградить интересы русского купечества) и объективного. Объективный фактор свидетельствовал о том, что правитель-

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, л. 1815, лл. 52—53.

⁶⁴ Там же, оп. 1, л. 55, л. 19 об.

⁶⁵ Там же, оп. 2, л. 1815, лл. 53 об.—54.

ству пока не было выгодно ущемлять интересы армянского (и особенно астраханского) купечества, поскольку оно убедилось, что еще не наступило время, когда восточную торговлю можно было полностью передать в руки русского купечества. В последнем заключается вторая основная причина противоречивых действий русского правительства. Наконец, правительство все более убеждалось в том, что лишение армян льгот и привилегий подрывало экономические устои армянских колоний, что в конечном счете сказывалось на общем хозяйственном положении тех российских губерний, на территории которых они находились.

Возвращаясь к событиям 1799 г., необходимо отметить, что григорипольские армяне с большой радостью встретили весть о царском указе. П. Сумароков в своей книге «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», описывая Григориполь, подчеркивает: «...Они (жители города.—Ж. А.) получили в сем году освобождение податей впредь на 10 лет»⁶⁶. Эта фраза свидетельствует о том, что упомянутый правительственный указ являлся событием первостепенного значения для армянского города, поэтому оно не могло выпасть из поля зрения даже постороннего путешественника.

Внутреннее положение Григориполя после получения льгот и привилегий несколько стабилизировалось. Однако такое состояние продолжалось недолго. Крупное армянское купечество, завладев ключевыми позициями города, фактически само воспользовалось дарованными привилегиями, что дало им возможность усилить свое давление на армянскую бедноту. В результате уже через год после указа григорипольская беднота начала вновь отстаивать свои права. Показательно, что борьба армянской бедноты с купечеством в основном велась за уравнение мелких торговцев и ремесленников в правах с членами купеческой торговой компании. Беднота вновь поднимает вопрос о предоставлении положенной им доли из 50-тысячной суммы.

Однако члены купеческой компании и магистрата

⁶⁶ П. Сумароков, Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, М., 1800, стр. 234.

всем своим поведением выражали нежелание предоставить бедноте экономическую помощь и уравнивать ее в правах с ними. Изложенное обстоятельство послужило причиной нового потока писем и жалоб, посылаемых во все инстанции. К лету 1801 г. внутреннее положение Григориополя резко обострилось. Поэтому гуда направляется новый новороссийский губернатор М. П. Миклашевский, который вынужден был признать, что армяне действительно «при настоящей бытности моей в сем городе найдены в бедственном состоянии»⁶⁷, вследствие чего губернское начальство, исходя из общих интересов и помимо собственного желания, предпринимает ряд шагов для облегчения положения бедноты. Прежде всего Миклашевский старается воздействовать на григориопольский магистрат и для того, чтобы расположить к себе членов магистрата и ликвидировать их трения с полицмейстером, поднимает перед правительством вопрос об освобождении армян города Григориополя от содержания полиции⁶⁸.

Результатом всех этих действий явилось лишь то, что армянский магистрат, скрепя сердце, вынужден был открыть в Григориополе богадельню. Причем для большего эффекта открытие было проведено в торжественной обстановке. 30 октября в присутствии всех жителей города, членов магистрата и полицмейстера в дом, именуемый богадельней, были водворены восемь женщин-старух и калек, на пропитание которых магистрат отпустил немного муки и мяса⁶⁹. На этом милость армянского магистрата и окончилась, поскольку, кроме упомянутых старух и калек, поселиться в богадельне никто не захотел.

Основная масса армянской бедноты нуждалась не в подачках магистрата, а требовала предоставления ей части 50-тысячной суммы, то есть вопрос упирался в требование экономического уравнивания с членами купеческой торговой компании. Такое уравнивание, по известной нам причине, было выгодно и правительству. Однако губерн-

⁶⁷ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 546.

⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 146, л. 35.

⁶⁹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, лл. 554 и 604.

ское начальство фактически оказалось не в состоянии заставить членов григоринопольского магистрата поделить отпущенную сумму денег с мелкими армянскими торговцами. Поэтому регулирование взаимоотношений армянской бедноты с городским магистратом губернатор Миклашевский возлагает на Туманова, деятельность которого к этому времени уже не была связана с Григоринополем.

Посланник губернского начальства в свой первый приезд в Григоринополь не смог разрядить напряженную обстановку в городе. Наоборот, в конце 1801 и в начале следующего 1802 года она еще более обострилась. Открытый протест бедноты на сей раз выразился в массовом бегстве за границу. Факты побега наблюдались и раньше, но в описываемый период границу переходили целые семьи, умудряясь при этом перевозить через Днестр скот и домашние пожитки⁷⁰. Были случаи, когда григоринопольской бедноте удалось подкупить пограничную охрану и таможенных чиновников и перейти границу, причем основной поток беженцев падал на зимние месяцы, когда замерзала река⁷¹.

Положение в городе становилось все более угрожающим. Григоринопольский магистрат вынужден был установить регулярное ночное патрулирование. Однако ни ночные дежурства и разъезды, ни усиление охраны, ни опасность, связанная с переходом по тонкому льду Днестра (некоторые из беженцев даже провалились под лед), не могли приостановить бегства григоринопольцев. По сведениям полнимоштера Германа, к 27 февраля 1802 г. всего из Григориополя бежало 476 человек⁷².

Все это не на шутку взволновало губернское начальство. Первым забил тревогу полицмейстер Герман. Воспользовавшись приездом Туманова в Дубоссары, он (8 февраля) посылает к нему нарочного с просьбой немедленно приехать в Григоринополь. Предводитель дворянства (таков был титул Туманова) 9 февраля уже был

⁷⁰ Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 115.

⁷¹ Там же, док. 97 и 124; см. также ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 1, д. 68, л. 2.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 5, д. 15 лл. 8—9 об.

в армянском городе. Пригласив в здание магистрата все слои городского общества, он учинил им допрос. Благодаря подробному рапорту самого Туманова до нас дошла запись этой интересной беседы.

Вначале Туманов обратился к бедноте, желая узнать причину их бегства за границу. На его вопрос они ответили: «Бегут, опасаясь наглой смерти, при их немуществе от голода и холода и ко спасению от того мале предвидят надежды». Когда же Туманов напомнил крупному купечеству, что оно выполняет предписания новороссийского губернатора, «тогда имущественные армяне отвечали, что оне и так делали возможное пособие». Ответ купцов возмутил бедноту. «Пособие их,—сказали они Туманову,—только делается для одной проформы выполнения начальства повеления, а не таковое как должно, и ежели бы оное было хотя в пропитании достаточным, не бегали бы бедные из богадельни». Вслед за купцами выступил секретарь магистрата, из слов которого стало ясно, что никто не собирался выдавать бедноте положенных ей денег⁷³.

Последовавшие вслед за этим угрозы Миклашевского и миссия Туманова вынудили магистрат несколько перестроиться, видоизменить свою тактику. Теперь он создавал видимость послушания и исполнения воли начальства, фактически продолжая свою прежнюю линию, направленную на ущемление интересов беднейших слоев городского населения⁷⁴.

Рассматривая перипетии борьбы армянских низов с магистратом и купечеством и касаясь позиции, занимаемой в этих вопросах губернским начальством, на первый взгляд может показаться, что правительственные и губернские органы поддерживали низы в их классовой борьбе. Но эта «поддержка» вызывалась не гуманными соображениями: распри внутри армянской колонии, носящие характер даже классовой борьбы, были невыгодны правительству и наносили вред политике колонии.

⁷³ ЦГА Молдавской ССР, д. 1317, оп. 1, д. 1, л.л. 624—624 об. и 627.

⁷⁴ Там же, л.л. 632—639.

защиты и идее привлечения в Россию нового потока армянских переселенцев.

Именно эти соображения заставили губернское начальство пойти навстречу просьбам григоріопольского магистрата в решении вопроса о возвращении из-за границы как беглых, так и не вернувшихся из-за границы армян, получивших в свое время от властей визы на выезд для торговых промыслов в Молдавию. Необходимость вызова последних в рассматриваемый период особенно возросла, поскольку наблюдались случаи, когда семьи выехавших мелких торговцев, покидая из-за своих родных город, бежали к ним за границу⁷⁵.

Заинтересованность губернских властей в разрядке напряженной обстановки, создавшейся в армянской колонии, объясняется также тем, что бегство колонистов получило широкую огласку как в России, так и за ее пределами. Так, в одном из своих писем из Эчмиадзина армянский католикос Давид выражал свое сожаление о том, что «григоріопольцы рассеиваются»⁷⁶. С другой стороны, бегство армян вызвало протесты турецкого двора. В посланиях к русскому послу в Константинополе Россию обвиняли в том, что она, насильно переселив в свое время армян на левый берег Днестра, препятствует ныне их возвращению к себе домой. В создавшейся обстановке русские послы в Константинополе граф Кочубей, а затем Тамара вынуждены были лавировать, чтобы не обострить отношения между Россией и Турцией, поскольку в рассматриваемый период многие греки и другие турецкоподданные (в том числе и армяне) с явного поощрения русского правительства тайно переселялись в пределы России.

Поэтому русские послы в Константинополе не в состоянии были удовлетворить просьбы новороссийского губернатора и григоріопольского магистрата о возвращении беглых армян. Безуспешной оказалась также миссия представителей армянского магистрата, посланных за границу для того, чтобы вернуть своих сограждан в Григоріополь. Единственное, за что взялись русские

⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, л. 146, л. 23 об.

⁷⁶ «Երկուսն հարցոց պատմութեան», գիրք 2, Թիֆլիս, 1904, стр. 439.

послы (Кочубей и Тамара) — это организовать возвращение мелких торговцев и ремесленников, выехавших на промысел в Молдавию и Бессарабию⁷⁷.

Касаясь позиции, занимаемой губернским начальством в отношении описываемых событий в армянской колонии, мы должны заметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода она была неодинаковой. Если на первом этапе своих действий (1796—1801 гг.) руководство Новороссийской губернии стремилось к сохранению колонии, предпринимая конкретные шаги для стабилизации ее внутреннего положения, то в дальнейшем (конец 1801—начало 1802 гг.) у него возникла идея ликвидации армянской колонии: не города Григориополя, а именно колонии, поскольку в своих прошениях на имя Беклешева (20 декабря 1801 г. и 10 января 1802 г.) новороссийские губернаторы рекомендовали правительству провести ряд мероприятий, направленных фактически на ликвидацию армянского самоуправления в Григориополе.

Прежде всего, в прошениях предполагалось разрешить григориопольским армянам переселиться в другие армянские колонии, главным образом — в Крым, где они, по мнению губернаторов, могли бы успешнее, чем в их городе, заняться торговлей и ремеслом. Вместо колонии предполагалось основать посад, в котором бы проживало до 80 семей крупных армянских купцов, обладавших значительным капиталом. К последним должны были быть присоединены казаки — выходцы из Украины, казенные крестьяне, а также переселяющиеся из-за границы молдаване и болгары. Своим предложением относительно Григориополя новороссийский военный губернатор Михельсон давал следующую мотивировку: «Город сей лежит на самой границе и на большой дороге по Днестру. В разсуждении всегдашнего расположения там войск, государственная польза требует того, чтобы жителей иметь [таких], которые бы, быв в состоянии своем благонадежны, разделяли тягости общественные, сопря-

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 1, д. 68, л. 18—18 об; там же, оп. 5, д. 15, лл. 1—2; там же, ф. 1286, оп. 1, д. 146, лл. 23—24.

женные с расположением войск, а не усугубляли бы их, как это у армян города Чернаго случалось, что, не имея никаких ни государственных, ни земских повинностей, столь дорого стоя для казны, и, быв свободны от неперемennого постоа, затрудились еще и для проходящих команд в даче квартир»⁷⁸.

Рекомендации местных властей не были оставлены правительством без внимания. Уже 30 января 1802 г. последовал указ царя, в силу которого армянам разрешалось переезжать в Крым, Нахичевань, Одессу, Херсон и Дубоссары, а на их место предлагалось водворить выезжающих из-за границы переселенцев, в том числе и армян. Наконец, этим указом правительство возвращало армянскому городу его старое наименование⁷⁹. Как мы видим, в столице существенно отредактировали предложения новороссийских губернаторов. За городом сохранились его прежние привилегии и льготы. Стало быть, правительство отказалось от осуществления тех радикальных перемен в армянской колонии, о которых шла речь в прошениях Миклашевского и Михельсона. На первых порах было решено оставить в силе армянское самоуправление, однако при этом правительство стремилось увеличить в Григориополе количество неармянского населения.

В феврале 1802 г. Беклешев, основываясь на указе царя, предписал Миклашевскому разрешить григориопольцам переселяться в разные города империи, а также дозволить семьям бежавших за границу армян переехать к их мужьям и отцам с уведомлением об этом посла в Константинополе и консула в Яссах⁸⁰. Действия русского правительства объяснялись не только внешнеполитическими соображениями, они были вызваны также необходимостью погасить внутри колонии очаг недовольства.

Тем временем положение в армянской колонии оста-

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 146, лл. 15—21.

⁷⁹ ПСЗ, т. XXVII, № 20133; см. также ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 146, лл. 27—27 об. Именным указом от 24 сентября 1800 г. Григоринополь был переименован в город Черный. ПСЗ, т. XXVI, № 19570.

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 5, д. 15, л. 6.

валось напряженным. В августе 1802 г. в Григориополе произошли события, которые вновь привлекли внимание губернских властей к армянскому городу. В начале месяца перед зданием магистрата произошло новое выступление бедноты⁸¹. На этот раз оно было вызвано, помимо уже известных нам причин, нежеланием магистрата включить представителей бедноты в список избирателей, которые должны были выбрать депутацию, направляемую в Петербург от всего григоринопольского общества⁸². В результате в Григоринополь срочно (уже в который раз!) был направлен Туманов.

Губернское начальство поставило перед Тумановым весьма трудную задачу: во что бы то ни стало на сей раз утихомирить григоринопольскую бедноту. Прибыв 17 августа в город, Туманов тотчас же приступил к переговорам. План Туманова прежде всего заключался в том, чтобы внести раскол в ряды бедноты⁸³. Вскоре ему удалось уговорить часть из них заключить сделку с купечеством. Однако, когда об условиях этого договора узнала основная масса бедноты, она организовала 24 августа новое, более представительное выступление⁸⁴. Григоринопольская беднота ратовала не за мелкие подачки купечества, а за равную долю. Вот почему она, отговорив своих товарищей от неверного шага, вновь выступила и открыто провозгласила свои требования.

Августовское выступление григоринопольской бедноты было последней вспышкой народного возмущения. В конечном итоге армянскому магистрату и губернским властям удалось внести раскол в ряды бедноты, вследствие чего движение низов пошло на убыль. В конце декабря 1802 г. Туманов писал губернатору, что «спор между григоринопольскими армянами прекращен»⁸⁵. Из этого сообщения следует, что в конце концов магистрат, ловко используя разногласия среди бедноты, сумел направить

⁸¹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. л. 689.

⁸² Там же, лл. 636—636 об.

⁸³ Там же, лл. 664, 676.

⁸⁴ Там же, л. 664 об.

⁸⁵ Там же, л. 699.

их в нужное ему русло, что способствовало победе соглашательской группировки и затуханию борьбы.

Выступления армянской бедноты в Григориополе являлось отражением тех социальных явлений, которые происходили в изучаемый период в армянской колонии.

Прогрессирующий процесс социальной дифференциации среди григоринопольских жителей привел к тому, что к концу XVIII в. в Григориополе начала формироваться влиятельная группировка торговцев, которая выделялась из основной массы армянских жителей как размерами своих наличных капиталов, так и положением, занимаемым ею в армянской колонии. Вследствие этого уже появилась реальная возможность прибрать все остальное население города к рукам, установив над ним экономический контроль.

Развитию торгово-промышленных кругов в Григориополе и обособлению их в определенную сословную касту способствовал ряд факторов. Во-первых, в России перед армянским купечеством открылось широкое поле для предпринимательской деятельности; во-вторых, немаловажную роль сыграла также политика правительственных субсидий, плодами которой воспользовались только названные круги армянского населения. Наконец, не менее существенный фактор состоял в том, что крупному григоринопольскому купечеству с первых же дней основания города удалось завладеть всеми ключевыми позициями в армянской колонии и отстоять их в борьбе с массой горожан.

XIX век знаменовал собой начало нового периода в истории григоринопольской армянской колонии. По многим аспектам этот период заметно отличается от предшествовавшего десятилетия, в течение которого происходило строительство города, возникновение органов городского управления и формирования его внутреннего уклада.

С точки зрения развития административно-правовых отношений в армянской колонии начало нового века

характеризуется тем, что царское правительство медленно, но неуклонно сужает сферу действия армянского самоуправления, стараясь уподобить органы городского управления колонии образцу русских городов. Этот процесс находит свое отражение в постепенном изменении форм городского управления, внесением в него элементов, характерных для статуса российских городов, а также в возвышении должности полицмейстера и в возрастании его фактических прав, что субъективно способствовало принижению роли армянского магистрата как судебного органа. Образование правительственных институтов в армянских городах-колониях, в частности в Григориополе, в некоторой степени предвещало ломку того своеобразного, но привычного уклада жизни, который сложился у армян на протяжении многих веков. Таким образом, с началом XIX века кончается период, когда армянское самоуправление функционировало в его чистом виде.

Уже в самом конце 90-х гг. XVIII в. правительство вводит должность Первого присутствующего в григориопольском магистрате, что было равносильно должности городничего, существовавшего в русских городах. В дальнейшем правительство решило расстаться с ширмой, постановив изъять формулировку «Первый присутствующий в магистрате» и утвердить в Григориополе должность городского главы.

В свете изучения политики царского правительства, проводимой в отношении армянских колоний России и, в частности, в Григориополе большой интерес представляет рассмотрение таких вопросов, как функции полицмейстера в армянской колонии, его фактические права и взаимоотношения с армянским обществом и магистратом. Назначенный в Григориополе губернскими властями полицмейстер по сути дела являлся их резидентом в армянской колонии. Поэтому неудивительно, что он обладал широкими правами. Впрочем, здесь нужно говорить не о его формальных полномочиях, а скорее о фактических правах, основанных на молчаливом согласии губернского начальства.

Факты говорят о том, что полицмейстер зачастую

противопоставлял себя магистрату, не считаясь даже с тем статусом, который был утвержден для армянской колонии самим правительством⁸⁶. Так, григориопольский полицмейстер имел фактическую власть: а) назначать литургию, б) командовать на заседаниях магистрата, в) закрывать торговые заведения, г) контролировать расходы городских властей⁸⁷, д) по своему усмотрению созывать горожан, е) минуя армянский суд, передавать дело в уездный суд⁸⁸, ж) опубликовывать правительственные распоряжения⁸⁹.

Чужеродные добавления к органам армянского самоуправления, а также превышение григориопольским полицмейстером своей власти не могли не вызвать недовольства начальства армянской колонии и ее духовенства, что, прежде всего, объяснялось их боязнью потерять те ключевые позиции, которые они занимали в жизни Григориополя. Крупное григориопольское купечество совместно с членами городского магистрата стало хлопотать, чтобы правительство ликвидировало в армянской колонии должности градоначальника и полицмейстера. «Общество просит,—писали армяне в одном из своих прошений на имя губернского начальства,—наблюдение в городе порядка и сохранения тишины препоручить здешнему городовому армянскому магистрату... и по сему, чтоб уже градоначальнику тут не быть по примеру нахичеванских армян»⁹⁰.

Эту просьбу григориопольцев активно поддержало армянское духовенство. Архиепископ Иосиф Аргутинский в свою очередь просил правительство об упразднении в колонии должности градоначальника, подчеркивая, что «она может принести обществу (армянскому.—Ж. А.) только тягость»⁹¹. Однако у царского правительства на

⁸⁶ Матенадаран, архив католикосата, папка 14, док. 44.

⁸⁷ Там же, папка 19, док. 69.

⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, л. 160.

⁸⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 17, док. 17.

⁹⁰ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 480 об.

⁹¹ Там же, л. 504.

этот счет были свои виды. Мнение правительства хорошо выразил в своем рапорте руководитель григоринопольской «экспедиции строения» Монсей Зверев: «И хотя есть общее их (григоринопольцев.—Ж. А.) желание,—писал он,—иметь только один магистрат без городничего на основании правления нахичеванских жителей, но я, по содержанию Вашего высокопревосходительства данного мне предписания, осмеливаюсь доложить, что для управления сего пограничного места, заселенного народом иностранным и еще к российским законам не привыкшим, в то время весьма нужно будет особое иметь надзирание»⁹². Нетрудно догадаться, что этим вопрос был исчерпан.

В вопросе григоринопольского полицмейстера правительство в дальнейшем решило пойти на уступку, согласившись назначать на эту должность армян. Так, значительное время на этом посту находился надворный советник Г. Худабашев, который старался завести выгодное для себя знакомство, войдя в доверие, в частности, к одесскому градоначальнику А. Ф. Лапжерону⁹³. Назначение армян на должность полицмейстера в Григоринополь по сути дела не меняло положения вещей, поскольку губернское начальство в большинстве случаев проводило свою кандидатуру, которая была связана с ним больше, чем с армянским обществом. К тому же для большего укрепления своих позиций в армянской колонии губернские власти учредили в 20-х годах XIX в. в Григоринополе полицейское управление, которое состояло из полицмейстера, секретаря и одного ратмана, прикомандированного из магистрата⁹⁴. Хотя должность самого полицмейстера и стала выборной, однако, как правило, армянское общество при этом не имело решающего голоса. Поэтому каждые выборы полицмейстера вызывали большие осложнения в взаимоотношениях между армянским обществом и губернским начальством.

⁹² Там же, л. 455 об.

⁹³ Матенадаран, архив католикосата, папка 34, док. 170.

⁹⁴ ООГА, ф. 1, оп. 200, д. 1, л. 3.

Армянские общественные деятели Христофор Лазарев и архиепископ Нерсес Аштаракци взяли за урегулирование этого вопроса. В письме к Христофору Лазареву от 7 февраля 1828 г. Константин Аргутинский писал: «Мысль Ваша в отношении устройства полицейской части в городе Григорнополе, подобно Нахичевану*, прекрасна, и она должна показать графу Воронцову опытом Вашу попечительность об общей пользе»⁹⁵. Но усилия Лазарева не увенчались успехом. Тогда Нерсес Аштаракци в январе 1833 г. обратился к губернатору М. С. Воронцову с просьбой упразднить в Григорнополе полицейское управление.

Воронцов согласился внять этой просьбе с условием, если функции полицмейстера в городе будут возложены на градоначальника⁹⁶. Однако дальше обещаний дело не пошло: документы 30-х и 40-х годов XIX в. свидетельствуют о том, что Григорнополь в рассматриваемый период имел своего полицмейстера. Правда, бывали периоды (даже в 50-х гг.), когда обязанности городничего и полицмейстера исполнял один человек, но это скорее было исключением, нежели правилом⁹⁷. Это явление говорит о том, что уже к середине века происходит сближение армянского магистрата с григорнопольским полицмейстером, роль которого в жизни армянской колонии все более возрастает. Дело доходило даже до того, что полицмейстер сам накладывал на григорнопольских торговцев налоги⁹⁸.

Сближение григорнопольского магистрата и полицмейстера в основном объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, это происходит потому, что нарождавшаяся армянская буржуазия, в руках которой находилось руководство колонией, в скором времени нашла общий язык как с губернскими властями (а полицмей-

* В Новой Нахичевани функции полицмейстера были возложены на членов магистрата. См. *В. Бархударян*, указ. соч., стр. 104.

⁹⁵ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 51, папка 106, док. 127.

⁹⁶ Там же, архив Нерсеса Аштаракци, папка 167а, док. 771.

⁹⁷ Там же, архив католикосата, папка 176, док. 62.

⁹⁸ Там же.

стер был их ставленником), так и с представителями торгово-промышленных кругов юга России. Далее, нельзя упускать из виду также и то, что в первой половине XIX в. не без помощи правительства происходит эволюция органов управления армянской колонии, в результате чего Григориополь все меньше стал отличаться от других городов России.

Развитие григориопольской армянской колонии и ее административно-правовых институтов привело к тому, что в течение первой половины XIX в. происходит расширение функций органов городского управления, что объясняется прежде всего постепенным увеличением в Григориополе количества неармянского населения. Известно, что со дня основания армянского города вместе с его основными жителями в нем стали проживать украинские казаки. В дальнейшем их число постепенно возрастает. Статистика свидетельствует, что уже в 1801 г. в Григориополе, наряду с украинцами, обосновались молдаване, греки, евреи и цыгане. Однако на каждую из перечисленных наций приходилось пока еще слишком мало дворов⁹⁹.

Количество неармянского населения в Григориополе резко возросло в 1808 г., когда часть молдаван селения Глиная (отошедшего под немецкую колонию «Глинка-сталь») переселилась в армянский город¹⁰⁰. В 1819 г. в Григориополе уже проживало около 1700 человек из числа неармянского населения. Это были в основном молдаване, украинцы, русские, греки и евреи¹⁰¹. В 1825 г. число жителей города возросло до 2318 человек¹⁰². Приведенная выше цифра не изменяется до 40-х годов XIX в.¹⁰³

⁹⁹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 532.

¹⁰⁰ «Новороссийский календарь на 1844 год», Одесса, 1843. стр. 113.

¹⁰¹ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 8, 1819 г., л. 27 об.

¹⁰² «Статическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год», СПб., 1829, стр. 18—19.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. «Комитета министров», № 1263, оп. 1, д. 1325, л. 897.

Процесс возрастания числа неармянского населения в Григориополе шел почти параллельно с процессом убыли армян. В 1790-х годах, по сведениям Иосифа Аргутинского, в Григориополе проживало 4444 армянина. По количеству населения Григориополь находился на третьем месте в ряду армянских колоний России¹⁰⁴. Однако не прошло и десяти лет, как картина полностью изменилась. Бегство армян за границу (из-за событий 1796—1802 гг.), их переезд в другие города России, в том числе и в Одессу,—все это привело к тому, что уже в 1801 г. в Григориополе находилось всего 1694 человека¹⁰⁵. После стабилизации внутреннего положения колонии армяне вновь стали возвращаться в Григориополь. К тому же колония стала пополняться и за счет других выходцев—армян из-за границы и других мест. В рассматриваемый период в Григориополь переезжали армяне, имеющие турецкое и австрийское подданство¹⁰⁶. Так называемые польские армяне, проживавшие в Австрийской империи, отдельными семьями переезжали в Григориополь, начиная еще с 1794 г. В 1798 г. в одном из писем, адресованных Иосифу Аргутинскому, сообщалось о намерении большинства польских армян переехать в Григориополь¹⁰⁷. Приблизительно в это же время григориопольскими жителями изъявили стать также рашковские армяне¹⁰⁸.

Таким образом, перемещения населения, имевшие место в Григориополе в конце XVIII и первой четверти XIX в., привели к тому, что начиная с 20-х вплоть до 60-х годов XIX в. в армянской колонии устанавливается более или менее постоянное число ее жителей. В 1819 г. армян было в Григориополе более 1800¹⁰⁹; в 40—50-х го-

¹⁰⁴ Там же, ф. 1374, оп. 2, д. 1815, л. 89.

¹⁰⁵ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 532.

¹⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, л. 38; ЦГА Молдавской ССР, ф. «Канцелярии Бессарабского губернатора», № 2, оп. 1, д. 146, л. 2—3.

¹⁰⁷ Матенадаран, архив католикосата, папка 8, док. 100.

¹⁰⁸ Там же, папка 8, док. 23.

¹⁰⁹ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 8, 1819 г., л. 27 об.

дах—около 2000¹¹⁰, а в 1861 г.—более 2000 человек¹¹¹. Разноречивость о количестве армянского населения в Григориопольской колонии, встречающаяся как в русских, так и в армянских источниках, объясняется тем, что ведомости фиксировали лишь наличных в городе жителей, а между тем некоторая часть армян в момент составления официальных списков отсутствовала, находясь по своим коммерческим делам в других городах России и даже за границей.

Уменьшение числа армянского населения в Григориополе на первых порах не повлияло на правовое положение в городе. Командное положение в колонии по-прежнему занимал армянский магистрат, полномочия которого со временем перешли в руки григориопольской городской думы, руководимой городским главой¹¹².

В связи с ростом количества неармянского населения в колонии появляется необходимость постоянного регулирования отношений между армянами и остальными жителями города. Это происходит в форме заключения договоров между армянским и неармянским населением Григориополя. Договоры делились на два вида: общие и частные. Общие договоры заключались между армянами и всем остальным населением колонии. Как помним, такой договор впервые был заключен между армянами и украинцами в 1793 г., когда последние составляли единственную нацию, проживавшую совместно с армянами. Вторично общий договор был заключен в 1819 г. На новой базе он устанавливал основные нормы правовых и хозяйственных отношений между армянами и всеми остальными нациями, заселявшими к тому времени Григориополь¹¹³. Частные договоры заключались

¹¹⁰ А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1, Одесса, 1850, стр. 288; см. также Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 142.

¹¹¹ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. 1, ч. 1, Херсон, 1863, стр. 12—15.

¹¹² Խ. Տեր-Ենոքեան, Դրիգորիոպոլի հոգաբարձության գործունեությունը, «Մշակ», 1912, №25.

¹¹³ ООГА, ф. 1, оп. 200, д. 8, 1819 г., лл. 44—46.

между армянским обществом с одной из наций, проживавшей в колонии, по какому-либо конкретному вопросу. Например, между армянами и молдаванами существовал договор, по которому последние обязывались нести городские повинности с условием, чтобы армянское общество содержало за них постой войск, проходящих через город¹¹⁴.

Начиная с середины 30-х годов XIX в., правительство предпринимает ряд действий с целью внести существенные коррективы в административно-правовое положение армянского общества в Григориополе. Поводом для дальнейшего наступления на права и привилегии армян послужили события, имевшие место в колонии при выборах в 1835 г. членов магистрата и думы, когда молдавское население города поставило вопрос о допущении их к этим выборам¹¹⁵. Последнее обстоятельство было использовано царским правительством для того, чтобы поставить вопрос о реорганизации основного института армянского самоуправления—магистрата и думы. При этом правительство действует тонко, выдвигая «объективные» аргументации, вроде таких, как количественное соотношение наций, населяющих Григориополь.

Защищая свои интересы, армянское общество ухватилось за спасательный 6-й пункт царской грамоты 1799 г., в силу которого оно пользовалось правом самоуправления. Прошение депутатов григориопольского армянского общества и рапорт Херсонского губернского правления о реорганизации григориопольской городской думы были обсуждены в сенате одновременно¹¹⁶. Однако в правительстве никак не могли договориться по обсуждаемому предмету, поскольку им мешал 6-й пункт. Решение вопроса затянулось на несколько лет. Григориопольское дело кочевало из одной инстанции в другую, причем каждая из них выдвигала свое решение вопроса. Так, в министерстве внутренних дел предложили, наряду с армянской думой, для молдаван и других наций создать

¹¹⁴ Там же, лл. 27—28.

¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 1325, л. 836.

¹¹⁶ Там же, лл. 889—890.

особый орган правления—ратушу. Руководство Новороссийской и Бессарабской губерний не согласилось с этим предложением, мотивируя свое возражение тем, что создание в одном городе двух отдельных органов правления естественно повлечет за собой дележ городской земли, что было явно нежелательно для губернских властей, а также вызвало бы ряд других осложнений¹¹⁷.

Правительству пришлось принять возражение губернского начальства. Оно приняло также их рекомендации не считаться при определении форм городского управления в Григориополе с мнением армянского общества, поставив вопрос об отмене 6-го пункта грамоты 1799 г. Поэтому в начале 1840 г. сенат выносит следующее решение: «6-й пункт дарованной Григориопольскому армянскому обществу в 1799 году грамоты отменить с тем, чтобы замещение должностей, от общественных городских выборов зависящих, производимо было в г. Григориополе на общем основании всеми обывателями, имеющими по закону право на участие в выборах и на избрание в должности»¹¹⁸.

Таким образом, с началом 40-х годов XIX в. кончается период безраздельного господства в городе армянского магистрата и думы. В органы городского управления теперь стали избираться и представители других наций, населяющих Григориополь. Порой даже городским главой выбирался неармянин. Так, в 1851 г. городничим и полицмейстером Григориополя являлся тираспольский помещик Яков Аврамович Прямой¹¹⁹. Отмечая эти факты, нельзя забывать, что городская дума, являясь сословно-представительным органом, комплектовалась в основном из числа богатой верхушки города, к которой, прежде всего, относились армянские купцы, вследствие чего большинство мест в григориопольской думе опять-таки принадлежало армянским богачам. Это явление продолжалось вплоть до 80-х годов XIX в.¹²⁰

¹¹⁷ Там же, лл. 890—895.

¹¹⁸ Там же, л. 901—901 об.

¹¹⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 176, док. 62.

¹²⁰ См. Ю. Шпр-бГрблмб, указ. соч., «Угм», 1912, № 25.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что к середине XIX в. Григоринополь юридически уже перестал быть армянским городом-колонией. Теперь он становится, подобно другим уездным городам России, русским городом, в котором, однако, были еще сильны традиции армянской колонии.

Во второй половине XIX в. Григоринополь подчинялся Тирасполю (центру уезда) не только по линии административной, но и по части судебной и полицейской, что окончательно было установлено после ликвидации в 1864 г. армянского магистрата¹²¹, который к тому времени уже никакой фактической властью не обладал. В 60-х годах Тираспольский уезд по полицейской части был разделен на два следственных участка. Во второй из них, охватывающий и Григоринополь с Дубоссарами, назначен был следователем чиновник, вопрос о постоянном месте пребывания которого был решен в пользу Григориополя¹²². В этот же отрезок времени и мировой судья, заключив, что в Дубоссарах ему жить негде, решил водвориться в Григоринополе, с чем дубоссарской думе, скрепя сердце, и пришлось примириться. И так она лишилась такой выгодной статьи, как доход с засвидетельствования векселей и контрактов, который целиком перешел к григоринопольской думе¹²³.

В рассматриваемый период происходят дальнейшие изменения в структуре городского управления Григориополя: в конце 70-х годов XIX в. городская дума заменяется городским управлением¹²⁴. В это же время растет число жителей города. По сведениям «Новороссийского календаря», в 1872 г. в Григоринополе проживало 6878 душ обоюбого пола¹²⁵. В городе увеличилось количество русско-украинского, молдавского и еврейского населения, вследствие чего, наряду с православной церковью, в Григоринополе строится еврейская синагога. Этот процесс шел параллельно с постепенной убылью армянского населе-

¹²¹ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, л. 301.

¹²² В. А. Кочергин, указ. соч., стр. 48—49.

¹²³ Там же, стр. 49.

¹²⁴ См. И. Сир-бегларов, указ. соч., «Шылы», 1912, № 25.

¹²⁵ «Новороссийский календарь на 1873 г.», Одесса, 1872, стр. 90.

ния, которая особенно усилилась в последние два десятилетия XIX в. Армяне уже не имели большинства в органах городского управления. Юридически армянская колония, как таковая, перестала существовать. Армянское население Григориополя в конце XIX в. сгруппировалось в общину¹²⁶, жизнь которой продолжалась и в XX веке.

* * *

Развитие внутренней жизни армянской колонии прошло через определенные этапы, что было обусловлено теми изменениями, которые происходили как в социальной и экономической жизни Григориополя, так и в структуре и функциях его административно-правовых органов. Нам уже приходилось отмечать, что в конце XVIII в. сформировался внутренний уклад колонии. Ее полнокровная жизнь начинается лишь с XIX века и продолжается вплоть до его середины, после чего наступает новый этап в развитии григориопольского армянского общества.

В первой половине века, когда руководство в Григориополе находилось в руках армянского купечества, в чьих интересах было укрепление внутреннего положения колонии, городскими властями и армянским обществом были предприняты шаги для развертывания общественного строительства в городе, упрочения его финансов, создания четкой налоговой системы и урегулирования отношений между армянским населением Григориополя и другими нациями,

В системе мероприятий по укреплению внутреннего положения колонии особое значение имела борьба григориопольских армян за ликвидацию воинского постоя в городе, который препятствовал нормальному ходу развития не только армянского города, но и других вновь созданных городов Новороссии. Даже херсонский генерал-губернатор герцог Ришелье вынужден был признать, что «город не может истинно существовать, доколе ча-

¹²⁶ См. И. Шп-бнрбуи, указ. соч., «Ушк», 1912, № 27.

стные дома будут взимаемы для воинского постоя»¹²⁷. Поэтому герцог ставит перед правительством вопрос об освобождении от постоя городов вверенной ему губернии.

Мы помним, что по привилегии, данной в октябре 1794 г., горожане Григориополя освобождались как от воинского постоя, так и от рекрутских наборов. Однако правительство проявило непоследовательность в соблюдении предоставленных льгот. Вскоре после опубликования царского указа в армянский город был введен егерский полк. Не избавились армяне также и от рекрутских наборов. В этой связи в Григориополе создавалось буквально критическое положение. В своих письмах горожане писали, что они изнемогают от тяжести постоя солдат¹²⁸, так как на каждую армянскую семью приходилось от 5 до 15 военных¹²⁹.

Создавшееся положение вынудило руководство армянской колонии обратиться за помощью к властям и послать в губернский город депутацию от григорипольского общества¹³⁰. Эти мероприятия не дали никаких результатов: притеснения военных продолжались. Помимо всего, командование полка потребовало от жителей армянского города поставки дров для своих солдат¹³¹. Однако во многих случаях григорипольцы уклонялись от выполнения требований военного начальства, и последнее вынуждено было само позаботиться о доставке дров из григорипольского леса. На этой почве осенью 1797 г. между солдатами и жителями армянской колонии возник крупный инцидент.

В тот момент, когда солдаты егерского полка собирались вывезти из леса десять подвод дров, их остановил лесничий, потребовавший подождать, пока не будет выяснено, разрешает ли градоначальник вывоз дров из городского леса. Не подчинившись лесничему, солдаты учинили драку с ним и с подоспевшими к нему на помощь армянами. Пришедший на место драки градоначальник

¹²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 344, л. 60 об.

¹²⁸ Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 94.

¹²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 1, д. 55, л. 20.

¹³⁰ Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 129.

¹³¹ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 1, д. 68, л. 1.

чальник не смог унять разгорячившихся солдат, которые пустили в ход даже сабли. В результате несколько григориопольцев были тяжело ранены¹³².

Описанный инцидент, благодаря энергичным действиям григориопольского общества, получил широкую огласку в губернии. Правительство вынуждено было вывести егерский полк из армянского города,¹³³ а царь, в свою очередь, поспешно опубликовал указ об освобождении Григориополя от воинского постоя. Это, конечно, была победа. Жители армянского города ликовали, устроив 21 декабря в связи с получением привилегии пышные торжества, ничем не уступавшие празднеству армян в день основания Григориополя¹³⁴.

Но армянам недолго пришлось пользоваться царской милостью. Уже в 1800 г. Иосиф Аргутинский, имея в виду григориопольских жителей, писал губернатору Оболенскому следующее: «Воинские начальники, в противность... монаршей воле, отягачают тамошних обывателей не только постоем, но и принуждают к печенню для тех воинских людей хлебов»¹³⁵.

В первой трети XIX в. в Григориополе продолжали квартироваться воинские подразделения и рекруты¹³⁶. Поэтому на повестку дня вновь ставится вопрос о выводе войск из Григориополя. Этому же стали добиваться и владельцы местечка Ганчешты, наследники армянского рода Манук-бея, с которыми жители армянской колонии поддерживали тесную связь¹³⁷. На сей раз в защиту григориопольцев подали свой голос известные армянские общественные деятели Лазаревы и архиепископ Нерсес Аштаракец, сменивший Григория Захаряна на его духовном посту в Кишиневе. Так, из письма А. Худабашева к Христофору Лазареву, датированного сентябрем 1829 г.,

¹³² Там же, лл. 8—9.

¹³³ Там же, л. 5.

¹³⁴ Там же, лл. 10—11.

¹³⁵ Там же, д. 154, лл. 28—29.

¹³⁶ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракца, папка 167а, док. 454.

¹³⁷ ЦГА Молдавской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 934, л. 4—4 об.

выясняется, что по просьбе григорипольских армян Лазарев хлопотал о недопущении поста в Григориполе. Однако он не смог добиться положительного решения¹³⁸.

Помимо проблемы воинского поста, Лазарев и архиепископа тревожил также вопрос возможной организации в Григориполе военных поселений. Как известно, идея организации военных поселений возникла в царствование Александра I и была воплощена в жизнь наиболее реакционными кругами во главе с Аракчеевым, являвшимся главным начальником военных поселений. Число последних росло из года в год. К концу царствования Александра I были переведены на оседлость до 375 тыс. человек, то есть треть всей армии¹³⁹. Военные поселения возникали и после смерти Александра. В частности, из письма Христофора Лазарева к архиепископу Нерсесу, датированного 18 апреля 1830 г., выясняется, что правительство собиралось организовать военное поселение и в Григориполе, причем военных поселенцев намеревались перевести в армянский город с реки Буг¹⁴⁰.

План этих мероприятий был представлен Верховным военным советом на рассмотрение Главного военного штаба. Христофор Лазарев, как можно судить из упомянутого письма, зорко следил за ходом событий. В этой связи он писал Нерсесу: «Многие чиновники утверждают, что как в Харьковской и Новгородской губерниях возникли по указу царя военные поселения, как, например, в Чугуеве, Змиеве, Старой Русе и других городах, так и в Григориполе и Тирасполе необходимо их основать. Но жители упомянутых городов, которым были даны привилегии, останутся при своих правах...

По уверению некоторых высокопоставленных лиц со стороны войска не будет в отношении их никакого

¹³⁸ ЦГАДА. ф. «Абамелек-Лазаревых», № 1252, д. 341, л. 54—54 об.

¹³⁹ С. Б. Окунь, Очерки истории СССР, Л., 1956, стр. 295.

¹⁴⁰ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 14, папка 106, док. 3.

ущерба или притеснений, а только увеличится число жителей города и их доходы»¹⁴¹.

Христофор Лазарев, трезво оценив обстановку, не поддавался искушению правительственных чиновников, а наоборот, войдя с прошением в правительство, начал вести с ним переговоры о недопущении организации военных поселений на территории армянского города. «Я представил генералу Бенкендорфу,—писал он Нерсесу,—заявление, необходимое для регулирования григориопольских дел, и объявил ему наше противное мнение, но не знаю, сможет ли он добиться того, чтобы Григориополь оставался в своем прежнем положении».¹⁴²

Насколько нам известно, военные поселения в Григориополе не были образованы. По-видимому, в этом вопросе армянским общественным деятелям и григориопольским жителям удалось отстоять свои права. Однако от воинского постоя Григориополю так и не удалось избавиться. Руководство армянской колонии оказалось вынужденным урегулировать этот вопрос следующим образом: солдаты были водворены в свободные дома, а на их содержание расходовались деньги, собираемые с жителей города, что также обременяло григориопольцев. Но другого выхода не было, поскольку незначительная сумма городского дохода не позволяла начальству колонии использовать ее для покрытия расходов по содержанию постоя.

В 1801 г. городской доход Григориополя составлял 1158 р. 47 к., а расход—1448 р. 98 к. Перерасход был покрыт из суммы, взятой заимообразно за счет доходов будущего года¹⁴³. Спустя 18 лет картина изменилась лишь не намного. В 1819 г. доход составлял 2716 р. 97 к.¹⁴⁴ В 1844 г. городская казна получила 3003 р. 72 к. серебром. В этот же год расход доходил до 2617 р. 43 к.¹⁴⁵ Доход 1854 г. составлял уже 4748 р. 56 к., а расход рав-

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 545.

¹⁴⁴ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 3, 1819 г., л. 27.

¹⁴⁵ «Общественное устройство и хозяйство городов», т. I. СПб., 1859, стр. 606.

нялся 4543 р. 59 к.¹⁴⁶ Соотношение прихода и расхода в григоринопольской думе в 1859 г. было таково: 6910 р. 30 к. на 8176 р. 26 к. В отчете начальника Херсонской губернии за 1859 г. отмечается, что из 10 городов губернии Григоринополь по приходу и расходу стоит на третьем месте после Херсона и Тирасполя¹⁴⁷.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в течение первого двадцатилетия XIX в. городская казна Григориополя оставалась незаполненной. Расходы колонии порой перекрывали сумму ее доходов. После того, как были израсходованы деньги, отпущенные правительством для строительных работ, появилась необходимость изыскать дополнительные средства для покрытия расходов по благоустройству города.

Тем временем в Григориополе росло число общественных строений. В начале XIX в. город уже имел кофейни, мельницы, пекарни и одну баню¹⁴⁸. В 1814 г. под присмотром архимандрита Манвела была построена вторая баня¹⁴⁹. Одновременно с этим городские власти предпринимали меры по благоустройству города. Еще при деятельности прадоначальника Степана Давтяна на центральной улице Григориополя устанавливаются фонари¹⁵⁰. В дальнейшем (1819 г.) в городе было расставлено еще 40 столбов с фонарями. В это же время по обеим сторонам почтовой дороги, проходившей через город (она шла из Тирасполя в Григоринополь¹⁵¹ и являлась побочным трактом главной почтовой артерии Балта-Кишинев)¹⁵², были вырыты канавы и высажены деревья, а также установлены шлагбаумы при входе и выходе из города¹⁵³.

Как выше отмечалось, городская казна не имела

¹⁴⁶ ООГА, ф. 1, оп. 248, л. 1579, 1854 г., л. 37.

¹⁴⁷ Там же, л. 1584, 1859 г., л. 52.

¹⁴⁸ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 541.

¹⁴⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 25, док. 42.

¹⁵⁰ Там же, папка 8, док. 23.

¹⁵¹ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. II, Херсон, 1866, стр. 142.

¹⁵² В. А. Кочергин, указ. соч., стр. 47.

¹⁵³ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 8, 1819 г., лл. 27—28.

возможности покрыть все эти расходы, и поэтому руководство колонии обратилось за денежной помощью к армянскому обществу. Начался сбор средств. Однако собранная сумма (1240 р.) оказалась недостаточной. Тогда городская дума постановила взять у армянского купечества деньги в долг. У 33-х армян, таким образом, было взято 1733 р. Городской глава Гильдов дал 150 руб. Его примеру последовали и другие купцы¹⁵⁴.

В расходах по благоустройству города приняло участие только армянское население Григориополя. Но неверно будет сказать, что остальные нации, населявшие колонию, играли весьма пассивную роль во внутренней жизни Григориополя. В этой связи интересно проследить взаимоотношения, которые установились, с одной стороны, между руководством колонии и ее неармянским населением, а с другой—между армянами и представителями других народов, обосновавшихся в Григориополе.

Рассматривая отношение армянского магистрата к неармянскому населению города и пригородов, необходимо иметь в виду, что в его основе лежали классовые интересы торгово-промышленных кругов армянской колонии, занимавших в городе командные посты и прибравших к рукам не только своих соотечественников, но и остальных жителей Григориополя.

В городе и его пригородах проживало значительное число казенных крестьян (молдаван и русских), не входивших в состав григориопольского мещанства. В официальных бумагах эти крестьяне назывались поселянами. Последние за пользование городской землей обязаны были платить как армянскому магистрату, так и духовенству налог (продуктами и деньгами)¹⁵⁵. Для исправного взимания налогов магистрат из числа своих членов назначил надзирателей над крестьянами¹⁵⁶. Налоги, установленные армянским магистратом, были для крестьян обременительны. Поэтому некоторые из них стремились получить через тираспольский суд освобождение от

¹⁵⁴ Там же, лл. 28, 38, 40—40 об.

¹⁵⁵ Матенадаран, архив католикосата, папка 8, док. 82; там же, папка 15, док. 60.

¹⁵⁶ Там же, папка 8, док. 82.

этих податей, что, однако, не спасало их положения, поскольку городские власти, не считаясь с решением суда, продолжали эксплуатировать крестьян¹⁵⁷.

Взаимоотношения между армянским магистратом и мещанами города (в их число входили, прежде всего, молдаване, украинцы и русские), а в дальнейшем и поселянами находили отражение в договорах, которые периодически заключались в Григорнополе. Практика заключения договоров получила распространение в армянской колонии потому, что неармянские слои григорнопольского общества не были представлены ни в магистрате, ни в городской думе. Как было отмечено, договоры регулировали взаимоотношения между армянами и другими слоями григорнопольского общества, устанавливая определенные нормы поведения, конкретизируя права и обязанности каждого общества.

Наиболее характерны условия договора, заключенного между магистратом и неармянским населением города, подписание которого состоялось в ноябре 1819 г. в присутствии личного представителя херсонского военного губернатора графа Ланжерона, тираспольского городничего подполковника Яловского¹⁵⁸.

Причиной частых споров, возникавших между григорнопольским магистратом и неармянским населением колонии, была городская земля. Поэтому договор 1819 г. предусматривал ее дележ на части с предоставлением каждой нации соответствующего участка, размер которого определялся количеством душ данной нации. Лес же должен был целиком находиться в ведомстве городской думы, постановившей штрафовать 50-ю рублями каждого, кто без разрешения городских властей срубит дерево. Для отопления своих жилищ григорнопольцы употребляли камыш, растущий при речке Тамашлык; городская дума назначала определенные сроки, во время которых разрешалось населению города косить камыш¹⁵⁹.

По договору 1819 г. предусматривалось регулирование такого сложного вопроса, как отбывание повинностей

¹⁵⁷ Там же, папка 6, док. 115.

¹⁵⁸ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 8, 1819 г., л. 44.

¹⁵⁹ Там же, лл. 44—45.

наций, населяющих Григоринополь. Прежде всего назначалась очередь, причем каждая нация заранее знала свое время отбывания повинности. По наступлении этого времени общество данной нации выделяло из своей среды депутата, обязанностью которого было соблюдать справедливость при распределении повинностей на членов своего общества. Действия депутата при этом должны были быть согласованы с членами городской думы¹⁶⁰.

Как мы уже отмечали, порой городские расходы превышали доходы. Поэтому армянскому магистрату приходилось на число душ каждой нации, населявшей Григоринополь, раскладывать то количество денег, которое смогло бы восполнить сумму, необходимую для содержания присутственных мест. Для этой цели договор 1819 г. обязывал от каждого общества выделять двух доверенных лиц, которые (после принятия присяги) и занимались бы раскладкой предусмотренной суммы, исходя из состояния членов данного общества¹⁶¹.

В рассматриваемый период в Григоринополе существовал этапный пункт, расходы на содержание которого (наем помещения с отоплением и освещением, конвоирование и провоз арестантов) должны были нести городские жители¹⁶². Для того чтобы исключить недоразумения, возникавшие при конвоировании и транспортировке арестантов, договор 1819 г. предусматривал установить под наблюдением думы очередность, благодаря чему каждая нация выполняла эту повинность только в определенное число дней года. Наряд подвод и конвоиров устанавливался думой, которая, по условиям договора, имела поименный список жителей города с указанием имеющихся у каждого из них подвод и тяглого скота. Григоринопольцы обязаны были по первому требованию думы предоставить в ее распоряжение как подводы, так и конвоиров¹⁶³. В дальнейшем григоринопольская дума

¹⁶⁰ Там же, л. 45 об.

¹⁶¹ Там же, л. 46.

¹⁶² Матенадаран, архив Лазаревых, л. 36, папка III, док. 127.

¹⁶³ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 8, 1819 г., л. 45 об.

эту повинность заменила налогом в количестве 25 руб. ассигнациями на каждую семью¹⁶⁴.

Переходя к освещению взаимоотношений между армянским и неармянским населением Григориополя, необходимо отметить, что вначале их развитию и укреплению в некоторой мере препятствовали быт и привычки, сохранившиеся у армян еще со времен турецкого господства. По свидетельству очевидцев, григориопольские армяне, хотя и сохранили в целости свой «племенной тип и обычаи», однако их старшее поколение в первой половине XIX в. между собой еще говорило по-турецки¹⁶⁵.

Последствия турецкого гнета прежде всего проявлялись в том, что армяне вели обособленный образ жизни, не входя первоначально в контакт с другими жителями города. Как писал Зверев, о делах «трактуют они между собою на рынке или собираясь в кафейном доме»¹⁶⁶. А один из современников отмечал, что армяне «ведут жизнь чрезвычайно скромную и в высшей степени уединенную. В домашней жизни их, в убранстве жилищ, и, наконец, даже в самой костюмировке, везде заметно некогда бывшее порабощение армян турецкому игу»¹⁶⁷. Акцентируя последнее обстоятельство, автор вместе с тем приводит очень интересные зарисовки быта григориопольских армян.

«Живя в России,—пишет он,—они... до сих пор отражают в себе воспоминание долговременного, глубоко проникнувшего их турецкого деспотизма и потому большею частию во многих из них, кроме робости, заметно какое-то не совместное с настоящим ихним бытом недоверие к другим сословиям, так явственно оставленное у них чуждым порабощением жен и дочерей своих, в особенности последних, блюдут они как заветную мечту. Потому-то армянских девушек, довольно стройных, красивых собою, с типом истинно восточной физиономии, можно видеть только в воскресные и праздничные дни в

¹⁶⁴ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка III, док. 127.

¹⁶⁵ «Списки населенных мест Российской империи, Херсонская губерния», СПб., 1868, стр. LXXI.

¹⁶⁶ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 454.

¹⁶⁷ «Херсонские губернские ведомости», стр. 202.

обедни, совершаемой на армянском языке, и то издали, потому что оне для моления своего избирают места преимущественно на хорах или тому подобные более или менее отдаляющие их от мужчин. Видеть же девицу в доме, говорить с ней, особливо в присутствии родителей, едва ли возможно, эти одичалые полузатворницы не так скоро и нелегко подчиняются влиянию постороннего любопытства и потому-то при появлении в семью их незнакомаго мужчины оне тотчас оставляют свои занятия, убегают и скрываются в особые стделения. За то к особенной чести армянских девушек нужно отнести безусловное повиновение родительской воле, почтительность к старшим и вообще сохранение высокой нравственности; всякое же противоположенное этому отношение, унижающее и пятнающее доброе имя и честь девушки, есть величайшая между ими редкость»¹⁶⁶.

Однако моменты недоверия и замкнутости армян, о которых речь шла выше, постепенно исчезли. Между армянами, молдаванами и другими нациями Григориополя со временем устанавливаются тесные, дружественные связи не только по линии общественных взаимоотношений, но и в плане личных контактов. Так, документы, хранящиеся в фондах Матенадарана, свидетельствуют о том, что уже в первой половине XIX в. наблюдались случаи, когда армянские девушки выходили замуж за представителей других наций, населявших Григориополь¹⁶⁹. Более того. Во время правления в армянской колонии архиепископа Григория беднота, терпя невыносимые поборы со стороны своего духовного начальника, находила спасение у молдаванского и русско-украинского населения Григориополя¹⁷⁰.

Армяне, молдаване, русские и другие нации, населявшие Григориополь, находились в равных условиях, когда речь шла о платеже городских налогов. В этом отношении дума, ведавшая хозяйственными и финансовыми делами города, не делала для армян никакого исключе-

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 60, док. 4.

¹⁷⁰ Там же, папка 55, док. 25.

ния. Городские повинности обязаны были платить в одинаковой мере все слои григориопольского общества, в том числе и купцы, которые, числясь григориопольскими гражданами, проживали в других городах юга России. Так, например, было и с теми купцами, которые обосновались в Одессе¹⁷¹. Со временем в Григориополе укрепилась следующая практика: купцы, выезжавшие на длительное время по своим торговым делам в другие города России, оставляли в городской думе определенный капитал, проценты с которого шли на уплату их податей¹⁷².

По установленным правилам раскладку городских сборов производили присяжные окладчики. При этом они руководствовались особым письменным распоряжением городской думы. В случае, если им при первом же обходе не удавалось взять деньги с какого-либо жителя, то дело этого налогоплательщика незамедлительно передавалось в полицию¹⁷³.

Эта строгость, разумеется, распространялась только на обыкновенных жителей колонии. Правящая же верхушка города находилась в привилегированном положении, благодаря чему обеспечивалась безнаказанность всех ее действий, в том числе злоупотребления, допускаемые ею в процессе взимания налогов. Необходимо отметить, что присяжные окладчики зачастую собирали налог лишь по устному распоряжению членов городской думы и магистрата, в результате чего последним удавалось уменьшить окладную сумму не только своих родственников, но и их работников¹⁷⁴.

Порой жители армянской колонии не имели четкого представления, по каким статьям они платят налог; с них собирали особую подать, которая шла на нужды инших. Эту статью налога городские власти суммировали с другими, и жителям выдавался единый список, в котором значилась лишь общая сумма всех податей, что в конечном счете открывало лазейку для злоупотребле-

¹⁷¹ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка III, док. 127.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

ний как членам думы, так и присяжным окладчикам. На этой почве в среде григоринопольских налогоплательщиков нередко возникали недовольства¹⁷⁵.

Изложенное выше свидетельствует о том, что правящая верхушка армянской колонии использовала власть как средство для своего личного обогащения. Считая, что цель оправдывала средства, руководство григоринопольской думы и магистрата не брезгало ничем. Как помним, для содержания этапного пункта в Григориополе собиралась особая подать. Со временем эти расходы взяло на себя тираспольское уездное казначейство, однако городские власти по «инерции» продолжали собирать с жителей колонии налог по этой статье¹⁷⁶.

Члены думы и магистрата находили для себя и другие источники обогащения. Так, содержатель переправы через Днестр платил ежегодно городской думе 20 р. серебром. Однако в 1842 г. в приход за содержание парома было записано всего 6 р. 67 к. серебром. Вместе с тем некоторые руководители Григориополя собранную сумму городских доходов отдавали под проценты в частные руки¹⁷⁷.

От членов думы и магистрата не отставал и григоринопольский полицмейстер, который зачастую вмешивался в дела городских властей, облагая по своему усмотрению население налогом¹⁷⁸. Так, один из полицмейстеров (Г. М. Худабашев), воспользовавшись царским указом о застройке имеющихся в городе пустых мест, прилагал все усилия, чтобы завладеть пустым участком григоринопольской земли, на котором архимандрит Манвел собирався построить гостиницу. Предвидя, что со стороны Манвела он встретит сопротивление, Худабашев обратился за поддержкой вначале к епархиальному предводителю, а затем и к самому католикосу¹⁷⁹.

Таким образом, как свидетельствуют факты, в течение первой половины XIX в. еще более, чем в конце

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Матенадаран, архив католикосата, папка 176, док. 62.

¹⁷⁹ Там же, папка 36, док. 187.

XVIII в., прогрессирует процесс социальной дифференциации среди григориопольских жителей. В армянской колонии уже окончательно сформировалась влиятельная группировка, включавшая в себя как представителей городских властей, так и торговых кругов колонии, которая выделялась из основной массы григориопольских жителей. Только этим можно объяснить тот факт, что в рассматриваемый период руководство армянской колонии с целью приобретения дворянских титулов обращалось в правительство с просьбой записать их фамилии в герольдии как древних армяно-грузинских князей¹⁸⁰.

Помимо городских повинностей, о которых речь шла выше, григориопольцы должны были нести и церковные повинности. Правда, в этом случае неармянская часть населения Григориополя и пригорода значительно выгадывала, поскольку церковь взимала деньги лишь только с армян. Хотя здесь следует оговорить, что по договоренности между духовенством и городскими властями еще во времена Иосифа Аргутинского соль, масло, дрова и сено духовное правление Григориополя получало от поселения селения Глиняная, в котором в основном проживали молдаване¹⁸¹.

В регулировании вопросов, связанных с исполнением церковных повинностей, большую роль играл тот или иной предводитель епархии либо начальник духовного правления Григориополя, причем с деятельностью каждого из них связан определенный период в духовной жизни армянской колонии. Так, первый период, охватывающий 1792—1804 гг., был связан с именем архиепископа Иосифа Аргутинского. Несмотря на то, что Аргутинский скончался в 1801 г., а с 1796 г. фактически уже не находился в Григориополе, духовенство армянской колонии в течение всего этого времени претворяло в жизнь его принципы.

Статьи церковного дохода обсуждались в григориопольском магистрате совместно с представителями духовенства, результатом чего явилась ясная договоренность о количестве и статьях церковных повинностей, налага-

¹⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, лл. 178—183.

¹⁸¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 15, док. 60.

емых на население. Принцип заключения договоров между духовенством и руководством армянской колонии был введен Иосифом Аргутинским. Однако, если учесть, что в самом начале XIX в., как об этом свидетельствуют армянские документы, во всех армянских колониях России имели место соглашения между народом и духовенством, строго регламентирующие церковные взносы жителей колоний, то можно сказать, что этот принцип, помимо как в Григориополе, существовал во II половине XVIII века и в других армянских колониях России¹⁸².

Рассматриваемый нами период совпал со временем, когда армянские переселенцы только начинали налаживать свое хозяйство, поэтому они и не могли отличаться высокой платежеспособностью. Несмотря на это, архимандрит Григорий, посланный, как известно, Иосифом в 1796 г. в Григориополь, старался выкачать у населения колонии как можно больше денег. В одном из писем к Аргутинскому (последний, находясь в это время в русской столице, требовал от него денежной помощи) Григорий заверяет архиепископа, что он пошлет деньги в нужном ему количестве, сообщая о скорой высылке из Григориополя 1000 руб., а также собранных в Крыму и Нахичевани 520 рублей¹⁸³.

С назначением предводителем григориопольского духовенства архимандрита Манвела (1804—1820) начинается следующий период в духовной жизни армянской колонии. При Манвеле по договору, заключенному в январе 1806 г. между духовенством и представителями всех слоев армянского общества Григориополя, для платежа церковных повинностей григориопольцы так же, как и население других армянских колоний в России, были в соответствии с их состоянием разбиты на три категории¹⁸⁴.

В указанный период ежегодно со всех женатых граждан Григориополя в пользу епархии взимался налог, называемый «святая дань» или «с урожая». При этом первая категория жителей вносила 60, вторая—40 и

¹⁸² Там же, папка 17, док. 4.

¹⁸³ Там же, папка 8, док. 82.

¹⁸⁴ Там же, папка 17, док. 4.

третья—20 коп. Поборы делались и во время пасхи и рождества, однако в этом случае вторая и третья категории жителей ничего не платили.

Налог устанавливался также с мужчин, вступающих в брак с девушкой, впервые вышедшей замуж. Первая категория платила 4 руб., вторая—2, третья—1 рубль. Деньги шли в епархию, а сама подать называлась «право епархиального»¹⁸⁵. При этом любопытно отметить, что во время свадьбы также выплачивались деньги, однако они шли в карман жены священника, совершавшего обряд, которая обязана была выделить долю и для жен других священников¹⁸⁶.

Достигнув совершеннолетия, граждане Григориополя получали паспорта, но и в этом случае приходилось расплачиваться с церковью. Первая категория вносила 15, вторая—10 и третья—5 коп.¹⁸⁷ Существовала также целая система правил, определявшая статьи церковного дохода с капитала умершего григориопольца. Церковь использовала традицию армян, в силу которой часть капитала умершего жертвовалась духовенству, причем эта часть, в свою очередь, делилась на две доли: одна—предназначалась Эчмиадзину, вторая—епархии. В случае, если умерший не оставлял завещания, подать Эчмиадзину выплачивали его наследники: представители первой категории—4 руб., второй—2, третьей—1 рубль. Если же в пределах города умирал какой-нибудь приезжий армянин, то духовенство при объявлении наследника покойного забирало себе 1/10 часть капитала. В противном случае капитал покойного делился на 4 части: одна часть шла в Эчмиадзин, вторая—в епархию, третья—предназначалась григориопольским священникам и церкви, четвертая—городской бедноте. Капитал же григориопольца, умершего без наследников, также делился на 4 части: первая часть шла в епархию, вторая—городской школе, третья—церкви и священникам, четвертая—нищим¹⁸⁸.

Архиепископ Ефрем, приехав в 1807 г. в Григорио-

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

¹⁸⁷ Матенадаран, архив католикосата, папка 17, док. 4.

¹⁸⁸ Там же.

поль, установил следующий порядок отчетности духовенства в начале каждого года: всякий раз во время проведения этого мероприятия приглашались представители общественности города, которые совместно с церковным кассиром, городским главой и членами магистрата разбирались в суммах церковного дохода¹⁸⁹.

Практика отчетности духовенства в присутствии этих представителей была ликвидирована после того, как начальник Астраханской епархии Иоаннес приехал в 1820 г. в Григориополь и сместил Манвела с должности предводителя григориопольского духовенства, назначив на его место архиепископа Григория, являвшегося одновременно и предводителем Бессарабской армянской епархии¹⁹⁰.

В период правления Григория (1820—1827) все церковные сборы были сосредоточены в руках одного человека—предводителя духовного правления. При нем договор 1806 г. потерял свою практическую силу: взимая церковные повинности, Григорий не соблюдал положения о разграничении жителей города на категории, требуя, например, со всех за крещение и совершение похоронных обрядов до 1500 курушей¹⁹¹. В одном из своих писем григориопольские жители сообщали, что во времена Григория они изнывали от церковных повинностей, которые собирались из-под палки, с помощью полиции. Поэтому некоторые из армянской бедноты вынуждены были даже поменять веру, перейдя к молдаванам и русским¹⁹².

С назначением в 1828 г. в Кишинев видного церковного и национального деятеля Нерсеса Аштаракени, возглавившего с 1830 г. Бессарабо-Нахичеванскую епархию, начинается новый период в истории духовной жизни Григориополя. Талантливый организатор Нерсес энергично взялся за упорядочение церковных дел в Кишиневе и Григориополе. Чтобы повысить доходы вверенной ему епархии (надо сказать, что в рассматриваемый период Эчмиадзин находился в больших долгах, вследствие че-

¹⁸⁹ Там же, см. также: папка 79, док. 2056.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же, папка 55, док. 25.

¹⁹² Там же.

го оттуда постоянно просили Нерсеса о денежной помощи¹⁹³) и поднять платежеспособность григоринопольцев, он провел в армянской колонии ряд мероприятий.

Во-первых, по приезде в Григоринополь (октябрь 1828 г.¹⁹⁴ и июнь 1829 г.) Нерсес распорядился из церковных средств раздать городской бедноте хлеб, наделив безземельных участками для садов и хлебопашества с передачей в их собственность плугов, виноградных лоз и семян¹⁹⁵. Этим Нерсес наживал не только политический капитал, но и выгадывал экономически. С тех поселенцев, кто брался за земледелие, церковь взимала свою долю с урожая, а хозяева виноградных садов должны были выплачивать духовенству лишь после получения первого сбора. «Таким образом,—писал Нерсес,—бедняки станут хозяевами садов, а церковь получит свою долю»¹⁹⁶.

Во-вторых, под предводительством личного представителя Нерсеса в Григоринополе действовала постоянная комиссия, управлявшая всеми общественными и духовными делами армянской колонии. Во время ревизии церковных доходов в комиссию включались священники церквей и представители общественности, чьи кандидатуры должны были быть согласованы с руководством духовного правления¹⁹⁷. Нерсес внимательно следил за деятельностью григоринопольской комиссии, инструктируя ее руководителей, как повысить доходы церкви¹⁹⁸.

В рассматриваемый период григоринопольское духовенство получало доходы с церковной собственности и кассы, с различных пожертвований и подарков, с крещения, венчания, поминок, похорон, а также с продажи свечей и оставшегося воска¹⁹⁹. Помимо всего, немало денег имела церковь также от доходов с недвижимого

¹⁹³ Там же, папка 63, док. 328.

¹⁹⁴ Там же, папка 55, док. 27.

¹⁹⁵ Там же, папка 63, док. 342.

¹⁹⁶ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракеци, папка 167а, док. 414.

¹⁹⁷ Там же, док. 434.

¹⁹⁸ Там же, док. 717.

¹⁹⁹ Там же, док. 434.

имущества. В 1829 г. по проекту губернского архитектора около одной из армянских церквей были выстроены каменные торговые лавки и бойня²⁰⁰. Эти лавки, дома и трактир²⁰¹ с винным погребом²⁰² по существующей практике отдавались в наем. Доходы, естественно, шли в пользу церкви. Свою долю в Григориополе имел также Эчмиадзин: ему принадлежал фруктовый сад²⁰³ (в дальнейшем на его месте был разбит виноградник²⁰⁴).

Таким образом, мероприятия, проведенные Нерсесом Аштаракци в угоду армянскому духовенству, упрочили финансовое положение григориопольских церквей, заставив их прихожан исправно нести повинности (достаточно отметить, что доход армянских церквей Григориополя в пользу епархии только в одном 1845 г. равнялся 992 р. 63 к.)²⁰⁵. Это положение сохранилось в армянской колонии не только после его отъезда из Кишинева, но и даже после смерти Нерсеса. На исходе XIX в. жители григориопольской армянской общины платили церкви по тем же статьям, по каким делались поборы в других армянских колониях России.

На григориопольцев, помимо городских и церковных повинностей, ложились также государственные подати. При этом армянское население города в силу царских указов 1794 и 1799 гг. платило государству по льготному тарифу: мещане и ремесленники—по 2 руб. со двора, а землевладельцы—по 5 коп. с десятины. К этим податям в дальнейшем присовокупилась земская повинность (1 р. 54 к.), вследствие чего на каждый двор причиталось 3 р. 54 к.²⁰⁶

Установленный для платежа податей льготный срок кончался в 1809 г. Но жители города продолжали платить повинности. В этом определенную роль играло то

²⁰⁰ Матенадаран, архив католикосата, папка 74, док. 342.

²⁰¹ Там же, папка 149, док. 707.

²⁰² Там же, папка 176, док. 62.

²⁰³ Там же, папка 149, док. 714.

²⁰⁴ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракци, папка 167а, док. 430.

²⁰⁵ Матенадаран, архив католикосата, папка 149, док. 714.

²⁰⁶ «Собрание актов», ч. II, М., 1838, стр. 123.

обстоятельство, что в данный период правительство все еще придерживалось покровительственной политики в отношении городов Новороссийского края. Так, 17 июня 1812 г. на своем общем собрании Государственный совет вынес решение, что Новороссийский край «заслуживает особенного покровительства»²⁰⁷. Эта политика покровительства была распространена и на Григоріополь. Через месяц, то есть в июле 1812 г., правительство продлевает армянскому городу льготный срок платежа податей еще на 10 лет²⁰⁸.

По истечении в 1819 г. последнего срока для внесения податей этот вопрос был заново поставлен в министерстве финансов. В правительстве никак не могли договориться, платить ли григоріопольцам повинности по льготному тарифу или же уравнивать их с жителями других городов России²⁰⁹. Пока этот вопрос решался в высших сферах, Херсонская казенная палата по своему усмотрению 31 декабря 1825 г. вынесла решение, в силу которого жители армянского города обязаны были уплатить по повышенному тарифу подати, считая с 1819 г.²¹⁰ По подсчетам казенной палаты, с 1819 по 1825 год включительно все григоріопольские армяне (мещане) должны были государству 49 326 руб.²¹¹ Однако жителям армянской колонии не пришлось выплачивать свой долг: их спас царский манифест, опубликованный в январе 1826 г.

Спустя десять лет царским указом от 21 мая 1836 г. жители некоторых армянских колоний России (и Григоріополя в том числе) были введены в общую податную систему. Со всех жителей города стала взиматься подушная подать. Вначале она была определена в количестве 5 руб. Армяне должны были платить также 30 коп. на «водяные и сухопутные пути сообщения» и 1 рубль — на земскую повинность²¹². Последнее обстоятельство

²⁰⁷ ПСЗ, т. XXXII, № 25149.

²⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 54—58 об.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же, д. 619, лл. 6—8 об.

²¹¹ ООГА, ф. 1, оп. 190, д. 71, 1824 г., л. 51—51 об.

²¹² Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка III, док. 142.

послужило поводом для протестов жителей армянских колоний в России. Поэтому в конце 1840 г. вопрос о платеже государственных податей армянами Карасубазара, Старого Крыма, Григорнополя и Нахичевани стал предметом специального рассмотрения в Государственном совете, который на основании докладной сената нашел, что в этом вопросе необходимо выделить две стороны: порядок исчисления (или распределения) сборов и оклады сборов²¹³.

В отношении порядка исчисления сборов в докладной сената отмечалось, что «здесь нельзя смешивать армян в покоренных России оружием областях с теми, которые пришли к нам по вызовам самого правительства, и потому, если первые Высочайшим указом 21 мая 1836 года введены в общую податную систему, с обложением их сбором подушным, то сие не может еще служить справедливым основанием распространить ту же меру на последних, когда напротив, по дарованным Государною волею при вызове их привилегиям именно обещано было обложить их сбором не по душам, а по дворам и по количеству земли»²¹⁴.

В докладной сената имелось возражение лишь против оклада сборов, поскольку с 1799 по 1840 гг. резко изменился курс ассигнаций: «Два рубля, взимаемые с армян ассигнациями,—подчеркивалось в докладе,—составляет теперь меньше уже третьей доли тех окладов, которые определены были первоначально». Поэтому правительство постановило, что, начиная с 1 января 1841 г., все армяне упомянутых городов (в том числе и Григорнополя) обязаны выплачивать государству следующие налоги: мещане и цеховые—по 2 руб. серебром со двора, земледельцы—5 коп. серебром с десятины земли²¹⁵.

Однако указ 1840 г. не внес ясности в вопрос о платеже армянами Григорнополя государственных податей. Губернским властям, обязанным исполнить распоряжение правительства, было ясно, что подворовую подать

²¹³ Там же, док. 124.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

платили лишь те армяне (824 души м. п.), которые проживали в городе до указа 1799 г., а как поступать с теми, кто поселился в Григориополе после указа Павла (82 души м. п.), финансовые органы губернии не знали, так как в указе 1840 г. на их счет не было сказано ни слова²¹⁶.

Открытым оставался также вопрос, платить григоринопольским армянам земельную подать подушно или подворно. В августе 1845 г. этот вопрос рассматривался на заседании сената, который установил, чтобы григоринопольцы платили земскую подать подушно²¹⁷. Вероятнее всего, жители армянской колонии не согласились с решением сената, продолжая платить упомянутую подать подворно. Только этим можно объяснить тот факт, что в начале 1846 г. Херсонская казенная палата обратилась в сенат с рапортом, в котором испрашивалось разрешение взимать с григоринопольских армян земскую подать подушно²¹⁸.

Имеющиеся у нас под рукой документы не дают ответа на вопрос, чем закончилась изложенная выше история. Но надо полагать, что в конечном счете сенат настоял на своем. Тем более, что с проведением в скором будущем буржуазных реформ армяне Григориополя были введены в общую податную систему России.

²¹⁶ Там же, док. 142.

²¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 10, д. 1226, л. 6—6 об.

²¹⁸ Там же, л. 1.

Глава четвертая

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОЛОНИИ

В конце XVIII и особенно в первой четверти XIX столетий в царской России проявились черты упадка и разложения крепостнической системы. В крепостной России усиливалось мелкотоварное и капиталистическое производство. Острейшее противоречие между феодальным и развивавшимся мелкотоварным и капиталистическим укладом составляло главную черту данной эпохи.

Однако не все районы Российской империи были охвачены в равной степени этим процессом. Юг России отличался от многих внутренних губерний страны более быстрым вызреванием элементов капиталистического способа производства.

«...В тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (напр., в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа),—писал В. И. Ленин,—развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре»¹.

Буржуазные тенденции социально-экономического развития южной окраины России, помимо всего прочего, были обусловлены колониальной политикой, проводимой русским правительством как в конце XVIII, так и в начале XIX столетия.

Особенностью колонизации юга России явилось то,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 217.

что она по своему характеру в значительной степени была иностранной*. Другая особенность заключалась в том, что на ее основе проходил необычайно быстрый рост родов.

Осуществляя колонизационную политику, русское правительство прекрасно понимало, что приход на новые земли России колонистов, в частности иностранных, будет способствовать хозяйственному развитию южного края. Об этом писал екатерининский сановник Мусин-Пушкин в своей реляции из Гамбурга. На иностранных колонистов возлагалась надежда, что они теперь смогут «приобретенным своим искусством, рукодельством, промыслами и разными неизвестными еще в России машинами открыть (русским) подданным мельчайшие и кратчайшие средства ко обрабатыванию земель, к распространению домового скота, к разведению лесов, к употреблению с пользою всевозможных только произножений, к заведению собственных фабрик, к управлению всего крестьянского домоводства»².

Поэтому русское правительство заботилось о заселении южного края такими иностранцами, которые были бы способны развивать сельское хозяйство, торговлю, ремесло и т. п. Особые надежды возлагало правительство на армянских жителей города Григорнополя. Выше мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что оно постоянно подчеркивало, на какие цели должны пойти деньги, отпущенные властями григорнопольским армянам. Правительственные субсидии прежде всего предназначались «для восстановления упавшей торговли». Выходит, Григорнополь в перспективе мыслился правительством главным образом как торговый город.

Русское правительство, видимо, намеревалось с помощью армянских купцов восстановить традиционную для России восточную торговлю. Вспомним, что еще в XVI столетии и даже раньше одним из основных контрагентов России являлась Турция, на долю которой прихо-

* Отмечая это, вместе с тем мы не забываем, что русская колонизация была по преимуществу крестьянской.

² Цит. по: Г. Писаревский, указ. соч., стр. 46.

дилась наибольшая часть русского товарооборота³. Григорипольские купцы, прекрасно осведомленные о конъюнктуре турецких рынков, имея опыт торговли восточными товарами и владея несколькими языками, могли бы восстановить со временем нарушенную традицию.

В этой связи необходимо отметить, что показания ряда источников и опубликованных отчетов об удельном весе крупного григорипольского купечества и размерах его торговых операций не отражают действительного положения дел. Искажение истинной картины экономической жизни армянского города происходило потому, что указанные источники и литература фиксировали факты сравнительно позднего периода истории города, когда основная часть крупного армянского купечества уже не проживала в Григориполе. Так возникла версия о том, что Григориполь—это прежде всего город мелких торговцев и ремесленников и что экономическая жизнь в нем никогда не была значительной.

Факты, которые удалось нам выявить в процессе исследования, свидетельствуют о несостоятельности этой версии. Обратимся вначале к мемуарным данным. Например, такой наблюдательный путешественник, как Сумароков, описывая свое посещение Григориполя в 1799 г., писал, что «он есть очень хороший торговый город»⁴. А вот строки из «Описания Атласа Новороссийской губернии 1799 г.», определяющие экономическую роль молодого Григориполя: «В городе оптом торгующих 27 семейств, у них ежегодно в торгу обращается денег до 46 500 рублей. В розницу и в лавках торгующих семейств 54, у них ежегодно в торгу и обращении 141 100 рублей. Цеховых семейств 118, от рукоделий своих ежегодно получающих до 6000 рублей. Затем питающихся работою семейств 403»⁵.

В конце XVIII в. капитал отдельных купцов достигал 80 тыс. руб.⁶ В дальнейшем капитал армянских куп-

³ См. М. В. Фехнер, Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, М., 1936, стр. 6—7.

⁴ П. Сумароков, указ. соч., стр. 233.

⁵ Цит. по: Е. И. Дружинина, указ. соч., стр. 250.

⁶ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 699, ч. 1, лл. 253—253 об.

пов возрастает еще больше. Так, из письма Манвела к Нерсесу от 9 ноября 1817 г. выясняется, что григорнопольский купец и промышленник Богдан Сатов (сын Ивана) вел переговоры о покупке имения княжны Тумановой со всем движимым и недвижимым имуществом и крестьянами, намереваясь заплатить наличными 400 тыс. рублей⁷.

Упомянутые в приведенной выше цитате 27 семейств, торгующих оптом, являлись наиболее крупными григорнопольскими купцами. Именно они составляли ядро купеческой торговой компании, которая, как уже указывалось выше, была организована в 1796 г. Эта компания, состоявшая из 95 членов, по сути дела была первой торговой организацией во вновь присоединенной области России. Она же первая начала налаживать на юге России восточную торговлю. Торговые операции григорнопольской компании в начальный период были связаны в основном с Константинополем, до которого армянские купцы добирались через новый порт Одессу «на наемных кораблях»⁸.

Для расширения торговли непосредственно внутри армянского города крупные купцы выстроили на свои средства в Григорииполе каменные торговые лавки (известно, что лавочная торговля в городах юга России, в частности в Одессе, где ею занимались преимущественно иностранцы, приносила немалый доход как городу, так и казне⁹) и поставили перед губернскими властями вопрос об организации в Григорииполе ярмарок.

Правитель Вознесенского наместничества князь Оболенский 18 февраля 1796 г. получил из Григорииполя рапорт, подписанный членами армянского магистрата¹⁰. Руководство армянского города просило князя об учреждении в Григорииполе четырех ярмарок в год: первой—2 февраля, второй—9 мая, третьей—15 августа и, наконец, четвертой—8 ноября¹¹. Правитель наместничества, в

⁷ Матенадаран, архив католикосата, папка 28, док. 151.

⁸ Е. И. Дружинина, указ. соч., стр. 250.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 1, л. 1343, лл. 27—27 об.

¹⁰ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 1, л. 89.

¹¹ Там же, л. 90.

свою очередь, доложил об этой просьбе армян графу Zubову. Причины для возражения у графа не было. Поэтому он благосклонно отнесся к упомянутой просьбе армянских купцов. Вскоре Вознесенское наместническое правление получает следующее предписание: «Препровождая у сего представление ко мне при рапорте григорипольского армянского городского магистрата, поданное в оный от тамошнего армянского общества прошение о учреждении в том городе четырех в году ярмарок, предлагаю Вознесенскому наместническому правлению учинить об оном на основании законов определение»¹². Спустя месяц графу Zubову наместничество в рапорте сообщает, что ярмарки в армянском городе будут учреждены¹³.

Оперативность, проявленная представителями правительства и губернских властей в вопросе учреждения ярмарок в армянском городе, вполне объяснима. Русское правительство было крайне заинтересовано в развитии экономики новоприобретенного края, в расширении торговых промыслов и наращивании купеческого капитала. В этой связи следует подчеркнуть, что в изучаемый период правительство проводило на юге России покровительственную политику в отношении купечества, поскольку там явно ощущался недостаток в торговых элементах. Подтверждением последнего могут послужить, например, следующие факты: во-первых, 24 января 1802 г. правительство распорядилось выделить Одессе под городской выгон 30 700 десятин земли. Причем в данном случае было оговорено, что оставшаяся земля должна быть роздана жителям города под хозяйственные заведения. Найденный нами в фондах ЦГИА СССР документ так комментирует этот акт правительства: «Со времени устройства города раздача сей земли была необходима, дабы привлечь иностранцев строить более домов и садами украсить степные окрестности Одессы, при том потребности жителей были тогда гораздо больше, и многие не могли заниматься коммерцией, должны

¹² Там же, л. 91.

¹³ Там же, лл. 92—92 об.

были изыскивать способы к удовлетворению нуждам своим от земли»¹⁴. Во-вторых, в конце 1797 г. некий купец Константин переехал на жительство из Тирасполя в Григориополь, мотивируя свое решение тем, что в родном городе среди его жителей нет ни одного купца, а все они являются крестьянами¹⁵.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что в начальный период развития Одессы даже среди иностранных переселенцев было мало торговцев. Григориопольские же купцы, почуяв выгоды, которые они могли извлечь из черноморской торговли через одесский порт, устремились туда, удовлетворив тем самым частично потребности Одессы в купеческих кадрах. Однако потребность в опытных торговцах была настолько велика, что правительство поддерживало каждого купца, изъявившего желание принять российское подданство. В числе таких переселенцев было немало армян, которые, покинув Турцию, объявили о своем желании жить в Григориополе. Из многочисленных примеров приведем только один. Летом 1808 г. к коменданту килийской крепости майору Лаврову обратился армянский купец Георгий Буйкоглы с просьбой принять его в российское подданство. Русский представитель в княжествах Молдавии и Валахии С. С. Кушников, характеризуя армянского купца, писал новороссийскому генерал-губернатору герцогу Ришелье: «Армянин Буйкоглы... поведения доброго, живет в Килии, производя торг разных товаров, по призыву же его к ...коменданту объявил, что причина желания его быть российскоподданным есть не иная, как та, что он сам—христианин, что просит о записи в купечество города Григориополя и что капиталу может объявить более десяти тысяч рублей»¹⁶. Ответ Ришелье весьма показателен. «Честь имею уведомить Вас, милостивый государь мой,—писал он Кушникову,—что желание Буй-

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 5, д. 140, л. 1.

¹⁵ Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 124.

¹⁶ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1, оп. 1, д. 252, лл. 4—4 об.

когда о принятии в российское подданство и купечество неумедлю выполнить, коль скоро он ко мне явится»¹⁷.

Русское правительство благосклонно относилось даже и к тем армянским купцам, которые, прибыв из Турции, производили свои торговые операции на территории России. Их принимали на определенный срок (как правило, на три года) в российское подданство. Причем такая практика была предложена самим правительством и оформлена указом на имя герцога Ришелье от 3 апреля 1806 г.¹⁸

Деятельность григорипольской купеческой компании совпала со временем наращивания торгового капитала в армянском городе. Надо признать, что в решении этой проблемы содействие правительственных органов играло не последнюю роль. Губернское начальство, в обязанность которого входило контролирование экономической жизни Григориполя, например, поощряло действия крупных армянских купцов, направленные к наращиванию своего капитала. Вспомним хотя бы пример купца Ивана Сатова, который еще в 1794 г., забрав в свои руки часть строительных работ в городе, нажил на этом внушительную сумму. Сделку с армянским купцом заключил в тот период не кто иной, как сам екатеринославский губернатор.

Спустя 14 лет не без содействия уже другого губернатора (герцога Ришелье) тот же Сатов получает для себя и своих компаньонов (Абова, Айрапетова и Погосова) 12 300 рублей. Эти деньги были присланы Лазаревым для раздачи григорипольской бедноте. Однако указанная сумма по повелению генерал-губернатора Ришелье была роздана армянским купцам, которые пустили ее в торговый оборот¹⁹.

Во имя накопления торгового капитала григорипольское купечество не брезгало никакими средствами. В оборот шла вся наличная сумма денег, в том числе и

¹⁷ Там же, л. 6.

¹⁸ ООГА, ф. 1, оп. 190, л. 96, л. 64 об.

¹⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 19, док. 69.

церковная. Поддерживая тесный контакт с духовенством, григоринопольское купечество втягивало и его в коммерческую деятельность. Так, например, ктитор армянской церкви Ваган Грикоров, первоначально имея на руках всего лишь 90 рублей и получив разрешение духовного правления, в 1820 г. пустил эти деньги в оборот, что вскоре принесло ему 6346 руб. серебром, из коих 2155 руб. он употребил на возведение церковных строений, а остальная сумма была пущена вновь в оборот, причем по непосредственному распоряжению архимандрита Манвела²⁰.

Документы, хранящиеся в фондах ЦГА Молдавской ССР, свидетельствуют о том, что григоринопольские купцы получали в начале XIX века (точнее, в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг.) внушительный доход также и от предоставленной им возможности брать на откуп молдавские селения²¹.

Григоринопольские купцы использовали то обстоятельство, что в Бессарабии (особенно в первой четверти XIX в.) была очень распространена откупная система. Существовало множество видов откупов. Находчивые торговцы наживали на этом огромные барыши. Примером может служить история изманльского армянина Ивана Карапета, который по контракту в 1812 г. взял на год свечной откуп за 6 тыс. левов в городах Изманле, Брайлове, Бендерах, Аккермане и Килии²².

Говоря о покровительственной политике русского правительства в отношении армянского купечества, следует добавить, что оно не только поощряло предпринимательскую деятельность купцов, но и заботилось о сохранности их капиталов, предупреждая утечку денег за границу. Так, 28 сентября 1826 г. министр внутренних дел приказывает новороссийскому генерал-губернатору не впускать в пределы губернии представителей армянского духовенства, приезжавших из Турции и Персии с единственной целью, «дабы собирать подаяние в пользу своих соотечественников, ...кои из Персии и Турции»

²⁰ Там же.

²¹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 21.

²² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 42, лл. 9—10.

толпами являясь для собирания подаяний в тех наших областях, где поселены их единоверцы, отягачают требованиями своими богатых, исторгают последнее у неимущих, развращая тех и других своим подаянием: иногда у умирающих вымогают завещания в пользу церквей и монастырей своих, лишая тем наследников их принадлежности, и собранные таким образом значительные суммы ежегодно вывозят за границу»²³.

Можно сказать, что в данном вопросе правительство исходило также и из своих интересов.

Мелкая промышленность, развивавшаяся в Григориополе буквально с первых же дней основания города и находившаяся, по примеру других городов России, в руках купцов²⁴, также способствовала накоплению купеческого капитала.

Географическое расположение Григориополя создавало неплохие предпосылки для развития в городе промышленного производства, которое отвечало насущным интересам григориопольского купечества, как сферы приложения капитала. За короткий срок промышленность становится одной из основных занятий григориопольского населения.

В начале XIX в. юг России представлял собой район обширного скотоводства, главным образом овцеводства. Развитие скотоводства способствовало распространению кожевенных предприятий. В начальный период кожа, получаемая в Новороссийской губернии, продавалась заводчикам внутренних губерний. Это явление, продолжавшееся вплоть до середины XIX столетия, приносило большой экономический ущерб для юга России. Достаточно привести только один пример. Сырая яловая кожа, вывезенная, скажем, на ярмарки Харьковской губернии, продавалась там по цене от 3 р. 25 к. до 4 р. 40 к., между тем как готовая черная юфтовая кожа продавалась на юге по цене от 4 р. до 6 р.²⁵

Усмотрев в кожевенном производстве доходную

²³ ООГА, ф. I, оп. 190, д. 26, л. 49.

²⁴ См. «Очерки экономической истории России», стр. 71.

²⁵ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. I, ч. II, стр. 22.

для себя статью, крупное григоринопольское купечество открыло в городе уже в 1792 г. сафьяновый завод.

Армяне издавна славились как замечательные мастера кожевенного производства. Воспользовавшись благоприятными условиями, создавшимися в Новороссийской губернии для выделки сафьяна, григоринопольские купцы стали интенсивно развивать в своем городе этот вид производства. Если в первые годы своего существования армянский город имел всего лишь один сафьяновый завод, то к середине XIX столетия их число возросло до четырех²⁶, а в 70-х годах Григоринополь имел уже шесть кожевенных заводов²⁷.

В рассматриваемый период все кожевенные заводы юга России, за исключением скубиевского завода, были сосредоточены в городах Херсоне, Елисаветграде, Григориополе, Ново-Георгиевске, Дубоссарах и Одессе²⁸. Однако выделка кожи мало где была так хорошо поставлена, как в Григориополе. Исследователь кожевенного производства Херсонской губернии К. Рудановский в этой связи писал: «Три завода, находящихся в г. Дубоссарах, принадлежат тамошним евреям; но они ни по своему устройству, ни по средствам, в строгом смысле, не могут быть причислены к числу заводов. Беспорядочная постройка зданий, отсутствие запасов сырой кожи, материалов для обработки, не говоря уже о качестве получаемого товара,—все это поселяет самое неприятное впечатление в посетителя и заставляет быть даже несколько строгим в своих приговорах. Работа на этих заводах идет не круглый год, а урывками, приостанавливаясь часто за недостатком средств»²⁹.

Этот же автор, характеризуя продукцию григоринопольских кожевенных заводов, отмечает, что их товар «принадлежит к тем отчетливым изделиям, которые требуют непременно знания и умения вести дело»³⁰.

²⁶ Там же, стр. 94.

²⁷ «Новороссийский календарь на 1873 год», Одесса, 1872, стр. 90.

²⁸ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. I, ч. II, стр. 27.

²⁹ Там же, стр. 28—29.

³⁰ Там же, стр. 29.

Выделка сафьяна на григоринопольских заводах по технологии производства заметно отличалась от способа изготовления на кожевенных заводах других городов*. Во-первых, для производства сафьяна армянские мастера в основном применяли сырую козловую кожу и частично баранью, причем вначале григоринопольские купцы покупали сырье на месте. После же для изготовления специальных сортов сафьяна баранья шкура стала ввозиться из Иерусалима, обходившаяся каждая с доставкой в 72,5 коп. серебром. Во-вторых, при выделке сафьяна григоринопольские мастера впервые в практике кожевенного производства юга России применили особый вид растения, называемого на юге скумпией.

Вся выделка сафьяна с материалом и работою обходилась вначале от 30 до 40 коп. серебром за штуку. Продавалась же кожа на внутренних рынках губернии по цене от 2 до 2 р. 50 к. серебром.

К середине столетия на четырех заводах Григоринополя изготовлялось ежегодно 50 кож подошвенного и юфтового сорта и 8090 сафьяновых кож³¹; ежегодный доход заводов составлял 6742 руб.³² По объему продукции григоринопольские кожевенные заводы занимали одно из первых мест в Херсонской губернии.

Наличие обширной скотоводческой базы в южном крае приносило григоринопольским купцам двоякую выгоду. Во-первых, они, используя то обстоятельство, что в Европе и Европейской России, в частности, развитие скотоводства резко отставало от общей потребности³³, торговлю скотом в крае взяли в свои руки. Во-вторых, ту часть скота, которая не шла на продажу, они, по примеру гуртовщиков, били в специально выстроенных в Григоринополе салотопнях, наживая при этом немалые барыши от продажи сала и свечей. И. И. Бебер в своей

* Материалы по технологии сафьянового производства на григоринопольских заводах мы берем из статьи К. Рудановского. См. там же, стр. 47—48.

³¹ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. I, ч. II, стр. 29.

³² Там же, стр. 94.

³³ Е. И. Дружинина, указ. соч., стр. 76.

статье «Примечания о различных предметах хозяйства в Екатеринославском наместничестве» писал: «...Никогда не достает купцов, кои их (крупный рогатый скот.—Ж. А.) покупают и, продержав за некоторую плату на помещичьих паствах, многочисленными стадами в Москву и Санкт-Петербург гоняют»³⁴.

Григоріопольские торговцы скотом (а они торговали в основном волами³⁵ и лошадьми, имея в своем распоряжении даже конный завод³⁶) переправляли свой товар на другие рынки. Наиболее популярным для армянских купцов рынком сбыта крупного рогатого скота была Галиция³⁷. Эта «привязанность» армянских купцов к польско-австрийским рынкам объясняется двумя факторами: субъективным и объективным. Григоріопольские армяне, как нам известно, были потомками молдавских армян, также торговавших скотом. В уже упомянутой монографии Левона Бабаяна особо подчеркивается, что местные армяне за ничтожную цену приобретали в Молдавии волов, овец, лошадей и продавали в таких странах, как Силезия и Польша³⁸. К тому же григоріопольские купцы, планируя свои торговые операции, исходили из конъюнктуры, имевшей место на европейских рынках. Австрийское правительство, остро нуждаясь в сырье, «предоставляло русским подданным совершенную свободу пригонять скот и продавать его внутри империи»³⁹. Разумеется, григоріопольское купечество не могло не воспользоваться этим правом.

Армянские купцы, как правило, приобретали свой товар для перепродажи на местных ярмарках и базарах, где имелся обширный выбор крупного и мелкого рогатого скота. В этом отношении особенно славились

³⁴ «Труды Вольного Экономического общества», СПб., 1795. стр. 185.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 146, л. 16 об.

³⁶ Там же, ф. 383, оп. 29, д. 292, лл. 32—38.

³⁷ «Новороссийский календарь на 1839 год», Одесса, 1838. стр. 102.

³⁸ Հովն Բաբայան, указ. соч., стр. 48.

³⁹ Г. Небольсин, указ. соч., ч. 1, стр. 119.

базары армянского селения Захарьевка* (именно князей Аргутинских-Долгоруких), имевшие место по воскресеньям раз в две недели. Основными предметами торговли на базарах Захарьевки являлись лошади, рогатый скот и овцы⁴⁰.

Купечество армянской колонии делало покупки также в городах и селениях Бессарабии, где скот, вино, сало, шерсть и кожи в основном миновали городские и сельские ярмарки и шли на вывоз из мест их непосредственного производства⁴¹.

Одновременно григорипольские гуртовщики закупали на ярмарках и базарах большие партии скота также на убой. Битая скотина перерабатывалась на григорипольском салотопном заводе, который так же, как и кожевенные заводы города, находился в руках купцов-промышленников. Наряду с салотопным, в Григориполе существовали и свечные заводы. Продукция этих заводов сбывалась во многих странах. Херсонский губернатор в одном из своих годовых отчетов писал: «Только шерсть и сало вывозятся за границу, прочие товары сбываются внутри губернии»⁴².

Как справедливо отмечает Е. И. Дружинина, «по мере развития капиталистических отношений в Западной Европе, последняя предъявляла все больший спрос на русское сырье и продовольствие»⁴³. Однако сало, производимое в южном крае, шло не только в Западную Европу, но направлялось и в Турцию. Так, сало, вырабатываемое в Григориполе, первоначально (то есть в конце XVIII в.) продавалось не на тех рынках, на каких реализовалось в дальнейшем. В уже известном нам «Описании Атласа Новороссийской губернии 1799 г.» отмечалось, что армянские купцы, «покупая в

* В дальнейшем оно было переименовано в местечко Васильсвка.

⁴⁰ ООГА, ф. «Главного статистического комитета Новороссийского края», № 3, оп. 1, д. 32, л. 57—57 об.

⁴¹ В. И. Жуков, Города Бессарабии 1812—1861 годов, Кишинев, 1964, стр. 190.

⁴² ООГА, ф. 1, оп. 248, д. 1579, л. 4 об.

⁴³ Е. И. Дружинина, указ. соч., стр. 88.

сем городе (Григоріополе.—Ж. А.) и поблизости онаго в селеніях рогатый скот, убивают оных в салаганах и вынятое сало, наливая в кожи, отправляют чрез означенную реку (Днестр.—Ж. А.) сухим путем в Галац, а из онаго Черным морем на наемных кораблях в Константинополь»⁴⁴.

С развитием Одесского порта все сало, вырабатываемое в южном крае, стало направляться за границу через Одессу. Григоріопольские купцы, которые уже к этому времени экономически были связаны с Одессой, не преминули воспользоваться такой возможностью⁴⁵. К середине XIX столетия через Одесский порт было вывезено за границу 115 889 пудов сала общей стоимостью в 464 101 рубль⁴⁶. Приблизительно к этому же времени ежегодная выручка от продажи григоріопольского сала составляла 13 984 руб., а доход свечного завода насчитывал 2100 руб. в год⁴⁷.

Сало и свечи, вырабатываемые на григоріопольских заводах, попадая в Одессу, одновременно с продукцией салотопных заводов южного края вывозились за границу, в частности в Англию, именуясь там русским салом. По подсчетам В. А. Золотова, в эту страну поступало от 63 до 83 процентов всего русского экспорта сала⁴⁸. К середине XIX века русское сало городской топки хорошо котировалось, например, на Лондонском рынке. По сведениям биржевых известий, центнер русского сала городской топки на английском рынке в тот период стоил 39 шиллингов 6 пенсов, что в переводе на российские деньги того времени составляло около 39 р. 50 к.⁴⁹

⁴⁴ Там же, стр. 250.

⁴⁵ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. I, ч. II, стр. 94.

⁴⁶ ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 72, л. 11 об.

⁴⁷ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. I, ч. II, стр. 94.

⁴⁸ В. А. Золотов, Внешняя торговля России через порты Черного и Азовского морей в конце XVIII—XIX вв. (авторсферат). Ростов-на-Дону, 1966, стр. 15.

⁴⁹ ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 78, л. 20.

Связь армянских купцов с одесским и другими русскими рынками расширила поле их предпринимательской деятельности. Если первоначально предметами торговли григоріопольских армян служили привычные для них восточные товары, то со временем они стали торговать также продукцией, производимой на русских фабриках. В «Новороссийском календаре на 1839 год» в разделе «Григоріополь» указывалось, что «купечество сего города торгует красным товаром, получаемым из Москвы и Харькова»⁵⁰. Об этом свидетельствуют также и армянские источники⁵¹.

«Под общим названием русских мануфактурных произведений или «красных товаров»,—разъясняет И. Аксаков в своем «Исследовании о торговле на украинских ярмарках»,—разумеется бумажные, шерстяные, суконные, льняные и шелковые материи русских фабрик»⁵².

В изучаемое время Украина и Новороссийский край, по свидетельству Аксакова, представлялись готовым, обширным рынком; на него устремились взоры промышленников, производивших, в частности, красный товар⁵³. Армянские купцы, всегда отличавшиеся чутьем торговой конъюнктуры, использовали и эту доходную статью предпринимательской деятельности. Торговля красным товаром, несмотря даже на то, что он, по словам Аксакова, являлся прихотливым, капризным товаром, подверженным случайностям моды, вкуса, погоды⁵⁴, приобретала для армянских купцов особый смысл.

Дело в том, что в тот период, когда русское правительство поставило вопрос о необходимости зачисления армянского купечества в гильдии и чинило всяческие препятствия предпринимательской деятельности негильдейских купцов, торговля красным товаром являлась почти единственной легальной возможностью григоріопольских купцов заниматься коммерцией, поскольку на

⁵⁰ «Новороссийский календарь на 1839 год», стр. 102.

⁵¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 88, док. 144.

⁵² И. Аксаков, Исследование о торговле на украинских ярмарках, СПб., 1858, стр. 161.

⁵³ Там же, стр. 13.

⁵⁴ Там же, стр. 22.

ярмарках право торговли было предоставлено всем без платежа гильдейских пошлин⁵⁵.

Во-вторых, красный товар, составляя предмет оптовой торговли, как и кожа, нередко продавался в кредит. Григориопольские же купцы, имея богатый опыт кредитной торговли (в «Записке об армянах, поселившихся в России» отмечалось, что свои торговые «промыслы» российские армяне производили «большею частью на кредит»⁵⁶), были крайне заинтересованы в такой системе. «Продажа в кредит,—писал Аксаков,—кроме того, что делает возможным сбыт товаров в неимоверно огромных массах, является для продавца весьма выгодным способом торговли, восполняя недостаток наличных денег и дешевизну денежной, не кредитной цены»⁵⁷.

В-третьих, торговля красным товаром, а следовательно, и установление связей григориопольских купцов с крупнейшими экономическими центрами России—Москвой и Харьковом—вывели армянских купцов из национальных рамок, расширив поле их торговой деятельности. С другой стороны, торговля армян с русскими и украинскими городами восполнила потребности русской и украинской экономики в восточных товарах. Например, тот же Аксаков в своем «Исследовании» неоднократно замечает, что армянские купцы привозили на ярмарки Харькова восточные товары, вывезенные ими из Турции и Персии⁵⁸. Если это положение проследить на примере только одного продукта—перца, который доставлялся армянскими купцами в Харьков на крещенскую ярмарку из Одессы (в этом случае доставка перца, несомненно, осуществлялась григориопольскими купцами) и Таганрога, то окажется, что к началу 50-х годов XIX столетия на эту ярмарку привозилось до 1600 пудов, перца, из коих таганрогские армяне поставляли лишь 600 пудов⁵⁹.

⁵⁵ И. Аксаков, указ. соч., стр. 151.

⁵⁶ «Собрание актов», ч. II, стр. 89.

⁵⁷ И. Аксаков, указ. соч., стр. 24.

⁵⁸ Там же, стр. 265—269.

⁵⁹ Там же, стр. 269.

Красный товар покупался и продавался на зимней крещенской ярмарке—самой крупной из всех украинских ярмарок, начинавшейся 6 января, и летней ильинской ярмарке, открывавшейся в первой половине июля в Ромнах (городе, расположенном неподалеку от Харькова), то есть приблизительно тогда, когда приезжали за товарами армяне и другие покупатели с юга⁶⁰.

Помимо красного товара, крупное григоринопольское купечество вело торговлю также и хлебом. В этой связи надо отметить, что хлебная торговля была сосредоточена только в руках тех немногочисленных купцов и помещиков, которые, обладая землей или арендуя ее, непосредственно сами занимались производством зерна. Таким образом, процесс развития в южных районах страны торгового земледелия затронул также и григоринопольскую колонию.

Как свидетельствует В. А. Золотов, на юге страны происходил стремительный рост посевных площадей. В Новороссии за период с 1778 по 1851 гг. посевные площади увеличились в 25 раз⁶¹. Хлебная торговля стала приносить купцам большие выгоды. Однако, когда они поняли, что торговля зерном может явиться доходной статьей в его коммерческой деятельности, григоринопольская колония фактически уже не имела земель. Поэтому григоринопольским купцам приходилось или покупать землю с крестьянами, или же арендовать ее. Некоторые из них, воспользовавшись указом 1798 г. о покупке крестьян, открывавшим возможность для предпринимателей недворян владеть населенными землями, становились посессионерами как на землях Новороссии, так и Бессарабии.

В подтверждение сказанного приведем пример григоринопольского купца Павла Самвелова, ставшего посессионером резешского* поселения Царевка. Как пи-

⁶⁰ Там же, стр. 14, 17, 69.

⁶¹ В. А. Золотов, указ. соч., стр. 9.

* Резешин—это после царан вторая по численности категория крестьян Бессарабии, отличавшаяся от царан правом личной свободы и собственности на землю. См. Я. С. Гросул, Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956, стр. 167—174.

шет Я. С. Гросул в монографии «Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.)», в рассматриваемый им период резешские земли большей частью попадали в руки буржуазных элементов—купцов, мещан, чиновников и других⁶². Представителем этих буржуазных элементов был и купец Самвелов, завладевший землей одной из трех фамилий (Ставиловы, Лефтерешты и Козуноки), которым принадлежала расположенная в северной части Оргеевского уезда вотчина Царевка⁶³.

Другая группа купцов, за неимением земель, вынуждена была покупать имения с крестьянами. Так, григориополец Арутюн Бархударов участвовал в покупках имения, находившегося в деревне Антоновка Тираспольского уезда⁶⁴.

Однако были в Григориополе и пригородах владельцы земли, получившие ее в собственность от государства. К их числу принадлежали купец Иван Сатов и дворяне Павел Туманов и Аргутинские. Сатову принадлежало селение Егоровка с 3447 дес. 737 саженьями земли. Крестьяне Егоровки, платившие хозяину оброк продуктами, занимались земледелием и скотоводством⁶⁵. Селение Захарьевка, как известно, являлось собственностью помещика Барсега (Василия) Аргутинско-Долгорукова. Это было очень крупное село, в котором действовали ярмарки и воскресные базары. Захарьевка имела свой трактир, торговые лавки и церковь, поэтому в 20-х годах XIX в. это селение было переименовано в местечко⁶⁶.

В Захарьевке, наряду с ярмарочной торговлей, было развито также торговое земледелие, и хозяин этого местечка занимался главным образом хлебной торговлей, основные операции которой, минуя комиссионеров и ярмарки (кстати, и другие григориопольские торговцы хлебом обходились без них), производились в Одессе.

⁶² Я. С. Гросул, указ. соч., стр. 185.

⁶³ ЦГА Молдавской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2644, лл. 1—10.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 25, л. 3.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. «Херсонская (Новороссийская) межевая контора и чертежная», № 1352, д. 29, лл. 37—37 об.

⁶⁶ ООГА, ф. 1, оп. 190, д. 8, лл. 1—2 об.

На их долю приходилось до двух третей всего экспорта хлеба через южные порты⁶⁷. По этой причине Аргутинскому приходилось, как правило, половину года проводить в Одессе⁶⁸.

Хлебная торговля, несмотря на все свои выгоды, была, однако, подвержена всяким превратностям. Цены на хлеб постоянно колебались: они зависели от многих факторов, одним из которых являлись внешнеполитические события. Так, накануне русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Аргутинский писал из Одессы, что в «хлебной торговле—немалый упадок»⁶⁹. Отчасти это обстоятельство объясняет, почему за хлебную торговлю брались лишь немногие григоринопольские купцы.

События, связанные с внешней политикой страны, отражались не только на хлебной, но и на всей торговле армянских купцов. Русско-персидские и русско-турецкие войны первой трети XIX в. пагубно отразились на торговой деятельности купцов Григориополя и особенно на тех, кто, переехав из турецких и австрийских владений в армянскую колонию, не вошел еще в подданство России. Из-за военного времени они не могли развернуть оптовую торговлю с границей⁷⁰.

Основой развития заграничной торговли григоринопольского купечества являлось, в частности, наличие вблизи города торговых дорог и переправ. Мы оговариваем вблизи, поскольку Григоринополь стоял в стороне торговых путей. Те купцы, которые были связаны с турецкими и молдавскими рынками, вынуждены были пользоваться переправой через Днестр, находящейся при Дубоссарах⁷¹, обходя при этом главную переправу в Овидиополе⁷². Эти переправы открывали сухопутные торговые пути в Молдавию и Турцию.

Морская дорога в заграничные порты начиналась главным образом из Одессы, хотя в самом начале

⁶⁷ В. А. Золотов, указ. соч., стр. 12.

⁶⁸ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 51, папка 106, док. 72.

⁶⁹ Там же, док. 101.

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 29, л. 38—38 об.

⁷¹ Там же, ф. 571, оп. 1, д. 1343, лл. 1—4.

⁷² А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1, Одесса, 1850, стр. 90.

XIX в. судоходство частично действовало и по Днестру⁷³. Крупные григоринопольские купцы, сами проводившие свои торговые операции, а также часть армянского купечества, занимавшаяся посреднической торговлей в кредит с иностранными купцами⁷⁴, были тесным образом связаны с Одессой. Эта связь упрочилась еще больше, когда в 1813 г. по просьбе одесского купечества был возобновлен транзитный торг Одессы с Австрией через Радзивиллов и Дубоссары⁷⁵. Этим транзитным путем пользовались не только григоринопольские купцы, но и тифлиссские мокалаке*, которые, имея право заграничной торговли, закупали в Западной Европе (в частности, в Германии) большие партии товаров и провозили их через Одессу к себе домой⁷⁶.

Таким образом, торговые операции крупного армянского купечества были связаны с Одессой. Через Одессу вели торговлю не только григоринопольские, но и закавказские, крымские армяне, а также армянские купцы Константинополя и других мест. Поэтому понятно, почему в список штатных работников Одесского портового карантинна, наряду с переводчиками, владевшими французским, итальянским и греческим языками, был включен переводчик армянского языка⁷⁷.

Оптовая торговля и торговля в кредит была доступна лишь крупному купечеству, располагавшему капиталом. Мелким торговцам, естественно, не были доступны такие формы торговли, а стало быть, и рынки, на которых крупное григоринопольское купечество производило свои торги. Если учесть, что в изучаемый период южный край России был еще слаб в экономическом отношении и не имел стабильных внутренних рынков, то можно понять, почему мелкие торговцы пока еще придерживались привычных для них старых рынков. Последнее

⁷³ Там же, стр. 88.

⁷⁴ ООГА, ф. 1, оп. 190, д. 71, л. 81 об.

⁷⁵ ЦГА Молдавской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 95, лл. 1—2.

* Мокалаке—это тифлиссские армяне-купцы и ремесленники, имевшие льготы в торговле и промыслах.

⁷⁶ Матенадаран, архив католикосата, д. 5, папка 103, док. 313.

⁷⁷ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 966, ч. 1, л. 241.

обстоятельство являлось также причиной того, что именно эта прослойка армянского купечества дольше всего цеплялась за старые формы торговли, не изменив ни традициям своим, ни вкусам.

Помимо приведенных выше причин, вследствие которых мелкое григориопольское купечество обратило свои взоры к рынкам Молдавии, Румынии и Турции, существовало еще одно немаловажное обстоятельство. В начале XIX столетия и особенно в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. состояние молдавских и румынских областей было почти кризисное. В этой связи небезынтересно будет процитировать содержание одного документа, который озаглавлен так: «Сведения о состоянии податных сословий Молдавии». «В цынуте Ясском 1808,—указывается в названном документе,—состояние жителей сего цынута имеет весьма скудное от великих тягостей, падением в зиму скота и проч. и заготовлением казенного сена доведены до множащих тягостей.

В торговле обыватели не упражняются. Уплачивание денег суть им тягостно с чувствительностью...

Посевы имеются в малости, часть из посевов находится хорошая, но, однако, большая часть есть низкая.

Из обывателей многие доведены будут до разорения, что для своего скота не будут иметь сено. Из селений донные ушли 48 человек, расстроены почти все селения, а особливо те, которые по дорогам проходящим состоят, как и те, что в округе города Яссы лежат»⁷⁸.

Так что из-за бедственного состояния, в котором находились указанные области, еще большей оказалась потребность в торговцах и ремесленниках, что и было использовано григориопольскими купцами и мастерами.

Наконец, армянских купцов тянуло в Молдавию и Бессарабию еще и потому, что в первом законе об управлении Бессарабией, «Правилах временного правления» 1813 г. и инструкции, данной гражданскому губернатору, купцам (в том числе и приезжим) предоставлялись всевозможные льготы. В отношении российских и иностранных купцов городские думы Бессарабии

⁷⁸ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1, оп. 1, д. 318, л. 11 об.

руководствовались указом сената от 3 января 1807 г., на основании которого им разрешалось вести торговлю в течение первых шести месяцев без обложения сбором, а в последующие шесть месяцев они вносили определенную подать⁷⁹.

Григориопольские торговцы мануфактурой выигрывали на том, что по «Правилам 1825 года» ввоз российских товаров в Бессарабию разрешался беспошлинно. Но если внутренний рынок Бессарабии был открыт для беспошлинного провоза всех товаров из России, то на некоторые же бессарабские товары (соль, вина, водку) налагалась пошлина при провозе в Россию⁸⁰, что в конечном счете сказывалось на положении армянских купцов, торговавших бессарабским вином и водкой. Помимо всего этого, они еще облагались местными властями двойным налогом⁸¹.

Облегчение наступило в 1828 г., когда были опубликованы правила торговли с Бессарабией. Воспользовавшись этими правилами, григориопольцы стали вывозить оттуда в Новороссию беспошлинные товары: вино, водку, сухие фрукты и другие. Однако в скором времени пограничная таможня, на основании постановления министра финансов Е. Ф. Канкринна, перестала пропускать эти товары без гильдейских свидетельств.

Заграничные поездки григориопольских купцов и ремесленников контролировались губернским начальством. В первые годы жизни армянского города, как мы помним, дело обстояло намного проще. Для перехода границы армянскому купцу или ремесленнику нужно было получить только один билет, который выдавался григориопольским городским магистратом. Однако уже к концу XVIII столетия переход границы в целях торговой деятельности был осложнен введением паспортной системы.

По внесении определенной пошлины заграничный паспорт выдавался за подписью генерал-губернатора. В случае его отсутствия паспорт мог быть выдан также

⁷⁹ В. И. Жуков, указ соч., стр. 172—174.

⁸⁰ Там же, стр. 175.

⁸¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 6, док. 124.

комендантом Одессы или Херсона⁸². По получении из губернского центра паспорта, купец должен был заверить его в григоринопольском полицмейстерстве, что давало ему право пройти беспрепятственно Дубоссарскую таможеню.

Как правило, заграничный паспорт выдавался григоринопольским купцам и ремесленникам сроком на один год. В отдельных случаях срок их действия ограничивался несколькими месяцами, но еще более редкими были случаи, когда паспорта выдавались сроком на два года. Однако порой губернские власти практиковали выдачу григоринопольским купцам бессрочных паспортов. При этом любопытно, что такие паспорта получали только купцы. Например, в одной из регистрационных книг под номерами 343, 344, 345, 346, 347 и 348 записаны соответственно фамилии григоринопольских купцов: Навасарта Ованесова, его сына Ованеса, Григора Назарова, Симона Ованесова, Карапета Назарова и его брата Григора Назарова. Всем им были выданы паспорта «от господина херсонского военного губернатора герцога де-Ришелье безсрочные для временнаго нахождения в Молдавии и Валахии... по купеческой коммерции»⁸³. В этой же книге мы не нашли ни одного примера, который свидетельствовал бы о том, что бессрочный паспорт был выдан какому-нибудь ремесленнику. Стало быть, такие паспорта выдавались более состоятельным лицам, которые могли платить высокую пошлину.

Коммерческая деятельность мелких григоринопольских торговцев была связана в основном с Молдавией и Румынией. Редко кто из них обращался к константинопольскому рынку. Былая связь с молдавскими, бессарабскими и румынскими рынками упорно довлела над ними. Не изменили они также и привычным предметам торговли. Как и прежде, они торговали готовой молдавской одеждой и платьем вообще. Торговали они также турецким табаком, вином (причем, у них имелись и вин-

⁸² ЦГА Молдавской ССР, ф. 1, оп. 1, д. 57, л. 55.

⁸³ Там же, л. 81.

ные погреба⁸⁴), рыбой, мукой, горохом⁸⁵. Торговля этими товарами, а также товарами, называемыми в регистрационной книге по-разному: то цареградскими, то турецкими, составляла суть всей мелкой торговли григорнопольских армян.

Григорнопольские ремесленники так же, как и торговцы, вновь занялись в Молдавии и Румынии привычным для них делом. В основном они портняжили и шили обувь. Были среди них и тамбурные мастера, а также одеяльщики. Последние подразделялись на две группы: одна занималась стеганием одеял, а другая—их шитьем⁸⁶. Одеяла шились иногда в лавках, нанятых у молдавских бояр. Например, в регистрационной книге отмечается, что некий Миннас Арутюнов, приехав по надобности в Молдавию, занялся шитьем одеял в лавке, нанятой на улице Подовск у боярина Константина Сторзара⁸⁷.

Зачастую армянские купцы и ремесленники, приезжая в молдавские и румынские города, останавливались в домах, нанятых у местных армян, проживавших обычно в армянском квартале возле своей церкви. Например, в той же самой регистрационной книге сказано о григорнопольском купце Саркисе Саакове, приехавшем на торговый промысел в «Молдавию» и остановившемся «в Яссах близ армянской церкви в доме армянина Макара»⁸⁸. В этом случае Саркис Сааков и жил и торговал в Яссах. Однако среди григорнопольских купцов встречались и такие, которые, проживая в одном месте, производили свои торговые операции в других городах. Так, братья Саак и Хазар Агановы, торгуя по всей Молдавии и Румынии, имели, как отмечается в «книжке», «большую частью пребывание... в местечке Оргееве»⁸⁹. Многие приезжие купцы и ремесленники имели в Молдавии собственные дома. Это является свидетельством

⁸⁴ Там же, л. 62об.

⁸⁵ Там же, лл. 37об—81об.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, л. 57об.

⁸⁸ Там же, л. 81об.

⁸⁹ Там же, л. 75об.

того, что далеко не всех молдавских армян удалось в свое время переселить в Григоріополь. Были случаи, когда отцы оставались, а их дети соглашались переехать в Россию. Последнее подтверждается данными регистрационной книги. Регистрируя, например, выезд купца Степана Меркулова в Молдавию, «книга» отмечает, что он живет «подле армянской церкви в доме отца своего»⁹⁰.

Наконец, в регистрационной книге мы встречаем целый ряд жалоб, поданных приезжими григоріопольскими армянами на имя властей. Суть этих жалоб заключалась в том, что григоріопольские торговцы и ремесленники, приезжавшие на промысел в Молдавию, незаконно облагались местными властями различными податями, поскольку, как помним, все повинности они несли в своем городе. На этот счет, видимо, существовала договоренность русской администрации с молдавским Диваном, что было весьма выгодным соглашением для григоріопольских армян.

Однако молдавские власти зачастую нарушали упомянутое соглашение, что порождало путаницу, неразбериху и плюс ко всему этому—недовольство. Порой григоріопольский купец не знал, кому платить подать: местному Дивану или городским властям, где он был прописан на жительство. Поэтому, чтобы выяснить это, многие купцы вынуждены были обращаться к начальству.

Мелкая форма торговой деятельности григоріопольских армян была связана не только с заграницей. В городе процветала также внутренняя торговля. Достаточно отметить, что в 1861 г. в Григоріополе насчитывалось 238 купцов, торговавших внутри города⁹¹. К последним следует причислить также и тех мещан, которые, воспользовавшись указом сената от 5 декабря 1823 г. об упрощении перехода мещан в купечество, пополнили ряды григоріопольских городских торгов-

⁹⁰ Там же, л. 55 об.

⁹¹ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. 1, ч. 1, отделение 2, стр. 4—5.

цев⁹². Неспроста поэтому мещане армянской колонии, как правило, являлись торгующими мещанами⁹³.

Армянское купечество вело в городе как ярмарочную, так и постоянную торговлю. Однако обороты дмитриевской ярмарки, открываемой в Григоріополе ежегодно 26 октября, шли на убыль. Так, если в 1852 г. на этой ярмарке было продано товаров на 420 руб., то уже в следующем году доход ярмарки составлял всего лишь 190 руб.⁹⁴ Постепенно вся торговля в армянской колонии сосредоточилась в городских магазинах (лавках) и еженедельных воскресных базарах.

На развитие внутренней торговли Григоріополя отрицательное действие оказывали ежегодные ярмарки, устраиваемые в близлежащих от города владениях помещиков, которые, благодаря своей хорошей организации, успешно конкурировали с дмитриевской ярмаркой⁹⁵. Григоріопольских купцов перетягивали к себе также воскресные базары Дубоссар и помещичьих деревень. Поэтому армянское купечество ставит перед руководством колонии вопрос о перенесении еженедельных базаров с воскресенья на понедельник. В 1814 г. эта просьба наконец была удовлетворена: воскресный базар в Григоріополе был перенесен на четверг⁹⁶.

На григоріопольских базарах продавались крупный и мелкий рогатый скот, лошади, продукты животноводства, мед, пшеница, рыба, зелень и фрукты⁹⁷. Большая часть товаров привозилась из других мест, но некоторые из них, в том числе фрукты и зелень, поставлялись местными жителями. Как отмечал А. Скальковский, григоріопольцы «были охотники до садов и огородов»⁹⁸. Урожай григоріопольских садов (преимущественно

⁹² ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 1, д. 1399, лл. 1—3 об.

⁹³ ООГА, ф. 1, оп. 190, д. 71, л. 53 об.

⁹⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 32, л. 75.

⁹⁵ Там же, ф. 1, оп. 190, д. 71, л. 82 об.

⁹⁶ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. «Первого департамента Министерства государственных имуществ», № 383, оп. 29, д. 292, л. 62—62 об.; см. также ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 32, л. 56.

⁹⁸ А. Скальковский, указ. соч., ч. II. Одесса, 1853, стр. 168.

яблоки и сливы) шел на местный рынок, а также в Одессу, принося ежегодно доходу более 1400 руб. серебром⁹⁹.

Для торгующих мещан Григориополя фруктовые сады и огороды были источниками (в отдельных случаях единственными) дохода. Фрукты и зелень хорошо котировались как на местах, так и на других рынках. Так, в середине XIX в. пуд яблок в Южной России стоил рубль серебром¹⁰⁰, а 27 сливовых деревьев могли в год принести дохода 15 руб. серебром¹⁰¹. Фруктовый же сад, разбитый на 2 десятины земли, давал ежегодно дохода в среднем 30 руб. серебром¹⁰².

Таким образом, несмотря даже на то, что в середине XIX века и в его второй половине крупное армянское купечество почти отсутствовало в Григориополе, однако в городе имелось достаточное количество купцов-армян и евреев, торговые операции которых приносили им немалую прибыль. Поэтому уже в 70-х годах XIX в. появилась необходимость учреждения в Григориополе общественного банка¹⁰³.

Обобщая вопросы, связанные с развитием в Григориополе мелкой торговли и предпринимательства, мы приходим к выводу, что эта форма коммерческой деятельности григориопольских армян была связана (особенно в начале XIX столетия) главным образом с заграницей.

Другой вывод, который следует нам сделать, заключается в том, что основными жителями армянского города являлась прослойка мелких торговцев, хозяйчиков и ремесленников, которые со временем превратились в мелких товаропроизводителей (это—хлебники, мясники, портные, сапожники, столяры, слесари, кожевники и другие)¹⁰⁴. Их положение не отличалось стабильностью.

⁹⁹ Там же, стр. 196.

¹⁰⁰ Там же, стр. 195.

¹⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, л. 161.

¹⁰² ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 82, лл. 60—61.

¹⁰³ «Новороссийский календарь на 1873 год», стр. 90.

¹⁰⁴ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. 1, ч. II, стр. 20—23.

Особенно неуютно почувствовали они себя после «Дополнительного постановления» правительства об устройстве гильдий и о торговле, изданного в ноябре 1824 г. Как правильно пишет об этом постановлении П. Г. Рындзюнский, «принятое по инициативе Канкринна оно было направлено главным образом против мелкой торговли и промыслов в городах, как основы, на которой постепенно развивались капиталистические элементы»¹⁰⁵.

Однако гильдейская реформа Канкринна отразилась на положении не только мелких, но и крупных купцов Григоріополья. Прежде чем раскрыть ее содержание и подчеркнуть, каковы были ее последствия для жителей армянских колоний России и Григоріополья в том числе, необходимо отметить, что эта реформа одновременно являлась звеном в цепи той политики, которая проводилась царским правительством в отношении армянских обществ.

Как известно, на протяжении всего XVIII в. армянское купечество в России пользовалось правом свободной торговли, что было закреплено царскими указами 1799 и 1802 гг. Свободное торговое предпринимательство внутри страны и за ее пределами приносило немалую экономическую выгоду как армянскому купечеству, так и русскому правительству. В условиях феодально-крепостнической действительности, когда на год вперед устанавливались размеры и направление торгово-промышленной деятельности для каждого купца соответственно сумме уплаченной им подати¹⁰⁶, армянскому купечеству, привыкшему вести разнохарактерную и в основном кредитную торговлю, было почти невозможно в рамках гильдейства развернуть широкую предпринимательскую деятельность. Это во-первых. Во-вторых, армянские, в частности григоріопольские купцы, имея свою собственную купеческую организацию, прекрасно обходились без гильдейского союза. Стало быть, благодаря лишь развитию свободной торговли можно было

¹⁰⁵ П. Г. Рындзюнский, Городское население, «Очерки экономической истории России», стр. 318.

¹⁰⁶ См. там же, стр. 300.

армянским купцам обеспечить себе выгоду в хозяйственных оборотах. В этом случае выгадывало также и правительство, так как почти вся торговля восточными товарами в России проходила через руки армян, благодаря этому стала развиваться экономика юга России. Наконец, армянское купечество приносило правительству немалый таможенный доход.

Исходя из этого, русское правительство в течение некоторого времени не препятствовало свободному предпринимательству армянских купцов. Но на последних распространился известный указ царя от 1 января 1807 г., именуемый «Манифест о дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»¹⁰⁷. В силу положений 9-й статьи «Манифеста», которая целиком касалась армян, армянские купцы должны были так же, как и русские, записываться в гильдии. О последствиях, имевших место в армянских колониях, в том числе и в Григориополе, после опубликования царского указа, образно повествуется в «Записке об армянах, поселившихся в России». «Действие местных начальств,—сообщается в этом документе,—о приведении в исполнение сего постановления привело армян в неописанное уныние. Торговые предприятия их ограничились или совершенно пресеклись, разнородная их промышленность остановилась. Единоплеменные обитающих в России армян менее стали верить им своих товаров, а другие, намеревавшие переселиться в южный край Российской империи, остановились, не предвидя прочных выгод»¹⁰⁸.

Ясно, что это был слишком поспешный шаг. Вскоре правительство поняло свою оплошность. Поэтому оно без особых проволочек, формально основываясь на прошениях российских армян, положительно разрешило вопрос об армянском купечестве, издав 6 ноября 1807 г. указ об отсрочке записи армян в гильдии впредь до предписания министерства коммерции¹⁰⁹. Тем самым

¹⁰⁷ ПСЗ, т. XXIX, № 22418.

¹⁰⁸ «Собрание актов», ч. 1, стр. 86.

¹⁰⁹ См. там же, стр. 49.

армянские купцы на некоторое время вновь получили свободу действий.

Прошло шестнадцать лет. В течение этого времени правительство не беспокоило армянских купцов, если, конечно, не считать незначительного эпизода, когда в 1820 г. Херсонская казенная палата распорядилась, чтобы григоріопольскій магистрат и дума настояли на возвращении в город всех купцов (даже с семьями), находившихся в отлучке. Казенная палата требовала всех их записать в гильдии, но из этого ничего не вышло¹¹⁰. Интересы русского купечества требовали ликвидации того исключительного положения, в котором находились армянские торговцы. Поэтому правительство подхватило идею, выдвинутую министром финансов Е. Ф. Канкриным, нашедшую свое воплощение в известном царском указе от 14 ноября 1824 г.

Прежде чем провести свою реформу, Канкрин должен был подготовить почву. С этой целью он в октябре 1824 г. послал губернаторам следующий запрос: «1. Сколько во вверенных управлению Вашему в губерниях числилось по последней и предшествовавшей ревизиям поселившихся азиатских народов? 2-е. Чем именно и на какие суммы производят они промышленность и торговлю внутреннюю и заграничную и 3-е. Много ли находится капитальных торговцев и какия имеют они недвижимыя имущества?»¹¹¹.

Содержание запроса, полученного в том числе и новороссийским генерал-губернатором, свидетельствовало о том, что правительство уже подготавливало почву для осуществления ряда новых мероприятий, которые своим острием должны были затронуть экономические интересы российских, в частности григоріопольских армян. Во всяком случае последнее письмо Канкринна говорит нам о том, что русское правительство окончательно не отказалось от основных положений манифеста

¹¹⁰ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 5, папка 103, док. 164.

¹¹¹ ООГА, ф. 1, оп. 190, д. 65, лл. 1—1 об.

1807 года. Нужно было выждать всего лишь месяц, чтобы правительство полностью раскрыло свои карты. Царский указ от 14 ноября 1824 г., принятый по предложению Канкрин, поставил точку над «и». В силу этого указа, который, кстати, именовался «дополнительным постановлением об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний»¹¹², все армянские купцы, проживавшие на территории России, обязаны были записаться в гильдии.

В армянских колониях и, в частности, в Григоріополе создалось приблизительно такое же положение, какое возникло в 1807 г. в этих же городах-колониях после опубликования известного нам манифеста. Первой и самой непосредственной реакцией армян на указ царя явились прошения, направляемые общественностью армянских колоний русскому правительству. Прощения шли и за подписью главы армянской церкви и от имени епархиальных архиепископов¹¹³. Авторы этих петиций пытались доказать правительству неприкосновенность права свободной торговли, дарованного армянским купцам русскими царями, начиная с Петра I. К тому же в самом постановлении правительства от 14 ноября были обнаружены параграфы, в силу которых это право армян «не только не отменяется,—как неоднократно подчеркивали просители,—но еще подтверждается»¹¹⁴. Речь шла о следующих параграфах: 72, 76 и 203. Приведем содержание каждого из них.

§ 72. О взыскании за неисполнение узаконенных правил, что сие не относится до Азиятцов, для коих существуют особия правила до будущего о них соображения.

§ 76. Все доселе изданныя узаконения, касательно иностранцев, заезжих купцов и живущих в России иностранцев, остаются в силе во всем том, в чем не изменяются сим постановлением.

§ 203. Все узаконяемая сим постановлением правила относятся без изъятия ко всем купцам, мещанам и

¹¹² ПСЗ, т. XXXIX, № 30115.

¹¹³ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 54—58 об.

¹¹⁴ Там же.

всякого состояния людям, торгующим в городах и селениях, к торгующим в России Грекам, Армянам, Бухарцам, Татарам, Евреям и Цыганам, равным образом жителям Финляндии, Царства Польского, Бессарабии и Грузии и ко всем вообще, буде не имеют точных привилегий, дающих на исключение из общих правил, или Высочайшие дарованных льгот»¹¹⁵.

Если исходить из того факта, что правительство, не принимая во внимание упомянутые параграфы, настаивало на своем требовании относительно записи армянских купцов в гильдии, то можно прийти к выводу, что в изучаемый период русское правительство выделяло армян из среды так называемых «азиатцев» и считало излишним распространять на армянские колонии особые привилегии. Сказанное подтверждается, например, таким фактом. Начальник Дубоссарского таможенного округа получил из Департамента внешней торговли министерства финансов предписание, датированное 1 декабря 1824 г., первый пункт которого гласил: «...На основании 5 § дополнительного постановления об устройстве гильдии и о торговле прочих состояний, Высочайше утвержденного в 14-й день ноября сего года, к объявлению в таможенных иностранных товаров сверх купцов 1-й гильдии могут быть допускаемые и купцы 2-й гильдии, нежинские же греки и григоринопольские армяне, если они не записаны в которую-либо из сих гильдий, по силе 203 § одного постановления, таковым правом пользоваться не могут»¹¹⁶.

Между тем жители армянских колоний и, в частности, Григориополя, не успокаиваясь, просили правительство сохранить за ними прежние права. Так, в одном из документов, в котором излагается история прошений армян, подчеркивается. «Григоринопольские же армяне тем паче заслуживают сострадания и внимания правительства, что они колонисты... Григоринопольская градская дума просила как его сиятельство херсонского генерал-губернатора, так и губернское правление пове-

¹¹⁵ ПСЗ, т. XXXIX, № 30115.

¹¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 53—53 об.

леть кому следует до всемилостивейшего разрешения понуждением армян, по сведениям той думы, состоящих к записке в гильдии остановиться»¹¹⁷.

Правительство, однако, не вняло этим просьбам. Мало того, губернское правление строго предписало григоринопольскому полицмейстеру принудить купцов армянского города записываться в гильдии. Проходило время, но григоринопольские купцы не только не записывались, но даже и не помышляли о подаче нужных властям сведений, что превратилось в своеобразную тактику проволочки¹¹⁸. Видимо, григоринопольское купечество надеялось, что русское правительство в конечном счете пойдет на такие же уступки, на какие оно согласилось в отношении астраханских армян, восстановив последним 13 февраля 1825 г. право свободной торговли.

Но григоринопольцы ошиблись в своих расчетах. Правительство не собиралось делать для жителей Григориополя каких-либо исключений. Об этом мы узнаем, в частности, из письма новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова, который 5 марта 1825 г. писал: «...Вследствие... полученного от Херсонской казенной палаты [рапорта] об уклонении григоринопольских граждан от объявления о своих промыслах и от платежа податей министр финансов просил распоряжения моего о понуждении их к тому. О чем и дано от меня предложение Херсонскому губернскому правлению»¹¹⁹.

Предписание графа Воронцова не очень помогло делу: григоринопольцы продолжали упорствовать. Как сообщала Херсонская казенная палата, «означенные армяне (т. е. григоринопольские армяне.—Ж. А.), как из донесения оного магистрата обще с думою явствует, донныне не объявляют желанья [записаться] ни в купечество, ни в мещанство и до воспрещении им торговли и узаконенных свидетельств и билетов для произведения оной торговли не получают»¹²⁰. Поэтому губернское начальство вынуждено было отсрочить срок записи Григо-

¹¹⁷ Там же, лл. 54—58 об.

¹¹⁸ Там же, лл. 51—52, 54—58 об.

¹¹⁹ Там же, лл. 59—59 об.

¹²⁰ Там же, лл. 60—60 об.

ринопольских купцов в гильдии до 1 июля 1825 г., о чем 17 мая Херсонская казенная палата официально известила григоринопольский магистрат. Вместе с тем казенная палата на своем заседании от 27 мая вынесла относительно григоринопольских купцов следующее решение: «...В случае неполучения подведомственными... армянами узаконенных свидетельств на право торговли и билетов, ...то все те армяне, кои до 1 апреля производили торговлю, купечеству предоставленному по основанию 192 § дополнительного постановления о гильдиях, записаны будут в посадские и публикованы в газетах»¹²¹.

Однако и эти строгие меры не подействовали на армянских купцов. Последние никак не соглашались подчиниться воле правительства. 1 июля прошел срок, установленный для записи в гильдии. В создавшейся обстановке григоринопольский полицмейстер не нашел ничего лучшего, как опечатать 3 июля торговые лавки горожан¹²². Это, видимо, произошло по приказу Херсонской казенной палаты.

Возмущенные жители армянского города немедленно доложили о действиях григоринопольского полицмейстера графу Воронцову. Вскоре на имя полицмейстера пришла бумага от новороссийского генерал-губернатора с предписанием срочно открыть торговые лавки и впредь до его разрешения их не трогать¹²³. Граф Воронцов явно избегал осложнений. Но они возникали независимо от его воли.

Армянская общественность Григориополя продолжала настаивать на освобождении купцов от записи в гильдии. Губернские же власти, основываясь на «Заключении» министра финансов от августа 1825 г. (на основе которого Комитет азиатских дел должен был выработать новый правовой статус для армян и других инородцев), отказывали им в просьбе, руководствуясь при этом следующим положением: «После издания Манифеста 1807 года от правительства всегда зависело сколько предоставление оной, столько и ее уничтожение, и армяне не

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, д. 619, лл. 6—8 об.

¹²³ Там же.

могут иметь никакого справедливого основания к жалобам, тем более, что в продолжении шестнадцати лет после определенного для их записки срока (т. е. с 1808 г.—Ж. А.) они пользовались совершенною свободою торговли и промыслов»¹²⁴.

Министр финансов в своем упомянутом «Заключении», исходя из нового постановления о русской торговле с азиатскими купцами, утвержденного царем 28 июля, считал необходимым прекратить дарованную в 1808 г. армянам отсрочку от записки в купеческие гильдии и установить соответствующие правила (из шести пунктов) и для них. Армянское купечество должно было записаться в общероссийские сословия, причем на условиях более тяжелых, чем раньше, так как на него распространялись ограничения гильдейской реформы Канкринна¹²⁵.

Однако как григориопольские, так и нахичеванские армяне не сложили оружия. Их многочисленные жалобы, а также обращения видных армянских общественных деятелей и церковного руководства к правительству заставили Канкринна в 1833 г. обратиться с запросом в Государственный совет. Последний в своем решении, утвержденном царем 19 октября 1833 г., вновь отказал армянам в их просьбе, мотивируя тем, что «неприлично предоставить армянам преимущество перед русскими»¹²⁶.

Таким образом, армянские колонии в России уже в начале второй четверти XIX в. (а Григориополь и еще раньше) потеряли некоторые свои привилегии и в том числе право на свободную торговлю.

Для того чтобы уяснить себе создавшееся положение, необходимо вспомнить, что в изучаемый период нарождавшаяся в России торгово-промышленная буржуазия в поисках рынков сбыта обратила свои взоры на окраины государства, стремясь завоевать рынки тех ок-

¹²⁴ ЦГИА СССР, ф. «Департамента экономики Государственного совета», № 1152, оп. 1, д. 77, лл. 59—60 об.

¹²⁵ Там же, лл. 63—67.

¹²⁶ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 102.

рани Российской империи, которые еще не были широко втянуты в торговые связи с Россией. Как правильно подчеркивает М. К. Рожкова, при этом русская промышленная буржуазия активно боролась за монопольное обладание внутренним рынком путем ограждения его от какой-либо конкуренции¹²⁷. Более того, русское купечество для защиты своих интересов порой обращалось за помощью и к правительству¹²⁸.

Если во внутренних губерниях России торгово-промышленная буржуазия в основном конкурировала с крестьянами-торговцами, то на окраинах России русское купечество сталкивалось с конкуренцией армянского, греческого и иностранного купечества. Одной из эффективных мер, ограждавших русских торговцев от этой конкуренции, являлась политика, направленная на вовлечение армянского купечества в гильдии. Однако подобная политика, во всех случаях выгодная русскому купечеству, не всегда выражала интересы правительства. Например, в Астрахани, где торговля шелком была сосредоточена в основном в руках армян, указ правительства от 14 ноября 1824 г. угрожал вызвать спад этой выгодной для правительства области торговли, вследствие чего для астраханских армян и появилось распоряжение правительства от 13 февраля 1825 г.

Одновременно с этим такая политика правительства мимоходом разрешала и другую злободневную задачу. Дело в том, что в рассматриваемый период в России шел процесс распада кадрового гильдейского купечества. Достаточно сказать, что с 1816 по 1822 гг. число купеческих гильдейских свидетельств уменьшилось почти на пять тысяч; соответственно этому сократилась и общая сумма получаемых государством торговых пошлин¹²⁹. Правительство надеялось, что путем организации армянского купечества в гильдии, оно сможет несколько поправить свои дела.

¹²⁷ См. М. К. Рожкова, *Торговля*, «Очерки экономической истории России», стр. 272—273.

¹²⁸ См. П. Г. Рындинский, *Городское население*, «Очерки экономической истории России», стр. 310.

¹²⁹ См. там же, стр. 308, 313.

Возвращаясь к истории записи григоринопольских купцов в гильдии, следует отметить, что документы рассматриваемого периода свидетельствуют о справедливости положения П. Г. Рындзюнского—гильдейская реформа Канкринна прежде всего ударила по интересам мелких торговцев. Так было и в Григориополе. Приехавший в 1826 г. в армянский город чиновник Херсонской казенной палаты сообщал, что в Григориополе купцами третьей гильдии могут считаться только 13, а торгующими мещанами—15 человек¹³⁰.

Картина мало изменилась и в дальнейшем. Данные ведомости 1848 г. говорят о том, что в Григориополе насчитывалось 27 купцов третьей гильдии. В это же время в такой крупной колонии, как Новая Нахичевань, было всего 34 купца третьей гильдии¹³¹. Следовательно, ухудшение экономического положения мелких армянских торговцев было всеобщим явлением. С целью хоть как-нибудь поднять уровень своего хозяйства и включиться в торговую деятельность некоторая часть григоринопольских купцов объединяла свои капиталы на пару с компаньоном, что давало возможность приобрести гильдейское свидетельство¹³².

Если капитал мелких торговцев Григориополя не позволял им выезжать на промысел в другие города юга России, то крупное купечество после опубликования указа от 14 ноября 1824 г. стало постепенно покидать Григориополь, что в основном было следствием реформы Канкринна.

Те григоринопольские купцы, коммерческие интересы которых были связаны с рынками Молдавии и Бессарабии, стали обосновываться в Кишиневе и других городах Бессарабии. Прежде всего, армянских купцов привлекало то, что до 1831 г. бессарабские купцы не подразделялись на гильдии. Этим, пожалуй, можно объяснить тот факт, что с 1826 по 1842 год количество купеческих семей в Бессарабии возросло в среднем почти в три ра-

¹³⁰ ООГА, ф. 1, оп. 190, д. 71, л. 83.

¹³¹ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 30, лл. 15—15 об., 22—22 об.

¹³² Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 103.

за¹³³. Этому росту в какой-то мере способствовало переселение туда также части григориопольского купечества.

Выгодное географическое расположение Кишинева (он находился на торговом пути, связывавшем север и юг Бессарабии, а также на транзитном тракте, проложенном из Польши, Венгрии и России¹³⁴) способствовало поселению там армянского населения уже в XVIII в., когда город был еще монастырским владением (местечком)¹³⁵. Армянское население Кишинева особенно возрастает после 1812 г. Официальная ведомость, составленная кишиневским полицмейстером, свидетельствует о том, что в 1818 г. в городе проживало 363 армянина¹³⁶ (в 1841 г.—700, а в 1861 г.—1082 человека¹³⁷). Поэтому с учреждением в Кишиневе органов городского управления избранник армянской общины купец Аствацатур Христович вместе с представителями других четырех (из 9-ти проживавших в городе) наций был избран в городскую думу¹³⁸, отстаивая там в основном интересы купечества своей нации.

Крупные торговцы Григориополя, переехав в Кишинев, пополнили ряды богатого армянского купечества. Выезжавшие из Григориополя купцы, занимаясь торговлей в Кишиневе, где они имели собственные дома и торговые лавки, длительное время не появлялись в родном городе, числясь гражданами Григориополя только формально. В дальнейшем они возбуждали дело о причислении их к жителям Кишинева, и лишь в редких случаях некоторые из них не меняли прописки¹³⁹.

Другая часть крупного григориопольского купечества, торговая деятельность которой была связана со внутренними губерниями страны, заграницей, а также с

¹³³ В. И. Жуков, указ. соч., стр. 74, 174.

¹³⁴ Там же, стр. 40.

¹³⁵ «История Кишинева», Кишинев, 1966, стр. 50.

¹³⁶ ЦГА Молдавской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 554, л. 13—13 об.

¹³⁷ См. «История Кишинева», стр. 48; А. Зацук, Этнография Бессарабской области, ЗОРИД, т. V, Одесса, 1863, стр. 523—525.

¹³⁸ ЦГА Молдавской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 554, л. 56.

¹³⁹ Там же, д. 146, лл. 1—14.

иностранными купцами, переехала в Одессу. Таким образом происходило разграничение сферы приложения купеческого капитала. При этом любопытно отметить, что коммерческие интересы армянских купцов брали верх над родственными узами. Порой члены одной и той же купеческой семьи переезжали в разные города—одни в Кишинев, другие в Одессу: где кому было выгоднее вести торги¹⁴⁰.

Как отмечает А. Скальковский, армяне поселились в Одессе не в одно и то же время, «а смотря по обстоятельствам, нуждам торговли и промыслам»¹⁴¹. Мы выше отмечали, что григориопольские купцы устремились в Одессу сейчас же после открытия порта. Некоторые из них обосновались там уже в начале XIX века. Одесса привлекала григориопольских купцов не только потому, что она была портовым и торговым городом, где иностранное и российское купечество вело широкую заграничную торговлю с Левантом, Константинополем, Марселем и испанскими портами¹⁴², но еще и потому, что она имела ряд привилегий*, которые не нарушались правительством.

Поэтому на исходе второй четверти XIX в. в Одессе проживало достаточное количество армян (это были главным образом купцы—выходцы из Григориополя, не сменившие еще прописки), чтобы можно было образовать свою отдельную общину. Первоначально члены общины по духовной части подчинялись армянскому духовному правлению г. Карасу-Базара¹⁴³. Однако в дальнейшем, поскольку армянское духовенство Карасу-Базара оставило одесских армян без присмотра, приказом епархи-

¹⁴⁰ Там же, д. 2430, л. 4—4 об.

¹⁴¹ А. Скальковский, указ. соч., ч. I, стр. 289.

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 344, л. 65.

* Десятилетняя льгота от всех казенных податей и постоя (указ от 2 октября 1795 г.), 25-летняя льгота и освобождение навсегда от постоя (указ от 24 января 1802 г.) и, наконец, действие порто-франко. См. ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 2, д. 322, лл. 1—3.

¹⁴³ Матенадаран, архив католикосата, папка 45, док. 182.

ального начальника Ованеса от 4 июля 1823 г. они были переданы в ведомство Григорнопольского духовного правления¹⁴⁴, что было вполне естественным исходом дела. Приблизительно в это же время поднимается вопрос о строительстве армянской церкви в Одессе. Архиепископ Нерсес в сентябре 1823 г. обращается со специальным призывом к тифлисским купцам помочь деньгами строительству армянской церкви¹⁴⁵.

Как можно судить из содержания документов, церковь тогда не была построена. Спустя 10 лет, когда Нерсес уже сам находился на посту епархиального начальника, он заново поднимает этот вопрос, обращаясь на сей раз к генерал-губернатору М. С. Воронцову, который обещал выделить в городе место и помочь строительству церкви деньгами¹⁴⁶. Помощь, однако, пришла со стороны самих же армян. В конце 30-х годов XIX в. Нерсес через Николая Аргутинского переслал в Одессу 3300 руб. ассигнациями¹⁴⁷, которые были употреблены на покупку места (№ 265) на углу улиц Базарной и Екатерининской. На деньги, собранные григорнопольскими купцами, началось (под присмотром григорнопольца Томасса Чекалова) строительство церкви. Автором проекта был одесский архитектор Козлов. Но строительство церкви осталось незавершенным, так как для установления на куполе церкви креста необходимо было специальное разрешение правительства. Поэтому Нерсес в 1840 г. распоряжается на первых порах открыть в выстроенном здании армяно-григоринский молитвенный дом¹⁴⁸.

События, связанные со строительством армянской церкви в Одессе, интересуют нас, исходя из наличия двух моментов. Во-первых, в рассматриваемый период во всех официальных бумагах подчеркивалось, что цер-

¹⁴⁴ Там же, док. 183.

¹⁴⁵ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракечи, папка 166, док. 1213.

¹⁴⁶ Там же, папка 167а, док. 771.

¹⁴⁷ Матенадаран, архив катедры святого Григория, папка 100, док. 150.

¹⁴⁸ Там же, папка 101а, док. 24.

ковь строилась для проживавших в Одессе григоринопольских армян. Неспроста под обращением членов одесской армянской общины к церковному начальству от июля 1843 г. о разрешении именовать упомянутый молитвенный дом церковью и установить на его куполе крест подписывается 20 григоринопольских купцов¹⁴⁹. Выходит, григоринопольцы составляли основное ядро армянской общины в Одессе. Во-вторых, необходимость строительства церкви свидетельствует о количественном росте армянской общины. Так, если в середине XIX в. число армян, проживающих в Одессе, составляло 831 человек¹⁵⁰, то уже в 60-х годах эта цифра возросла до 1399¹⁵¹.

В этой связи появилась необходимость расширить церковные помещения (в 50-х годах XIX в. молитвенный дом наконец был переименован в церковь св. Григория). В 1856 г. армянская община получила разрешение на приобретение соседнего с церковью дома, расположенного по Екатерининской улице (он был куплен с публичных торгов в мае 1853 г.), в котором решили разместить армянскую школу¹⁵². В 1867 г. армяне добиваются разрешения на постройку при церкви колокольни¹⁵³, а в 1872 г.—на приобретение для одесской церкви еще одного дома (мотивировка—увеличение числа прихожан). При чем интересно отметить, что из 14 подписей в протоколе, закреплявшем эту сделку, 8 принадлежали григоринопольским купцам—выборным от прихожан церкви¹⁵⁴.

Все эти покупки и постройки делались не столько на церковные деньги, сколько на средства богатых покровителей церкви—григоринопольских купцов (так, на покупку упомянутых двух домов они в первом случае

¹⁴⁹ Там же, док. 25.

¹⁵⁰ ООГА, ф. I, оп. 248, д. 1579, л. 375.

¹⁵¹ Там же, д. 1584, л. 382.

¹⁵² ЦГИА СССР, ф. «Департамента духовных дел иностранных исповеданий», № 821, оп. 35, д. 44, лл. 1—11.

¹⁵³ Там же, оп. 70, д. 103, лл. 1—6.

¹⁵⁴ Там же, оп. 75, д. 90, лл. 1—5.

истратили 3404 руб. серебром, во втором—5500 руб.), которые, обладая значительным капиталом, играли первую скрипку в одесской армянской общине. Связь с ней и щедрые пожертвования армянской церкви свидетельствовали о том, что григорипольское купечество, обосновавшееся в Одессе, еще не порвало с национальными традициями, и, по крайней мере, духовно еще было связано с Арменией.

Однако в период деятельности григорипольских торговцев в Одессе намечается тенденция сближения армянского купечества (вначале его отдельных представителей) с российскими торгово-промышленными кругами, что вытекало из логики развития армянского купеческого капитала в России.

В этом отношении показателен пример григорипольского купца Енгибара Самвелова, который, проживая в Одессе, заключил в 1832 г. с местным купцом Тимофеем Лещенко, елецким купцом Иваном Лашиным и титулярным советником Иваном Иженко контракт на содержание трех мукомольных водяных мельниц. Одна из них находилась в Мирополе, две другие—в Бердичеве¹⁵⁵. В контракте подробно указывались права и обязанности каждого из трех компаньонов, причем в нем предусматривалось, что мельницы должны были иметь единый штат управления и общий счет¹⁵⁶.

Ответственность по управлению миропольской мельницей и торговле мукой (в городах Житомире, Звягле, Киеве, Балте и Кременчуге) взял на себя Лещенко, согласившись также оказать помощь торговым делам одесской конторы, возглавляемой Самвеловым¹⁵⁷. Бердичевская контора (она считалась главной) и мельницы были поручены управлению Иженко, за которыми во время его отсутствия присматривал тесть Самвелова Арзуманов¹⁵⁸. Как видим, компания имела довольно разветвленную сеть торговых точек, через которые реализовалась мука. Доход только миропольской мельницы (отоваренной муки, пшеницы, рогатого скота и

¹⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 548, л. 13.

¹⁵⁶ Там же, л. 14.

¹⁵⁷ Там же, л. 14—14 об.

¹⁵⁸ Там же.

различных заведений) составлял сумму в 300 тыс. руб., а пятилетняя (с 1832 по 1837 гг.) прибыль каждого компаньона равнялась 115 тыс. рублей¹⁵⁹.

Григорипольские купцы составляли компанию не только с российскими, но и с иностранными купцами. Так, некий Григор Амосьянов, проживая в Одессе в собственном доме, купленном им за 25 тыс. руб., вместе с австрийскоподданным Даниловичем торговал солью¹⁶⁰.

Вращаясь в торговой сфере Одессы и принимая участие в деятельности отдельных компаний, григорипольские купцы, естественно, были связаны с одесским коммерческим судом. Рассматривая дела с судебными тяжбами армянских купцов, можно заметить, что они в судебно-правовом отношении ничем не отличались от российских купцов; так же, как и они, григорипольские купцы пользовались правом апелляции в сенат, а во время судебных разбирательств армяне своими посредниками, как правило, выбирали российских купцов.

Подводя итоги торговой и промысловой деятельности григорипольских армян, следует отметить, что коммерческие операции армянских купцов не были специализированы: крупные купцы могли совершить одновременно и поставку скота, сала, кожи и красного товара, а мелкие—вели торговлю самым разнообразным товаром. Это во-первых. Во-вторых, в армянском городе постоянная торговля сочеталась с торговлей ярмарочной. Однако при этом надо подчеркнуть, что со временем постоянная торговля все более брала верх над ярмарочной. В России эта тенденция, по свидетельству Рожковой, наметилась уже в конце XVIII века, а в XIX веке становилась все более и более заметной¹⁶¹. Как показала жизнь, ярмарки не привились в Григориполе. Их место заняли еженедельные базары. Поэтому Григориполь втягивался в торговлю с другими городами России не столько через ярмарочную торговлю, сколько через торговлю постоянную. Наконец, будет справедливым признать, что внешняя и внутренняя торговля за-

¹⁵⁹ Там же, л. 15 об.

¹⁶⁰ Там же, лл. 32—32 об.

¹⁶¹ «Очерки экономической истории России», стр. 246.

нимала значительное место в экономике колонии. В этом отношении армянский город не составлял исключения и не выделялся из среды городов южной Украины.

Некоторый спад внешней и внутренней торговли в Григориополе наметился во второй четверти XIX в., чему способствовала гильдейская реформа Канкринна. Однако основная причина кроется в том, что в этот период армянский город имел таких грозных конкурентов, как бурно растущая Одесса и Кишинев. Новый торговый центр юга России (Одесса) своими цепкими экономическими щупальцами притянул к себе почти все крупное купечество Григориополя. Переселение григориопольских купцов в Одессу и Кишинев было вызвано не только соображениями экономического порядка. Оно также являлось следствием тех социальных изменений, которые произошли в армянской колонии.

Вследствие имущественной дифференциации и социального расслоения в колонии торгово-промышленные круги григориопольского общества постепенно стали выходить из национальных рамок и переселяться в те экономические центры России, где обеспечивалось наиболее полное развитие их коммерческой инициативы. В скором времени григориопольское купечество было вовлечено в общее русло экономического развития юга России, благодаря чему оно, почти полностью потеряв свое национальное лицо, влилось в состав русской торгово-промышленной буржуазии, образовав вместе с последней единый хозяйственный организм.

Эти глубокие социальные изменения и классовое расслоение григориопольского общества и несомненное сближение торгово-промышленных кругов армянской колонии (особенно усилившееся после их переселения в Одессу и другие города России) с крупным русским купечеством способствовали проведению политики царизма, направленной фактически на постепенное уничтожение армянского самоуправления в Григориополе.

С переселением заднестровских армян в Россию для них сложились благоприятные условия также в обла-

сти сельскохозяйственной деятельности. Получив при основании города 30 тыс. десятин земли, часть григориопольцев посвятила себя земледелию, скотоводству и садоводству. Важными отраслями сельского хозяйства Григориополя (в основном его пригородов) и примыкающих к городу армянских деревень являлись плодоводство, виноградарство и хлебопашество.

Фруктовые сады и огороды армян находились главным образом в пойме Днестра, что было обусловлено структурой почвы прибрежной полосы. По наблюдениям Гросул-Толстого, эта полоса, покрытая «тонкою, сухою и рыхлою почвою, большею частью песчано-известковой, серого или пепельного цвета», своей шириной достигала у Григориополя семи верст¹⁶². Такая почва больше соответствовала разведению садов и огородов, число которых все более возрастало.

Как свидетельствует А. Скальковский, в середине XIX в. между днестровскими садами первое место занимали тираспольские, второе—государственных поселений, третье—григориопольские сады¹⁶³. По его же подсчетам, с 1790 по 1850 гг. в армянской колонии насчитывалось 124 фруктовых и 22 виноградных сада¹⁶⁴. При этом интересно отметить, что природной межей между садами армян служил византийский тополь, который был в почете также и у молдаван¹⁶⁵. Григориопольские сады приносили доход не только их хозяевам, но и городской казне. Так, с десятины земли, занятой под садами, думе выплачивалось в год 75 коп. серебром. Поэтому, естественно, что городским властям было выгодно увеличение количества садов. С этой целью во второй половине XIX в. они стали под сады отводить участки земель, хозяева которых, по установленному правительством правилу, обязаны были в 3-летний срок

¹⁶² «Сборник Херсонского земства», Херсон, 1888, № 9, приложение, стр. 29.

¹⁶³ А. Скальковский, указ соч., т. II, стр. 193.

¹⁶⁴ Там же, стр. 196.

¹⁶⁵ А. Мейер, Повествование землемерное естественное описание Очаковские земли, СПб., 1794, стр. 115.

посадить требуемое количество деревьев или виноградных лоз; в случае невыполнения этого условия, земля у них отбиралась.

Однако, если количество григориопольских садов возрастало, то число огородов несколько уменьшилось, особенно во II половине XIX в. в полосе, расположенной между устьем Мокрого Ягорлыка и Григориополем. Причиной тому послужили повторяющиеся три-четыре раза в десятилетие летние паводки, превращающиеся в наводнения. Вода заливала все прибрежные места, портила сады, виноградники и полностью уничтожала огороды. Поэтому жителям города пришлось отказаться от разведения огородов в прибрежной полосе¹⁶⁶.

Хлебопашество было другой отраслью сельского хозяйства, которой занимались григориопольские армяне. Справедливость, однако, требует признать, что земледелием в основном занимались в деревнях помещики-армяне. Из них наиболее налаженными являлись хозяйства князей Аргутинских—племянников Иосифа Аргутинского. Помещики-армяне (и Аргутинские в том числе) так же, как и большинство помещиков Тираспольского уезда, владели казенными крестьянами на контрактных началах. Последние за пользование земель вначале платили небольшой чинши и отдавали десятую часть урожая¹⁶⁷. Как подчеркивают С. Я. Боровой и А. С. Коцневский, «когда помещичьи хозяйства были еще только в процессе становления и почти не давали продукции, такая форма эксплуатации зависимых старожилов была для помещиков наиболее целесообразной»¹⁶⁸.

Однако в дальнейшем (особенно в начале II четверти XIX в.) помещики-армяне стремились производить

¹⁶⁶ «Сборник Херсонского земства», 1888, № 8, приложение, стр. 13.

¹⁶⁷ С. Я. Боровой, А. С. Коцневский, Основные моменты в развитии сельскохозяйственного производства и форм эксплуатации крестьян степной Украины в дореформенный период, «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 год», Кишинев, 1966, стр. 479.

¹⁶⁸ Там же.

«больше зерна для продажи и приспособить свои хозяйства к условиям товарного производства, что нашло выражение как в расширении барской запашки, так и в усилении эксплуатации крестьян. Но это вызвало недовольство крестьян, которых поддерживало правительство и местная администрация. Политика центральной власти была вызвана как интересами крестьянской колонизации юга России, так и необходимостью сохранения основной массы налогоплательщиков, от чего зависело состояние государственной казны.

Указ царя от 9 мая 1802 г. подтверждал запрещение «крепостить иностранных выходцев»¹⁶⁹. А по «Положению», изданному 20 сентября 1804 г., «все крестьяне Тираспольского уезда, вышедшие из-за границы и поселившиеся на помещичьей земле между Бугом и Днестром (как до, так и после раздачи этих земель помещикам), были объявлены лично свободными»¹⁷⁰. По данным Е. И. Дружининой, в Тираспольском уезде незакрепощенные крестьяне составляли 8209 душ, или 99 % населения помещичьих земель¹⁷¹. Сюда входили и крестьяне имений помещиков-армян.

Упомянутые постановления правительства пробудили надежду у многих поселенцев (в том числе и у крестьян князей Аргутинских), что в борьбе против помещиков можно апеллировать к властям. Поэтому крестьяне села Васильевка, работавшие на князей Аргутинских, в 1826 г. обратились к генерал-губернатору М. С. Воронцову с заявлением, выражая в нем недовольство действиями своих хозяев. Жалоба крестьян разбиралась как в губернии, так и в столице в министерстве внутренних дел, вследствие чего было принято решение отобрать у армянского помещика часть крестьян, переведя их на казенные земли. Свое решение власти мотивировали тем, что крестьяне не находятся в крепостной зависимости у Аргутинских¹⁷².

¹⁶⁹ Е. И. Дружинина, Классовая борьба крестьян Южной Украины в первой четверти XIX века, «Ежегодник», стр. 575; ПСЗ, XXVII, № 20259.

¹⁷⁰ Там же, стр. 577.

¹⁷¹ Там же, стр. 575.

¹⁷² Матенадаран, архив Лазаревых, л. 51, папка 106, док. 75.

Із содержания ряда документов, хранящихся в Матенадаране и в ЦГИА СССР, выясняется, что эта акция правительства вызвала отрицательные последствия, отразившиеся на хозяйстве князей Аргутинских. Во-первых, уход крестьян лишил их пяти тысяч дохода, получаемых в год¹⁷³; во-вторых, пример первой группы (в количестве 200 душ) крестьян пагубно подействовал на ту прослойку крестьянского населения, которая продолжала работать на армянского помещика. Воспользовавшись военной обстановкой (1828—1829 гг.), около 100 крестьян бежало с имения князей Аргутинских в Бессарабию¹⁷⁴. Скорее всего они обосновались в Буджаке, так как туда стекались в основном все беглые (в том числе и бессарабские) крестьяне¹⁷⁵. Поиски, организованные армянскими помещиками с целью возвращения крестьян, не дали никаких результатов. Так, в январе в 1829 г. в одном из своих писем князь Аргутинский писал следующее: «Поверенный мой, издержав порядочно денег, возвратился скоро назад из Бессарабии, не привезя мне ни сдиного беглеца»¹⁷⁶. Последние строки упомянутого письма свидетельствуют о том, что князь Аргутинский все свои невзгоды, связанные с уходом и бегством крестьян, ставил в прямую связь с действиями правительства. «Делать нечего,—писал он,—надобно терпеть, когда все происходит от высшей власти»¹⁷⁷.

Однако уже в конце второй четверти XIX в. князья Аргутинские сумели заново наладить хозяйство Васильевки. Пути повышения производительности и доходности своего хозяйства князья Аргутинские искали одновременно в его «рационализации». Они становятся членами созданного в 1828 г. в Одессе графом Воронцовым Общества сельского хозяйства Южной России, ведут хозяйство с учетом достижений агрономической науки. Так, зная, что на рынках Западной Европы (особенно Ан-

¹⁷³ Там же, док. 86.

¹⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 22, л. 56.

¹⁷⁵ Е. Н. Дружинина, указ. статья, стр. 579.

¹⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 22, л. 56.

¹⁷⁷ Там же.

глии) высоко котируется озимая пшеница, князья Аргутинские стали закупать в Польше семена «сендомирки» (происходит из Сендомирской губернии Польши) — лучшего сорта озимой пшеницы¹⁷⁸. В 1845 г. в «Записках Императорского общества сельского хозяйства Южной России» один из представителей семейства князей Аргутинских Николай сообщал о результатах успешного разведения в его хозяйстве «сендомирки», которая дала в первый год сам-14, а на следующий — сам-17 зерен¹⁷⁹.

А. Скальковский, сопоставляя урожайность посевов пшеницы в отдельных хозяйствах Новороссийского края, приходит к выводу, что одним из самым образцовых хозяйств Новороссии было именно Аргутинских. В сравнении с хорошо организованными хозяйствами меншионитов, которые давали от 12 до 14 зерен, достижение хозяйства Аргутинских становится особенно показательным¹⁸⁰.

Успехи помещиков-армян не шли ни в какое сравнение с делами остальных григориопольских земледельцев, несмотря даже на то, что на стороне последних был численный перевес*. Свое хозяйство григориопольские земледельцы вели в основном на хуторах. Здесь же находились сады и виноградники их соседей. Местная почва (а в Григориополе так же, как и в большинстве мест Херсонской губернии, она состояла из чернозема «песчано-глинистого свойства»)¹⁸¹ была удобна для возделывания главным образом арнаутки, а также озимой и весенней пшеницы¹⁸². Поскольку эти земледельческие хозяйства большей частью принадлежали купцам, то вполне естественно, что во время сельскохозяйственных работ они использовали труд наемных рабочих¹⁸³. Однако, нес-

¹⁷⁸ А. Скальковский, указ. соч., ч. II, стр. 78.

¹⁷⁹ «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России на 1848 г.», Одесса, 1848, № 8, стр. 507—516.

¹⁸⁰ А. Скальковский, указ. соч., ч. II, стр. 96.

* В начале XIX в. в Григориополе было около 30 земледельческих хозяйств, см. ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 146, л. 16 об.

¹⁸¹ «Списки населенных мест России, Херсонская губерния», СПб., 1868, стр. V.

¹⁸² А. Мейер, указ. соч., стр. 113.

¹⁸³ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 146, л. 16 об.

смотря даже на это, производительность труда в хуторах армянских земледельцев (особенно в первой четверти XIX в.) была низка: мало кто из них давал товарное зерно.

Местная администрация, которая внимательно следила за сельскохозяйственной деятельностью армян, упомянутые факты использовала как повод для того, чтобы поднять вопрос об изъятии части григоріопольских земель и передачи их во владение немецких колонистов. Причинами же подобных действий являлись совершенно иные обстоятельства.

После русско-турецких войн во второй половине XVIII в. в аграрной истории Новороссийского края наступил период, который некоторыми исследователями квалифицируется как «колоннальный» этап в истории землеустройства и аграрного строя Новороссии¹⁸⁴. Стремясь закрепить южные рубежи страны, русское правительство стало щедро раздавать земли как местным (выходцам из центральных губерний), так и иностранным колонистам. Вместе с тем правительство не скупилось на выделение больших участков земли также помещикам, крупным должностным лицам и чиновникам. Так, только в «Очаковской» области роздано было чиновникам до 824 374 десятин земли¹⁸⁵. Помещики же получили в общей сложности 1 634 800 десятин земли. В число последних входили такие лица, как граф А. А. Безбородко, Рибас, Н. И. Салтыков и другие¹⁸⁶.

По распоряжению Екатерины II от 2 ноября 1793 г. выделенные для дворян и чиновников земли переходили в их вечное пользование*. Правительство при этом требовало от дворян и помещиков выполнения лишь одного условия: в течение 12 лет заселить эти земли крестьянами и наладить хозяйство. Однако по истечении установ-

¹⁸⁴ С. Я. Боровой и А. С. Коцневский, указ. соч., стр. 478.

¹⁸⁵ ПСЗ, т. XXVIII, № 21581.

¹⁸⁶ Д. И. Багалей, Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры, Киев, 1889, стр. 73—74.

* Это решение правительства было подтверждено указом Павла I от 13 июля 1800 г. и грамотой Александра I от 13 октября 1802 г. ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 1, д. 1343, л. 4 об.

ленного срока помещики не смогли выполнить условий правительства. По официальным сведениям, на розданных помещикам землях «Очаковской» области было водворено не более 6740 душ крестьян, многие участки размером от 12 до 18 тыс. десятин земли вовсе не были или же были заселены незначительно¹⁸⁷.

В силу изложенных обстоятельств правительство вынуждено было издать указ от 31 декабря 1804 г., который устанавливал новый (4-летний) срок для заселения земель. Но упомянутый указ частично возымел обратное действие: помещики, не заселив своих участков, стали продавать земли, порой по низкой цене, так как сбыть ее выгодно было не так легко, по той причине, что никто не соглашался покупать ее дорого со взятием на себя обязательств заселения¹⁸⁸. Правительство искало выход из создавшегося положения. Свои предложения в решении этого вопроса представил и генерал-губернатор герцог Ришелье. Сторонник крестьянской и иностранной колонизации, Ришелье прекрасно понимал, что колонизация (как крестьянская, так и иностранная) находится в прямой зависимости от наличия свободных земельных участков, которые были заняты помещиками и чиновниками. Поэтому он предлагает установить для последних налог с земли. «Наконец устанут платить подать за землю,—писал он,—с коею никаких не получают доходов, почему тогда и решатся заселить или продать оную»¹⁸⁹.

Дворянское правительство России, естественно, отвергло это предложение. Вся надежда была связана с крестьянской и иностранной колонизацией. К 1804 г. в Новороссийском крае было 1342 семьи иностранных колонистов (болгары, сербы, греки и др.*), в том числе 162 семьи меннонитов¹⁹⁰. В рассматриваемое время поток иностранных (особенно немецких) пересе-

¹⁸⁷ ПСЗ, т. XXVIII, № 21581.

¹⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 1, д. 1343, лл. 9—11 об.

¹⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. «Крымской комиссии Министерства внутренних дел», № 1305, оп. 1, д. 2, лл. 145—146.

* Армяне сюда не входили.

¹⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 125, лл. 69—70.

ленцев в Новороссию возрастает. В связи с техническими трудностями, вызванными необходимостью выискивания для них свободных участков земли, правительство ограничило переселение немцев 200-стами семействами в год. Однако в вопросе переезда меннонитов-выходцев из Венгрии власти сделали исключение, согласившись принять их без ограничения¹⁹¹.

Необходимость размещения последних вызвала дополнительные хлопоты местной администрации и Конторы опекунов новороссийских иностранных поселенцев.

Выход был найден следующим образом: для вновь прибывающих меннонитов было решено покупать частновладельческие земли, а также при случае, где это было возможно, отрезать для них участки земель, не затрагивая при этом интересов помещиков и дворян. В данном случае григорипольская земля, по мнению губернского руководства, оказалась наиболее подходящей для поселения на ней меннонитов. В январе 1805 г. Ришелье предписывает григорипольскому магистрату принять для жительства в городе немецких колонистов, причем свои действия он обосновывал статьями известного постановления правительства от 30 января 1802 г.¹⁹² Таким образом в Григориполь были водворены первые семейства (около 405 душ) меннонитов*. По мысли губернского начальства, армянский город должен был быть временным пристанищем немецких переселенцев. В ордере от 24 ноября 1806 г. герцог Ришелье предписывал тираспольскому уездному землемеру Шаржинскому для меннонитов отмежевать в пригороде Григориполя особый участок земли с таким расчетом, чтобы каждому семейству досталось 60 десятин земли¹⁹³.

Помимо всего, местная администрация, исходя из предложения начальника Конторы опекунов иностран-

¹⁹¹ Там же, ф. 383, оп. 29, д. 292, лл. 15—16.

¹⁹² ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

* Водворение первой партии меннонитов в Григориполь некоторые авторы неверно относят к 1804 г.

¹⁹³ Государственный архив Херсонской области (ГАХО), ф. «Херсонская (Новороссийская) губернская чертежная», № 14, оп. 7, д. 620, л. 3.

ных поселенцев Контениуса, собиралась в 1806—1807 гг. разместить на григоринопольских землях еще 169 семейств меннонитов, выделив для них новый участок в размере 15 тыс. десятин земли*. Однако, узнав о намерениях местного начальства, григоринопольцы забили тревогу. Представители армянской общественности обратились за помощью к правительству. В течение нескольких лет они вели с губернской администрацией неравную борьбу за землю, причем в ходе этих событий заново был поднят вопрос о 3400 десятинах дополнительной земли, полученной армянами по указу 1799 г.

Дело в том, что в известном прошении григоринопольских армян, направленном в 1798 г. на имя правительства, имелась просьба выделить для вновь приезжающих в Григоринополь армян дополнительный участок земли на р. Ташлык.¹⁹⁴ Указ 1799 г. удовлетворил желание армян. Однако произошла путаница: в царском указе было написано, что армянам выделяется земля в размере 3400 десятин на речке Ташлык из «дачи» Дубоссар. При проверке оказалось, что эта «дача» находится при речке Тамашлык и что своим качеством она намного уступает земле, расположенной при речке Ташлык.

Из-за ошибки в тексте указа 1799 г. начался длительный спор между григоринопольским магистратом (который отказывался получать дубоссарскую землю) и губернским начальством, не пожелавшим отрезать Григоринополю ташлыцкий участок земли¹⁹⁵. Объяснить позицию, занятую местной администрацией в земельном споре, нетрудно. Отрезать ташлыцкую землю в пользу армян было равносильно разорению крестьян казенных селений Глинная, Делакеу и Ташлык**, хозяйства кото-

* Надо отметить, что с начала 1807 г. по май месяц в Тираспольский уезд прибыли на поселение новые колонисты: болгар—772, а немцев—582 человека. ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 292, лл. 1—4.

¹⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1815, лл. 8—8 об.

¹⁹⁵ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 3, лл. 5—12.

** В рассматриваемое время в Глиной (это молдавское селение возникло приблизительно в 1750 г.) было 36 домов и 233 душ м. п.; в Делакеу 116 душ м. п. проживали в 42 домах, при этом обе деревни были заселены в основном молдаванами и имели каменные церк-

рых находились на этом участке земли. Губернские власти, естественно, не могли допустить ущемления интересов своих основных налогоплательщиков—казенных крестьян. Последние, отказываясь покинуть насиженные места, в крайнем случае соглашались давать григорнопольскому магистрату за пользование землей натуральный и денежный оброк.¹⁹⁶

Земельный вопрос Григорнополя с 1799 по 1804 гг. несколько раз рассматривался в правительстве. Каждая из спорящих сторон выставляла свои аргументации. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Наконец, было решено не трогать дубоссарскую землю и из фонда григорнопольской земли выделить для селений Глинной и Делакеу 3675 десятин (с целью обособить эти селения), а армянам отрезать из «ташлыцкой казенной дачи» 7075 десятин земли. Однако выделение этого земельного участка было связано с техническими трудностями. Поэтому решение сената от февраля 1804 г. о том, чтобы Екатеринославское губернское правление завершило все спорные дела, связанные с григорнопольской землей, вплоть до 1808 г. оставалось невыполненным¹⁹⁷.

События 1805—1808 гг. (в связи с переселением в Григорнополь меннонитов) еще более запутали земельные отношения в армянской колонии. Общественность Григорнополя стала настаивать, чтобы уездные власти не приступали к межеванию земель до тех пор, пока не решится участь земельного участка (в 15 тыс. десятин), который предназначался для поселения на нем немецких колонистов¹⁹⁸. Тем временем члены правительства были заняты рассмотрением, с одной стороны, жалоб армянской общественности, с другой—докладных губернатора Ришелье. Последний соглашался уступить армянам лишь в одном: удалить меннонитов из города, переведя их в

ви; в селении Ташлык проживало русско-украинское население (170 душ м. п.). ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 4, д. 214, лл. 3—4, 19—20.

¹⁹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 4, д. 214, л. 6.

¹⁹⁷ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 3, лл. 7—12.

¹⁹⁸ Там же.

с. Глинная, а крестьян-молдаван переселить в армянскую колонию¹⁹⁹.

Доводы Ришелье относительно изъятия из Григориополя 15 тыс. десятин земли хотя и убеждали министра внутренних дел графа Кочубея, однако, исходя скорее всего из внешнеполитической обстановки*, он советовал губернатору действовать осторожно, чтобы у города осталось столько земли, сколько будет необходимо для переселяющихся из-за границы в Григориополь армян²⁰⁰. Опасения графа Кочубея вынудили херсонского губернатора предпринять нечто такое, что заставило бы армян не предъявлять более претензий по земельному вопросу. 25 февраля 1808 г. в с. Глинная был вызван представитель григоринопольского магистрата якобы для переговоров по заключению «условий» переселения молдаван в Григориополь. На следующий день в присутствии представителей властей, молдаванского населения и предводителя немецких колонистов Гзелья посланнику армянского магистрата ратману И. Ованесову предложили подписать текст заранее составленного договора²⁰¹.

Договор состоял всего из трех статей. Основная (первая) статья была сформулирована завуалированно, суть которой не понял ратман Ованесов. «Город почитает достаточным,—писалось в документе,—для себя [иметь] земли 18 400 десятин»²⁰². Надеюсь, что упомянутое количество земли переходит в пользование непосредственно самих армян (а остальной землей будут пользоваться другие жители Григориополя: молдаване, русские и украинцы), Ованесов поставил под договором свою подпись.

Однако, разгадав вскоре тактический ход местной администрации, армяне Григориополя 29 февраля обра-

¹⁹⁹ ГАХО, ф. 14, оп. 1, л. 620, л. 10.

* Надо помнить, что в это время Россия вела военные действия с Турцией, на территории которой проживало еще много армян.

²⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, л. 292, лл. 27—28 об.

²⁰¹ Там же, лл. 32—38.

²⁰² Там же, лл. 30—30 об.

тились с протестом к новому министру внутренних дел А. Б. Куракину. Поскольку молдаване селения Глинная писались в жалобе армян, переселяются в Григориополь, то правительство не должно урезать землю, так как армяне и молдаване лишатся лучших своих участков и возможности заводить крупный и мелкий скот и держать табуны лошадей²⁰³. Эти требования григориопольцев были поддержаны Лазаревыми.

В свою очередь к Куракину обращается и Ришелье. В письме от 20 мая 1808 г. он в мрачных тонах описывает положение дел в армянской колонии, навязчиво подчеркивая, что земля армян пустует²⁰⁴. Члены правительства, естественно, встали на сторону губернских властей, и 21 июля 1808 г. последовал указ царя, в силу которого весной 1809 г. немецкие колонисты, заселившие Глинную, получили 15 тыс. десятин земли, а старожилы селения были поселены в Григориополе²⁰⁵. Таким образом в пригороде Григориополя возникла немецкая колония меннонитов Глюксталь, в которой проживало более 700 душ обоего пола. Рядом с ней вскоре образовались две другие немецкие колонии: Найдорф и Бергталь²⁰⁶.

Указ от 21 июля 1808 г. включал в себя также пункты, которые фактически своим острием были направлены против армянских земледельцев и скотоводов. Указ предписывал армянам в течение трех лет переехать на хутора и заселить их, в противном случае земля урезывалась в пользу казны²⁰⁷. Здесь интересно отметить, что в примечании к этой статье указа, сделанном в Канцелярии министерства внутренних дел, написано следующее: «На сем основании немногие могут воспользоваться землею и тогда, конечно, оной много останется в пусте»²⁰⁸. Выходит, само правительство признавало, что

²⁰³ Там же, лл. 32—38.

²⁰⁴ Там же, лл. 62—63.

²⁰⁵ Там же, лл. 93—94; ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 42—43 и 44—47.

²⁰⁶ ЦГАДА, ф. 1352, д. 29, л. 13 об.

²⁰⁷ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 65—72 об.

²⁰⁸ Там же, ф. 383, оп. 29, д. 292, л. 88 об.

оно ставит перед армянами заранее невыполнимые условия: это могло ему дать формальное право отрезать от колонии остальную часть земли. Фактически так и получилось. Не успели еще уездные землемеры завершить размежевание земель, как по распоряжению Ришелье от Григоріополья было отделено еще 2325 десятин земли²⁰⁹.

С целью удержания за собой оставшиеся земли армянские земледельцы стали разводить свои хутора по всему пространству григоріопольской «дачи»²¹⁰. Однако вскоре внимание местной администрации и правительства вновь было приковано к григоріопольской земле. На сей раз причиной послужили казенные крестьяне с. Делакеу, которые дважды (в 1815 и 1819 гг.) обратились к губернскому руководству с просьбой присоединить их селение к Григоріополью, мотивируя свое желание стремлением улучшить земледелие путем обработки лучших участков из фонда григоріопольских земель²¹¹. Губернские власти против ничего не имели, выдвигая лишь одно условие: оставить молдаван в их «прежнем крестьянском звании». На это Департамент государственных имуществ резонно заключил: причисление казенных крестьян к армянской колонии—это палка о двух концах, поскольку молдаване, помимо своих, вынуждены будут платить и городские подати²¹².

Таким образом, вопрос о григоріопольской земле вновь стал предметом дискуссий в правительстве и на месте. События разворачивались в следующем порядке. Своим указом от 20 ноября 1819 г. Херсонская казенная палата постановляет, чтобы григоріопольский магистрат принял в число жителей города поселенцев Делакеу. Магистрат, не возражая против совместного жительства армян и молдаван, вместе с тем просил властей более не трогать городской надел²¹³.

²⁰⁹ Там же, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 44—48.

²¹⁰ Там же, ф. 821, оп. 71, д. 102, л. 8—8 об.

²¹¹ ООГА, ф. 1, оп. 220, д. 8, лл. 1—3 об., 12—12 об.

²¹² Матенадаран, архив Лазаревых, д. 5, папка 103, док. 219.

²¹³ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

Обсуждение этого вопроса затянулось на долгие годы. С целью склонения чашы весов в свою сторону губернское начальство стало утверждать, что, не заселив городскую землю и не обзаведясь необходимым хозяйством, армяне не выполнили постановления правительства от 21 июля 1808 г.²¹⁴ Вместе с тем местная администрация в качестве козыря против григориопольского магистрата использовала разногласия, возникшие между горожанами и крестьянами в связи с использованием городской землей²¹⁵. Результатом активных действий губернских властей явилось постановление правительства от 30 июня 1822 г., в силу которого крестьянам Делакеу было разрешено вести свое хозяйство на григориопольской земле, а сами они были причислены к жителям города²¹⁶.

Однако вопрос этим не был исчерпан. Обращаясь к повороссийскому генерал-губернатору А. Ф. Ланжерону, к Христофору Лазареву и даже к самому царю, григориопольцы старались убедить всех их в том, что земля не пустует, что городские жители развели на ней виноградные и фруктовые сады, используют ее под скотоводство. Более того: земли нехватает, что вынуждает хлебопашцев за высокую плату арендовать ее у соседних помещиков.

Доводы и доказательства армян не повлияли на решение правительства. Рассмотрев вторично вопрос о крестьянах Делакеу, 12 ноября 1826 г. сенат вынес свое определение²¹⁷, которое было доведено до сведения григориопольского магистрата в январе 1827 г.²¹⁸ Правительство требовало следующего: «Григориополю намерить четырехверстную пропорцию удобной земли при реке Днестре, речке Тамашлыке и по обе стороны оврага Чернишы». Далее, в смежности с городской землей выделить для григориопольских крестьян особый участок

²¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 49—50.

²¹⁵ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 5, папка 103, док. 219.

²¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 48—48 об.

²¹⁷ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 5, папка 103, док. 208 и 219.

²¹⁸ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, д. 22, лл. 198—301.

земли (из расчета на 213 крестьян 15 десятин на душу)*, а для крестьян селения Делакеу выделить из этого же участка 2325 десятин. Оставшуюся землю передать казне²¹⁹.

Конфискация «излишних» земель последовала не скоро, так как губернские власти учли, что жители армянского города в этой связи потерпят «неизбежные убытки, а некоторые, может быть, оттого придут в совершенное разорение и нищету»²²⁰. Дело затянулось вплоть до 1858 г. Вопрос об участке земли, принадлежавшем ранее крестьянам с. Делакеу, долгое время оставался спорным, пока в октябре 1852 г. царь не утвердил решения Государственного совета присоединить его к Григориополю, а бывших крестьян Делакеу обратить в мещан города²²¹.

Таково было состояние земельного вопроса в армянской колонии в середине XIX в. Хотя в городах он не имел столь большого значения, как в деревне, но по справедливому замечанию П. Г. Рынцюзонского, недостаток земельной площади все же очень ощущался горожанами, не только теми, кто занимался огородничеством, садоводством или хлебопашеством, но и промышленниками, которым часто не хватало удобных мест для устройства своих заведений²²². Вместе с этим необходимо отметить, что на урезывании земельных участков в армянской колонии многое теряла и городская казна, поскольку пахотные и сенокосные земли Григориополя ежегодно отдавались в оброк.

Передача отдельных участков земли в оброчное со-

* 27 февраля 1820 г. правительство утвердило особые правила для размежевания земель Херсонской губернии, в силу которых положенный на душу земельный надел был сокращен с 30 десятин до 15-ти. ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 65—72 об.

²¹⁹ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 5, папка 103. док. 219.

²²⁰ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 378, лл. 65—72 об.

²²¹ Там же, ф. 821, оп. 71, д. 102, л. 9.

²²² П. Г. Рынцюзонский, Городское население, «Очерки экономической истории России», стр. 293.

держанье осуществлялась по установленным правилам и под наблюдением особой думской комиссии²²³. Ежегодно (обычно поздней осенью) устраивались торги. Перед торгами городские власти публиковали предварительные кондиции (условия, по которым земля отдавалась в оброк) и приглашали к определенному сроку желающих принять участие в торгах. С наступлением этого срока кондиции утверждались думой, после чего земля, разделенная на отдельные участки (причем каждый из них имел свою цену), пускалась с молотка²²⁴.

Порой григоріопольская земля отдавалась в оброк без соблюдения каких-либо условий, и это в том случае, если в свои руки ее брала городская верхушка и представители зажиточных слоев Григоріополя, зачастую они же изъявляли желание оставить за собой участок земли на новый срок. И в этом случае дума не публиковала кондиций, не приглашая никого принять участие в торгах. В конце года губернатору посылался лишь рапорт, в котором городские власти просили, якобы за отсутствием желающих участвовать в торгах, оставить земли за прежними оброкосодержателями²²⁵.

Беднейшие слои населения армянской колонии, естественно, не имели возможности участвовать в торгах. Таким образом, армянская беднота фактически была лишена земли, которая стала объектом спекуляций, так как зачастую ее арендаторами являлись не земледельцы, а торговцы землею, которые, снимая ее у городской думы по дешевой цене, в два-три раза дороже перепродавали другим лицам²²⁶. Справедливость требует признать, что особая думская комиссия, которая занималась земельными вопросами, внимательно следила, чтобы земля не скоплялась в одних руках, однако упомянутые торговцы находили выход: они арендовали землю через под-

²²³ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 127; см. также «Сборник Херсонского земства», 1888, № 12, приложение стр. 119.

²²⁴ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 127.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же; см. также «Сборник Херсонского земства», 1888, № 12, стр. 119.

ставных лиц и лишь после этого перепродавали ее нуждающимся мещанам-земледельцам²²⁷.

Помимо пахотной и сенокосной земли, григорнопольская дума отдавала в наем также толочную (городской выгон, где пасся скот) землю. Сами григорнопольцы в 70-х годах XIX в. по постановлению Городского григорнопольского общественного управления имели право выгонять бесплатно не более 10 штук крупного и мелкого рогатого скота. Излишнее количество, а также скот проживающих в городе лиц должен был оплачиваться. Но это постановление не вошло в жизнь и выпас скота фактически не оплачивался²²⁸.

Григорнопольская земля приносила немалую прибыль городской казне. Достаточно сказать, что только в одном 1843 г. доход от земли составлял более 2400 руб. серебром²²⁹. Поэтому, когда в 1858 г. правительство наконец отрезало у города «излишнюю» землю (в количестве 7 тыс. десятин), то городская казна заметно опустела²³⁰. Теперь доходы от григорнопольской земли стало получать губернское казначейство, которое, разделив ее на мелкие участки, продавало с аукциона²³¹. В результате торгов, как правило, эта земля попадала в руки меннонитов. По условиям распродажи, установленным Херсонской палатой государственных имуществ, лица или общества, взявшие эту землю в оброк, обязаны были выплачивать залог, равный полугодовой оброчной сумме²³².

После межевания 1858 г. земельный фонд Григорнополя составлял всего 12 185 десятин 198 сажень земли. Из этого числа под городом, лесом, кустарниками, оврагами и дорогами находилось 853 дес. 654 саж., под садами и огородами—140 дес. 1299 саж., под хуторами—172 дес. 18 саж. выгонной же, пахотной и сенокосной

²²⁷ «Сборник Херсонского земства», там же.

²²⁸ Там же, стр. 118.

²²⁹ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 127.

²³⁰ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 71, д. 102, л. 1.

²³¹ Там же, л. 2.

²³² ООГА, ф. 1, оп. 248, д. 2429, л. 1.

земли было 11 019 дес. 627 сажень²³³. Губернские власти, однако, посягали и на эту землю, что вынудило представителей армянского общества в конце 60-х годов XIX в. обратиться к армянскому католикусу Геворку с просьбой защитить их права²³⁴.

Армянский католикос в октябре 1867 г. обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с письмом, в котором была изложена просьба Геворка оставить за григорнопольцами хотя бы 18 400 десятин земли, составляющих, по его словам, «единственный источник их пропитания»²³⁵. П. А. Валуев, в свою очередь, в декабре этого же года послал на имя бессарабского генерал-губернатора Коцебу запрос, в котором просил сообщить ему свое решение по земельному вопросу григорнопольцев. В течение почти двух лет министр ждал ответа от генерал-губернатора и, не дождавшись, оказался вынужденным послать Коцебу в марте 1869 г. напоминание. Ответ губернатора последовал лишь спустя год. В марте 1870 г. Коцебу писал Валуеву, что «ходатайство об оставлении исключительно за одним армянским обществом г. Григорнополя права пользования отведенною этому городу землею не может быть удовлетворено»²³⁶. Итак, вопрос был исчерпан.

Насколько нам известно, это была последняя попытка григорнопольских армян отстоять свои земли. Губернское начальство, поддерживаемое центральной властью, и в земельном вопросе постепенно, шаг за шагом отступало от ранее принятых постановлений относительно армянской колонии. Если в первой половине XIX в. это исходило из необходимости разрешения колонизационных задач, то во второй половине века на первый план выступили другие факторы, в частности такой, как интенсивное развитие торгового земледелия, выгоды от которого получала казна.

²³³ «Новороссийский календарь на 1873 год», стр. 91.

²³⁴ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 71, д. 102, лл. 1—2.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же, лл. 1—10 об.

Глава пятая

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГРИГОРИОПОЛЬСКИХ АРМЯН

В предшествовавшей главе мы выяснили, что в Григориополе, как и в большинстве городов России, в начале XIX в. торговая деятельность преобладала над промышленной. Она была представлена главным образом мелкими ее формами еще докапиталистического типа. Но если у большинства русских городов с этим была связана отсталость их общественной жизни, то в армянских городах-колониях, в частности в Григориополе, наблюдается несколько иная картина. Здесь мы видим более или менее оживленную общественную жизнь даже в первой четверти XIX столетия, что объясняется как чисто национальными задачами, вставшими перед всеми армянскими колониями России, так и сложными отношениями (политического и экономического характера), сложившимися между армянскими колониями, с одной стороны, и царским правительством — с другой.

Нам уже приходилось отмечать, что правительство в правовых и экономических вопросах медленно, но неуклонно проводило свою линию, фактически сводившую на нет исключительность григориопольской армянской колонии. Это обстоятельство вызвало оживление в общественной жизни армянской колонии. Григориопольские жители в течение длительного времени отстаивали свои права и привилегии. История этой борьбы, нашедшая свое отражение на страницах нашей книги, составляет одну из особенностей развития общественной жизни го-

рода. Другая особенность заключалась в том, что григорипольское общество, как и общества других колоний, тесными узами было связано со своей родиной—Арменией. Поэтому события, затрагивавшие нацию в целом, находили живой отклик в армянских колониях. Более того, каждая из них в определенные периоды истории армянского народа принимала активное участие в разрешении общенациональных проблем.

В начале XIX в. Григориполь, как и другие армянские колонии России, был вовлечен в водоворот событий, вызванный борьбой двух претендентов на эчмнадзинский престол—католиков Даниила и Давида. Эта борьба не привлекла бы нашего внимания, если бы не имела более глубокой подоплеки, чем та, которая излагается в трудах большинства исследователей. Для того чтобы дойти до сути дела, необходимо сделать исторический экскурс в прошлое.

Во второй половине XVIII столетия одним из центров армянского освободительного движения была Россия. Именно в этот период, как справедливо подчеркивает В. А. Дилоян, знамя освободительного движения перешло в руки вступившей на широкую арену истории, новой общественной силы—буржуазии¹, основной задачей которой было стать гегемоном в грядущих битвах за национальное освобождение. Однако для претворения в жизнь своих замыслов нарождавшаяся в армянских колониях России и Индии торговая буржуазия на каком-то этапе нуждалась в поддержке церкви, которая, на протяжении веков выступая в роли центральной и общенациональной организации, имела огромное влияние на народные массы. В свою очередь и церковь, «главной статьей пополнения финансов которой являлись подаяния колониальной армянской буржуазии»², искала у нее поддержки и помощи.

¹ В. А. Дилоян, Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых (вторая половина XVIII века) (на арм. яз.), Ереван, 1966, стр. 258.

² В. А. Дилоян, указ. соч., стр. 260.

Изложенное выше соображение, однако, не исключает наличие противоречий (правда, пока еще подспудных) между церковью и торговой буржуазией, выразившихся прежде всего в том, что наиболее активные деятели армянской церкви (Иосиф Аргутинский) предлагали эчмиадзинскому католику взять в свои руки руководство нацией³, что, естественно, привело бы к гегемонии церкви во всех национальных делах. Ряд объективных и субъективных факторов помешали реализации планов Аргутинского. Став со временем католиком, Иосиф Аргутинский, видимо, собирался сам взяться за осуществление этой идеи, но скоростная смерть помешала претворению в жизнь его замыслов. Но идея была уже подана. Ее подхватили последователи и идейные преемники Иосифа—известный нам архимандрит Григорий и архиепископ Давид (в будущем—католикос).

Однако, как мы уже отмечали, первую скрипку в национальных делах торговая буржуазия* собиралась играть сама. И вот, в преддверии будущих боев за национальное освобождение, когда уже не было в живых Иосифа Аргутинского—одной из наиболее ярких фигур в руководстве армянской церкви периода второй половины XVIII в., когда сама торговая буржуазия настолько окрепла, что была уверена в своей силе, противоречия между последней и церковью из-за влияния в делах нации вообще и в освободительном движении в частности прорвались наружу.

Такова, на наш взгляд, истинная подоплека церковной борьбы Даниила и Давида, таковы внутренние пружины, которые толкали Лазаревых на активное участие в важных для нации событиях, завуалированных в оболочку традиционной борьбы за эчмиадзинский престол.

В этой борьбе Лазаревы и идущая за ними основная часть торговой буржуазии армянских колоний России приняли сторону слабохарактерного и нерешительного

³ См. там же, стр. 176.

* Особенно та ее часть, которая была сконцентрирована в армянских колониях России; ее руководителями являлись Лазаревы.

католикоса Даниела и его ближайшего сторонника архиепископа Ефрема, надеясь, что в случае победы партии Даниела они смогут целиком взять в свои руки руководство нацией. Неспроста поэтому архимандрит Григорий (сторонник Давида) не без сарказма писал о Лазаревых: «Пресыщаясь своим богатством (Лазаревы.—Ж. А.) тщатся кичливостью своею, непомерным любочестием и тщеславием превзойти истинную свою меру, и вперив в прочую нацию свою поразительное о богатстве и могуществе своем мнение, всякое желаемое ими производят в ней впечатление и по угодности своей волнование, желая и над самою церковною быть главою»⁴.

Острей борьбы было направлено против архимандрита Григория не столько потому, что он, имея связь с правительственными кругами, являлся очень сильным и опасным противником, сколько из-за того, что Григорий был наиболее ярким и последовательным проводником идей Иосифа Аргутинского, идей главенства церкви и католикоса. Понимая это, сторонники Давида—Григория писали даже так: «Что если им (Лазаревым.—Ж. А.) нужно было проглотить только архимандрита Григора, то сие не было бы для нас большой трагедией, но, поскольку их враждебная деятельность направлена против Католикоса, мы должны приложить все силы, чтобы их победить»⁵.

Для того чтобы лучше себе уяснить перипетии борьбы Даниела—Давида и в этой связи выявить роль Григорополя в событиях, захлестнувших армянские общества в России, необходимо вкратце остановиться на истоках этой борьбы.

В 1799 г. скончался католикос Гукас. По традиции эчмиадзинский престол должен был занять армянский патриарх в Константинополе Даниел. Турецкий султан издал даже ферман в пользу Даниела. Но вмешался Иосиф Аргутинский и с помощью русского правительства в 1800 г. добился своего назначения на пост католикоса всех армян. После смерти Иосифа (в Тифлисе, в

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 231—232, лл. 152—154.

⁵ Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 194.

марте 1801 г.) армянское патриаршество в Константинополе вновь выдвинуло кандидатуру Даниела. Но и на сей раз ему не суждено было возглавить эчмиадзинский престол. Архимандрит Григорий с помощью грузинского царевича Давида и ереванского хана в апреле 1801 г. добился возведения на престол архиепископа Давида, кандидатура которого получила одобрение московского правительства, поскольку как Григорий, так и Давид придерживались прорусской ориентации.

Действия Григория вызвали раскол не только в церкви. Во всех армянских колониях России и даже в Константинополе образовались две партии: партии Даниела и Давида. При этом надо оговорить, что крупная торговая буржуазия армянских колоний (ведомая Лазаревыми), за которой шла большая часть армянского общества, поддерживала Даниела и Ефрема. Таким образом, создавалась видимость, что колония в целом выступает против Григория-Давида. Так, например, было с Астраханской армянской колонией, общество которой в своих письмах и обращениях к Лазаревым и архиепископу Ефрему решительно выступило против назначения Григория начальником епархии обитающих в России армян⁶. Архивные фонды Матенадарана и ЦГИА СССР сохранили множество документальных свидетельств того, что примеру Астрахани последовали и другие армянские колонии: Моздок, Кизляр, Новая Нахичевань и, наконец, Григоринополь. Так, в письме к Ивану Лазареву от 29 мая 1801 г. (т. е. уже после возведения на престол Давида) григоринопольцы просили не назначать Григория архиереем к ним в город⁷.

Зная, что общественное мнение армянских колоний в России не может не повлиять на дела Эчмиадзина, Григорий и Давид, в свою очередь, чтобы склонить на свою сторону эту часть армянского народа, осуществили ряд мероприятий. Прежде всего, заняв эчмиадзинский престол, Давид разослал в армянские колонии России кондаки. Кондак Давида, посланный жителям Григориополя в июле 1801 г., формально излагал историю смерти

⁶ Там же, док. 72.

⁷ Там же, док. 101.

Иосифа, перенесения и погребения его останков. Однако на самом деле он преследовал цель перетянуть общественность Григориополя в свой лагерь⁹. Но эти действия не принесли успеха Григорию-Давиду, что видно из следующего инцидента. Князь Барсег Аргутинский (сторонник Григория) сейчас же по избрании Давида католикосом прибыл в Григориополь с новым патриаршим листом и с повелением Григория поминать в церквах Давида католикосом, а его, Григория,— преосвященным архиепископом, архиереем обитающих в России армян. Григориопольцы настороженно отнеслись к миссии Барсега, не внося даже патриаршего листа в церковь⁹.

Большие надежды в этой связи партия Давида связывала с поездкой Григория в Россию: посещение армянских колоний и русской столицы. Вояж вновь помазанного (июнь 1801 г.)¹⁰ архиепископа, помимо упомянутых выше задач, преследовал цель путем переговоров с членами правительства упрочить позиции Давида и добиться передачи в его руки руководства армянской епархией в России. Путь Григория лежал через Тифлис в Моздок. В столицу Грузии он прибыл 11 июля¹¹. Пробыв там около двух месяцев (в Тифлисе Григорий не терял времени даром, войдя в контакт с Кноррингом), он в конце августа приехал в Моздок. Оттуда Григорий намеревался поехать в Кизляр и Астрахань, а уже потом в Москву¹². Однако скоро, буквально через неделю, Григорий покинул Моздок и поехал в Новую Нахичевань и, не посетив Кизляра и Астрахани, из Нахичевани направился в Москву¹³.

⁹ «*Գրիգորի հայրը պատմութեան*», 1904, գիրք 2, стр. 195—197.

⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 178.

¹⁰ «*Գրիգորի հայրը պատմութեան*», գիրք 2, стр. 197.

¹¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 90; см. также ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 231—232, лл. 118—119. В связи с этой датой любопытно отметить, что сам Григорий в своих воспоминаниях, написанных, по всей вероятности, позднее, время прибытия в Тифлис неверно помечает концом августа 1801 г. См. Матенадаран, архив католикосата, папка 10, док. 56.

¹² Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 90.

¹³ Там же, папка 10, док. 56.

Что же случилось в Моздоке, какие обстоятельства способствовали изменению маршрута Григория? Анализ ряда архивных документов помогает нам ответить на эти вопросы. Во-первых, надо отметить, что моздокская армянская колония холодно приняла Григория*. Ему не удалось договориться с армянским обществом Моздока. Этого было достаточно, чтобы понять: ворота Кизляра и тем более Астрахани для него закрыты. Поэтому Григорий сделал попытку найти общий язык с обществом Новой Нахичевани—одной из крупных армянских колоний в России,—что ему в значительной степени и удалось сделать. Прежде чем ответить на вопрос, каким образом отразились события в Моздоке на тактике Григория, попытаемся объяснить причину провала миссии Григория в Астрахани и северокавказских армянских колониях и успеха в Новой Нахичевани, а в дальнейшем и в Григориополе.

Дело, на наш взгляд, заключается в том, что партия Григория-Давида не имела успеха в тех армянских колониях, где была сосредоточена прослойка наиболее крупной армянской торговой буржуазии. Известно, что такими городами были Петербург (Лазаревы) и Астрахань. Северокавказские же колонии (Моздок, Кизляр), будучи в тесной экономической связи с армянским купечеством Астрахани, не могли не поддерживать позиции последнего. Что же касается Новой Нахичевани и Григориополя, то здесь наблюдается несколько иная картина. В этих колониях (особенно в Григориополе) в рассматриваемое время** процентное соотношение крупного и мелкого купечества было не в пользу первых¹⁴. Мелкое купечество не выдерживало конкуренции своих богатых собратьев по классу, экономически было слабо. Оно еще не могло выступить против существовавших в нации традиций, оно пока подчинялось церкви. Неудивительно поэтому, что в какой-то степени оплотом Григория в даль-

* Подробности о моздокском инциденте см. Матенадаран, архив католикосата, папка 11, документы 112, 116, 134.

** Нельзя забывать, что как Новая Нахичевань, так и Григориополь возникли сравнительно недавно.

¹⁴ См. В. Б. Бархударян, указ. соч., стр. 274.

нейшем стали Новая Нахичевань и Григориполь, хотя «богачи» Григориполя, по признанию самого Григория, его не поддерживали¹⁵.

Возвращаясь к событиям августа месяца 1801 г., нельзя не заметить, что по приезде Григория в Новую Нахичевань его тактика существенно изменилась. Если раньше в своих письмах к Ивану Лазареву (по дороге в Моздок он ему написал три письма) Григорий, не стесняясь в выражениях, поносил Ефрема, стараясь убедить Лазаревых, «что они ...будут (им.—Ж. А.) довольны, а не так как [они] думают»¹⁶, то, уезжая из Новой Нахичевани в Москву, он приказывает духовенству помнить в церквях города архиепископа Ефрема¹⁷. Это объясняется следующим. Во-первых, сам факт, что все три письма, направленные к Ивану Лазареву, остались без ответа, должен был его насторожить. Во-вторых, в Нахичевани Григорию, видимо, дали знать, что Ефрем и Лазаревы с помощью влиятельных в правительстве лиц подготавливают почву для возведения на эчмнадзинский престол Даниела, а самому Ефрему прочат пост начальника спархин. Поэтому он по совету своих сторонников спешно покидает Нахичевань, чтобы к 15 сентября (ко дню коронации Александра I) успеть в Москву и, предупредив события, договориться с Ефремом. Но и на сей раз у Григория ничего не вышло: Ефрем дважды отверг его предложение о встрече¹⁸.

Ни к чему не привели также переговоры Григория с членами правительства. Последние главным образом поддерживали Лазаревых. Результатом всего этого явилось то, что 14 октября 1801 г. последовал царский указ о назначении Ефрема архиепископом российских армян¹⁹. Одновременно с этим русское правительство предпринимает ряд конкретных шагов с целью посадить на эчмнадзинский престол Даниела*. Заручившись под-

¹⁵ Матенадаран, архив католикосата, папка 10, док. 56.

¹⁶ Там же, папка 11, док. 90.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 231—232, л. 132.

¹⁸ Матенадаран, архив католикосата, папка 10, док. 56.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 231—232, л. 178.

* 25 мая 1802 г. в Бакреване Даниел был помазан католикосом. См. Матенадаран, архив католикосата, папка 12, док. 72.

держкой правительства и уже имея официальные полномочия, Ефрем (видимо, по совету Лазаревых) 1 октября 1801 г. подает на имя императора рапорт, в котором просит, чтобы правительство принудило Григория отчитаться в суммах, взятых им у обществ армянских колоний, в частности в Григоріополе²⁰. Речь шла об индийских товарах, о 25 тыс. рублей, отпущенных правительством для строительства в Григоріополе соборной церкви и других суммах.

Для того чтобы разобраться в этих вопросах, вернемся к событиям конца XVIII века. Еще при жизни Иосифа Аргутинского для сбора денег в благотворительных целях в Индию был отправлен протопоп Стефан. Собранные им деньги были обращены в товар и через английскую контору Давида Скотта препровождены в Копенгаген. Товары принял представитель Иосифа — Манучаров, которому за провоз, страховые и другие издержки предъявили счет на сумму в 40 тыс. руб. Однако ни Манучаров, ни кто другой не пожелали выплатить эти деньги. Поэтому лучшая часть товаров была продана с аукциона, а оставшийся товар (среди которого находился материал сорта «мармар») в 1799 г. беспошлинно был доставлен в Москву к Авету Калустову для распродажи²¹. Тем не менее продажей индийских товаров руководил сам Иосиф, который передал все счета в руки Григория. По указанию Иосифа товары были пересланы в Грузию²², Астрахань и Бендеры²³. Девять сундуков с индийскими товарами были доставлены и в Григоріополь, из коих четыре отправлены для распродажи в Константинополь²⁴. После смерти Иосифа Аргутинского городские власти Григоріополя приняли решение запечатать сундуки с товарами в кладовых магистрата²⁵. Вся эта

²⁰ Матенадаран, архив католикосата, папка 14, док. 6.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 231—232, л. 165; Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 97.

²² ЦГИА СССР, там же, л. 57—57 об.

²³ Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 97.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 146, л. 13 об.

²⁵ Матенадаран, архив католикосата, папка 12, док. 2.

история с индийскими товарами поставила перед общественностью армянских колоний ряд вопросов, которые необходимо было выяснить. Во-первых, куда делись деньги от продажи большей части товаров и, во-вторых, кому должна принадлежать их оставшаяся часть. Но так как все счета находились в руках Григория, естественно, после смерти Иосифа первый вопрос мог бы быть обращен только к нему.

История упомянутых 25 тыс. рублей довольно запутана. Недаром новороссийский губернатор герцог Ришелье сетовал в свое время: «Употребление (церковных—Ж. А.) сумм до того запутано, что чрез несколько лет ни правительство, ни народ добиться до истины не могут»²⁶. Анализ сохранившихся по этому делу документов помогает нам восстановить подлинную картину происшедшего. Как известно, в числе сумм, отпущенных правительством для Григорополя, были 25 тыс. рублей, предназначенных для строительства в городе соборной церкви. По смете, составленной инженером Деволаном, на постройку этой церкви должно было пойти больше 40 тыс. рублей. Архимандрит Григорий, будучи в это время архиереем григорипольских армян, взялся построить церковь за 25 тыс. руб., с условием, если все деньги и строительство перейдут в его руки. В целях экономии средств правительство согласилось с предложением Григория²⁷. Однако церковь не была построена. Из 25 тысяч лишь небольшая часть денег пошла на приобретение стройматериалов²⁸. Остальная сумма была увезена Григорием в Петербург к Иосифу Аргутинскому, который взамен денег переслал в Григориполь индийские товары²⁹. Стало быть, деньги, вырученные от продажи этих товаров, должны были покрыть долг Иосифа в сумме 25 тыс. рублей.

Таким образом, у обществ армянских колоний в

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 72, л. 1 об.

²⁷ Там же, д. 231—232, лл. 162—163.

²⁸ Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 103.

²⁹ Там же, док. 98.

России имелись свои счета с Григорием: они требовали, чтобы он отчитался как за индийские товары, так и за 25-тысячную сумму. Это обстоятельство умело использовали Лазаревы и Ефрем, в их руках оно послужило козырем в борьбе против партии Григория-Давида.

Понимая, что ему не избежать отчетности, Григорий, будучи еще в русской столице, просил правительство разрешить ему как в казенных, так и в национальных расходах отчитаться в Петербурге³⁰. Здесь он рассчитывал на протекцию некоторых влиятельных лиц. Но правительство не вняло просьбе Григория, постановив выслать его на постоянное жительство в Новороссийский край (выбор этого края был сделан самим Григорием)³¹ с назначением ему ежегодной пенсии в количестве 1000 рублей³². В этой истории любопытна следующая деталь: в течение всего рассматриваемого периода (1802—1803) Ефрем добивался, чтобы провинившийся архиепископ был послан именно в Григоріополь³³. Григорий намеренно затягивал свой выезд из столицы, входя в правительство каждый раз с новой просьбой: то он ставил вопрос о разделе российской епархии на две части с передачей в его ведение Новой Нахичевани, Крыма и Григоріополя³⁴, то просил разрешения выехать на три года в Иерусалим³⁵. Однако ни одна из просьб не была удовлетворена. В феврале 1803 г. правительство дало предписание санкт-петербургскому обер-полицмейстеру генералу Эртелю о высылке Григория из столицы. В конце этого же месяца армянский архиепископ покинул Петербург³⁶.

По прибытии в Екатеринослав Григорий объявил губернатору Миклашевскому, что местом своего жительства он выбирает Новую Нахичевань. Но по прошествии

³⁰ Там же, док. 103.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 231—232, л. 7.

³² Матенадаран, архив католикосата, папка 15, док. 58.

³³ Там же, папка 11, док. 114; см. также ЦГИА СССР, ф. 1286, сп. 1, д. 231—232, л. 59 об.

³⁴ Матенадаран, архив католикосата, папка 10, док. 56.

³⁵ Там же; см. также, ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 231—232, лл. 61—61 об.

³⁶ Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 140.

некоторого времени он неожиданно уехал в Григорнополь, мотивируя свое решение тем, что он обязан отвести возведенные на него наветы, связанные с Григорнополем и григорнопольцами³⁷. Двух мнений тут не может быть: Григорий понял, что на этом этапе—главное смыть с себя пятно расхиителя общественных средств. Лишь после этого он мог рассчитывать на признание общественности и правительства. Реабилитация Григория, возобновление строительства соборной церкви в Григорнополе и получение индийских товаров— все эти вопросы были взаимно связаны. Поэтому Григорий так же, как и в 1802 г., стал добиваться, чтобы правительство и местная власть передали в его руки индийские товары и разрешили бы начать строительство церкви. Но и в этом вопросе правительство поддержало Ефрема. Еще в марте 1802 г. генерал-прокурор Беклешев писал новороссийскому губернатору, что строительство соборной церкви уже не может явиться правом архиепископа Григория³⁸.

Однако Григорий не складывает оружия. Для закрепления своих позиций он предпринимает следующие шаги. Во-первых, еще до приезда в Григорнополь он заручается поддержкой наследников Иосифа Аргутинского, запросив у них письменное свидетельство о том, что племянники Иосифа не имеют к нему никаких имущественных претензий³⁹. Во-вторых, будучи уже в Григорнополе, такую же расписку он получает из григорнопольского магистрата⁴⁰. Этот шаг руководства армянского города выглядит на первый взгляд странным, поскольку известно, что тот же григорнопольский магистрат еще совсем недавно выступал против Григория. Дело здесь заключается в том, что по приезде в Григорнополь к нему переметнулась большая часть купечества и часть населения, недовольная узкоклассовой политикой магистрата, благо-

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, 231—232, лл. 94—95 об.

³⁸ Там же, лл. 78—79 об.

³⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 97 и 98; см. также, ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 2, л. 2.

⁴⁰ Матенадаран, архив католикосата, папка 116, док. 115.

даря чему сторонникам Григория удалось добиться смены руководства магистрата и думы. Григорий ловко использовал противоречия, имевшиеся между крупным и мелким купечеством*, между народными массами и торговыми воротилами, занимавшими командные посты в городе. В результате всех этих действий большинство григоріопольцев перешло в его лагерь, что, естественно, облегчило получение упомянутой расписки, которую, кстати сказать, отказались подписать наиболее крупные григоріопольские купцы⁴¹.

В связи с изложенными обстоятельствами интересно отметить, что против Григория выступило григоріопольское духовенство, принадлежавшее к партии Ефрема-Даниела, о чем, например, свидетельствует следующий инцидент. Известный нам помещик Барсег Аргутинский, встретив в гостинице Григоріополя местного протоиерея Ованеса Енгибарова, стал поносить Даниела. Когда же Енгибаров напомнил своему собеседнику, что Даниел утвержден католикосом самим царем, Аргутинский начал бранить и царя, заявив, что он не признает его повелений. Разумеется, о поведении князя Аргутинского было доложено высшему начальству, от которого он и получил строгий выговор⁴².

Получив сведения о том, что Григорий находится в Григоріополе, Лазаревы и Ефрем послали туда архимандрита Манвела. Последний еще в 1802 г. служил в армянском патриаршестве Константинополя. В конце 1802 г. Манвел под вымышленным именем Карапета через Западную Европу приехал к Лазареву в Петербург и включился в борьбу против Григория-Давида⁴³. Наиболее яркой страницей деятельности Манвела является его служба на посту архиерея григоріопольских армян. Официально на эту должность он был назначен 1 апреля

* Вспомним, что прошел всего год, как кончились события, связанные с классовой борьбой в Григоріополе.

⁴¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 10, док. 56.

⁴² Там же, папка 11, док. 140; см. также ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 231—232, лл. 84—85 об.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 231—232, лл. 28—29 об.

1804 г.⁴⁴ Лазаревы (на деньги которых он поехал в Новороссию⁴⁵) и Ефрем поставили перед Манвелом главным образом две задачи: добиться, чтобы Григорий отчитался перед общественностью Григоріополья за 25-тысячную сумму, и вывести общественность города из-под влияния Григория.

В армянский город Манвел приехал 21 мая⁴⁶. В своих мемуарах он, не скрывая, писал, что жители Григоріополья оказали ему очень холодный прием⁴⁷. Спустя три дня после прибытия Манвела в Григоріополь жители города через своего представителя Смбата Сантурова официально ему объявили, что не желают иметь в своем городе духовное правление⁴⁸. Члены магистрата, в свою очередь, чинили Манвелу всякие препятствия. Ненависть к Манвелу порой доходила до смешного, о чем свидетельствует наглядно следующий курьезный случай. Направлявшийся из Турции в Крым известный армянский историк Микаел Чамчян, прибыв в Григоріополь, стал искать Манвела. Не найдя его, он обратился в городской магистрат с просьбой указать ему дорогу в Крым. Члены магистрата направили Чамчяна в противоположную сторону. Спустя некоторое время, когда он вынужден был вновь вернуться в Григоріополь, те же лица отправили его на сей раз по дороге в Одессу⁴⁹. За всеми этими действиями была видна рука опытного дирижера — архиепископа Григория. Разумеется, в таких условиях было трудно чего-либо достичь. Поэтому Манвел поставил своей первоочередной задачей укрепить в колонии положение духовенства и добиться признания духовного правления, что было достигнуто ценой поездки в губернский город и переговоров с гражданским губернатором⁵⁰.

Целью Манвела являлось также разоблачение Гри-

⁴⁴ Матенадаран, архив католикосата, папка 12, док. 11.

⁴⁵ Там же, папка 39, док. 303.

⁴⁶ «Գրիգորի հայոց պատմություն», 1917, գիրք ԺԲ, стр. 41.

⁴⁷ Там же, стр. 43.

⁴⁸ ЦГИА Армянской ССР, ф. 56, оп. 3, л. 22, лл. 198—301.

⁴⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 15, док. 60.

⁵⁰ Там же.

горня в глазах григоринопольского общества. Поэтому он, помятуя наказ Ефрема, просит у губернских властей, чтобы они заставили Григория отчитаться в общественных суммах. Однако распоряжение губернатора Окулова о том, чтобы Григорий отчитался в своей хозяйственной деятельности в присутствии Туманова, Сатова и третьего лица, выставленного Ефремом, не достигло своей цели⁵¹. Во-первых, потому, что архиепископа продолжал поддерживать григоринопольский магистрат, который никак не хотел представить комиссии нужные ей документы; во-вторых, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что вновь назначенный на пост херсонского генерал-губернатора герцог Ришелье фактически принял сторону Григория.

В создавшейся обстановке, когда каждое начинание Манвела вызывало противодействие магистрата, распродажу индийских товаров, осуществленную под наблюдением сторонников Ефрема, можно зачислить в актив Манвела. Последний (в этом ему помогал и Ефрем) добивался, чтобы правительство разрешило ему реализовать упомянутые товары. Наконец, получив на это санкцию министра внутренних дел, весной 1805 г. в Одессе Манвел организовал распродажу индийских товаров⁵². Вырученные за них деньги были посланы Ефрему.

Итак, мы видим, как трудно приходилось Манвелу без поддержки общественности Григориополя. Сознывая это, посланник Лазаревых пытался найти брешь в стане Григория. В частности, он умело использовал то обстоятельство, что некоторая часть городского купечества выражала явное недовольство действиями Григория, наложившего арест на почту в Константинополь и Смирну⁵³. Другой тактический ход Манвела, направленный фактически против Григория и его сторонников, заключался в том, что глава григоринопольского духовенства активно

⁵¹ Там же, папка 11, док. 103.

⁵² Там же, папка 16, док. 45; см. также ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 231—232, лл. 100—105 об.

⁵³ Матенадаран, архив католикосата, папка 16, док. 90.

взялся за организацию в армянской колонии школы. В своих мемуарах, опубликованных в «Архиве армянской истории», Манвел, касаясь жителей Григорнополя, писал, что мужчины за малым исключением знали родной язык, а женщины же им почти не владели, поэтому и их дети постоянно говорили на турецком языке. «И я,—продолжал Манвел,—не в состоянии был лицезреть более столь бедственное состояние нации моей»⁵⁴.

Документы, хранящиеся в Матенадаране в фонде Лазаревых, свидетельствуют о том, что Манвел, будучи в русской столице, в беседе с Лазаревыми коснулся вопроса просвещения армян в городах-колониях. «Я напому Вам,—писал он впоследствии к Лазаревым,—слова, сказанные в Петербурге. Нашей нации недостает образованных людей. Откуда же они могут быть, если нет порядочных школ. Прибыв сюда из Петербурга, я постараюсь привести в исполнение Ваши благие намерения. Архиепископ нашей епархии (Ефрем.—Ж. А.) с начала года заплатил расходы школы. Надеемся, что в будущем и с Вашей стороны будет какая-либо помощь»⁵⁵.

«Благие намерения» состояли в том, чтобы основать в Григорнополе школу. Однако в процессе решения этого вопроса Манвел столкнулся с рядом трудностей. Во-первых, как и следовало ожидать, он встретил оппозицию сторонников Григория, которые опасались, чтобы инициативой в этом важном для армянской колонии деле не завладели Манвел и его последователи. Ведь недаром в письме Манвела к Лазареву мы встречаем следующие строки: «Противники усилились и приостановили дело школы»⁵⁶. Другая трудность заключалась в полном отсутствии средств и преподавательских кадров. Благо, что в первом вопросе на помощь пришел Ефрем, а впоследствии и известный нам Сатов, пожертвовавший на школу три тысячи рублей⁵⁷. Но надо было подумать также и о будущем. Этим и объясняется просьба Манвела в

⁵⁴ «Գրիգորի հայոց պատմութեան», գիրք ԺԲ, стр. 53.

⁵⁵ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 6, папка 102, док. 142.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Գրիգորի հայոց պատմութեան», գիրք ԺԲ, стр. 54.

вышеизложенном письме. В отношении же преподавателей на первых порах также нашелся выход. В своих записях Манвел указывает: «Когда увидел, что неоткуда ждать помощи, подготовил я в архиерейском доме комнату, пригласив в качестве учителя священника Георга, мы вдвоем начали обучение детей, которых собралось более 80-ти»⁵⁸.

По свидетельству самого Манвела, в Григориополе армянская школа была открыта в 1806 г.⁵⁹ Большинство учащихся являлось детьми бедноты. Например, из 80 учеников только 20 детей были сыновьями зажиточных людей⁶⁰. Как пишет об этом сам Манвел, для нуждающихся детей была куплена одежда.⁶¹

Письмо Манвела помогает нам выяснить также организационную структуру григоринопольской школы. Учащиеся, по степени сложности изучаемых дисциплин, были разбиты на группы. В первой группе проходили лишь язык (армянский)—чтение и письмо. Следующая группа одновременно изучала богословие. Существовала и группа обучавшихся арифметике. А наиболее успевающим детям преподавалась грамматика⁶².

О первых успехах григоринопольской школы сообщает тот же Манвел. «И вот,—пишет он в своих заметках,—что важнее всего,—они (ученики.—Ж. А.) в течение двух лет выучились хорошо говорить по-армянски и даже родителей своих научили родному языку»⁶³. В другом документе Манвел пишет приблизительно то же самое: «...И многие, которые не знали раньше языка армянского и не могли вести себя в обществе, теперь же, выучившись языку, читают прилично»⁶⁴.

Несмотря на достигнутые успехи, школьные дела продвигались с большим трудом. Основная трудность заключалась в том, что отсутствовала материальная ба-

⁵⁸ Там же, стр. 53.

⁵⁹ Там же, стр. 54.

⁶⁰ Матенадаран, архив Лазаревых, д. I, папка 102, док. 142.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ «Գրիգորի հայոց սրտմտութեան», գիրք ԺԲ, стр. 53.

⁶⁴ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 6, папка 102, док. 142.

за и не было дотаций. По мысли Манвела, школа должна была существовать на благотворительные средства. Особую надежду, как мы в этом убедились выше, он возлагал на помощь Лазаревых. Поэтому Манвел ухватился за те деньги, которые, по завещанию Ив. Лазарева, были перестаны в начале XIX столетия в Григориополь в дар армянскому обществу. Но градоначальник армянского города Арутюн Попов, которого Манвел в своих письмах называет «душевным братом архиепископа Григория», видимо, не без подстрекательства последнего, предназначил эти деньги израсходовать по прямому назначению, т. е. раздать бедным, сиротам и вдовам. В этой связи Манвел, ратовавший за передачу упомянутых денег школе, не без сарказма писал: «...Нынешний глава Арутюн Попов... прочитав в завещании, что эти деньги предназначены для бедных, сирот и вдов, лишил школу средств; и теперь эти деньги гложут слепые дураки и идиоты и никто не понимает, что, если даже кто и станет царем, то без мудрости он беден. Но мы надеемся, что желание Ивана (Лазарева.—Ж. А.) заключалось не в том, чтобы нация армянская состояла бы из немощных сирот и вдов, нуждающихся в его средствах, а он подразумевал, что деньги эти будут употреблены на пользу нации в целом»⁶⁵.

Манвел прилагал все усилия, чтобы проценты, полностью получаемые с оборота дарственной суммы, были переданы школе. «Известно,—пишет он Лазаревым,—что годовые проценты денег составляют 1230 рублей. И если эти деньги разделить между сотней нищих, то каждому достанется по 12 рублей. А разве они обогатятся на эти деньги?»⁶⁶. Противники Манвела со своей стороны старались противодействовать его замыслам. В письме к Лазаревым они писали, что Манвел раздробил процентную сумму на четыре части, из коих только 175 рублей пошли на пользу бедным. «Какая польза для бедных?»⁶⁷—восклицали они в своей жалобе. Авторы письма в конце просили распоряжения о том, чтобы все процентные деньги пошли бы по назначению, т. е. на пользу бедным.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

В конечном итоге школьная борьба закончилась своеобразным компромиссом обеих сторон. Как свидетельствуют ведомости, хранящиеся в Матенадаране в фонде Лазаревых, упомянутые выше процентные деньги были разделены на две основные части, которые предназначались как для бедноты, так и для школы. Однако, несмотря на эту субсидию, григориопольская школа долгие годы нуждалась еще в хороших преподавательских кадрах и полноценных учебных пособиях. Даже в 60-х годах XIX в. эта проблема полностью не была решена. Приехав в апреле 1863 г. в Григориополь, начальник Нахичевано-Бессарабской епархии архиепископ Габриел Айвазовский вынужден был констатировать, что в армянской школе «чувствуется ощутительный недостаток в дельных руководствах и учебниках для первоначального обучения». Поэтому он распоряжается, чтобы в армянские колонии Бессарабии и Молдавии (в том числе и в Григориополь) были направлены учебники, отпечатанные в типографии Халибовского училища. Вместе с тем, по указанию Айвазовского, туда же были направлены в качестве учителей и выпускники этого училища⁶⁸.

Таким образом, в Григориополе начала функционировать первая школа. Надо отметить, что учреждение в армянском городе школы официальные ведомости и некоторые авторы неверно относят к марту 1816 г. Так, Ф. Ляликов в статье «Исторический и статистический взгляд на успехи умственного образования в Новороссийском крае» писал следующее: «В Григориополе приходское училище было учреждено 11 марта 1816 года»⁶⁹. Это несоответствие с данными, приведенными выше, объясняется, по всей вероятности, тем, что в начальный период своего существования армянская школа не была взята на учет губернским правлением. Поэтому в издаваемых статистических ежегодниках «Новороссийский календарь» сведения о григориопольской школе помечены более поздним числом.

⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 67, д. 95, лл. 1—2.

⁶⁹ ЗООИД, т. II, отделение первое, Одесса, 1848, стр. 333.

Забегаая вперед, необходимо отметить, что в середине XIX столетия в Григоріополе, помимо армянской, функционировали еще две другие школы: русское приходское училище⁷⁰ и еврейская молитвенная школа⁷¹.

Деятельность Манвела в организации школы принесла свои положительные результаты. Авторитет григоріопольского архимандрита стал все более возрастать. Определенные слои армянского общества в 1806—1807 гг. уже открыто возмущались действиями Григория и членов магистрата, о чем, например, свидетельствует следующий факт. В апреле 1808 г. руководство магистрата объявило, что жителям города не нужна школа. Но, увидев, что народ не поддержал магистратскую верхушку, последняя пошла на попятную, заявив, что выступает лишь против передачи школы в ведомство духовного правления⁷². Жители армянской колонии прекрасно понимали, кто направляет действия городских властей. В письме к Минасу Лазареву они даже просят убрать из их города как Григория, так и полицмейстера Германа⁷³. Но до окончательной победы над архиепископом было еще далеко, тем более, что его защищала местная администрация. Чтобы сломить сопротивление Григория и подорвать его влияние в кругах, поддерживавших архиепископа как посланца Давида, церковный собор Эчмиадзина (видимо, не без подсказки Лазаревых) в 1806 г. отлучает Григория от церкви. В мае того же года решением правительства он изгоняется из Григоріополя⁷⁴.

В своих воспоминаниях отлученный от церкви архиепископ писал, что в то время ему ничего не оставалось, как послушаться герцога Ришелье и с 80-летней матерью временно выехать в Кишинев. Через 44 дня, пишет далее Григорий, он был вызван тем же герцогом обратно в Григоріополь. Здесь он застал Ефрема и самого Ришелье,

⁷⁰ «Новороссийский календарь на 1873 год», Одесса, 1872, стр. 90.

⁷¹ «Труды Херсонского губернского статистического комитета», кн. 1, ч. II, Херсон, 1863, стр. 89.

⁷² Матенадаран, архив католикосата, папка 19, док. 81.

⁷³ Там же, папка 18, док. 59.

⁷⁴ Там же, папка 17, док. 23.

который посоветовал Ефрему быть любезным с Григорием и не слушаться Лазаревых. Видя, что херсонский генерал-губернатор поддерживает Григория, Ефрем предложил соглашение с ним, состоящее из двух пунктов: Григорий должен признать Даниела как католика; прощая все его долги, Ефрем предложил ему возглавить духовенство Новой Нахичевани. Однако эти переговоры не дали никаких результатов, так как Григорий не принял этих условий⁷⁵.

Последующий ход событий помогает нам выяснить причину столь непримиримой позиции, которая была занята Григорием во время переговоров с Ефремом. Как известно, в 1806 г. началась русско-турецкая война. Командованию русских войск, действовавших в Молдавии и Бессарабии, нужны были люди, хорошо знавшие местные условия и имевшие влияние на жителей, находившихся под пятою турецких завоевателей. Именно таким человеком был Григорий, который, являясь выходцем из Бессарабии, еще в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. оказал немалые услуги русскому командованию. Получив от Ришелье паспорт на выезд за границу, он 3 февраля 1807 г. тайно от григориопольцев выезжает в Молдавию к войскам генерала И. И. Михельсона, с которыми доходит до Бухареста⁷⁶.

Общественность григориопольской колонии, как мы уже отмечали, к рассматриваемому времени разделилась на два лагеря. Сторонники Манвела и Ефрема поставили вопрос о возвращении Григория в город и о принуждении его отчитаться в 25-тысячной сумме и индийских товарах. Требования григориопольцев были переданы Ефремом в русскую столицу, в результате чего правительство принимает решение создать особую комиссию для расследования хозяйственной деятельности Григория.

Указ об организации комиссии последовал в августе 1807 г.⁷⁷, то есть тогда, когда самого Григория еще не было в армянской колонии. Он был отозван в Григориополь

⁷⁵ Там же, папка 10, док. 56.

⁷⁶ Там же, папка 11, док. 103, папка 10, док. 56.

⁷⁷ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. I, д. 2. л. 10.

лишь в сентябре⁷⁸. Губернские власти не спешили с началом расследования хозяйственной деятельности Григория. Распоряжение о передаче всех бумаг по делу армянского архиепископа председателю комиссии—президенту Херсонской казенной палаты Б. Б. Лопатинскому последовало только в январе 1808 г. Но и после этого дело не сдвинулось с места, так как 11 марта 1808 г. комиссия лишь формально приступила к своим обязанностям⁷⁹. Прежде всего палки в колеса вставлял сам Ришелье. Он еще в декабре 1807 г. направляет Лопатинскому подробную инструкцию для руководства в его деятельности как председателя комиссии⁸⁰. Однако не успел Лопатинский приступить к своим обязанностям, как Ришелье послал его для какой-то проверки в ближайшие деревни, вследствие чего другие члены комиссии (представители от Новой Нахичевани и Григориополя) остались без дела⁸¹. Вскоре герцог Ришелье, идя на явное нарушение царского указа, переводит комиссию из Григориополя в Херсон, из-за чего члены комиссии—представители обществ Новой Нахичевани и Григориополя отказались от работы и на их место вынуждены были взять других⁸².

Нормальному ходу работы комиссии препятствовала не только одна губернская администрация, но и также руководство григориопольского магистрата. В бытность членом комиссии в Григориополе последние изъявили желание расследовать не только историю соборной суммы и индийских товаров, но и тщательно изучить дела городского магистрата, что, естественно, не понравилось магистратской верхушке⁸³. С целью выгородить себя и Григория городской глава и его сторонники намеренно затягивали работу комиссии, делая все возможное, чтобы она скорее покинула пределы Григориополя⁸⁴. Докумен-

⁷⁸ Матенадаран, архив католикосата, папка 18, док. 139.

⁷⁹ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. I, л. 2, л. 16.

⁸⁰ Там же, л. 40.

⁸¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 19, док. 47.

⁸² Там же, папка 11, док. 120.

⁸³ Там же, папка 19, док. 19 и 47.

⁸⁴ Там же, док. 81.

ты, отображающие деятельность комиссии в 1808 г., проливают свет на одно весьма интересное явление. Выясняется, что в рассматриваемое время в среде руководства армянской колонии также наметился раскол: многие члены магистрата, как прежде, уже не поддерживали Григория, стараясь быть или лояльными, или же открыто выступали за Манвела⁸⁵.

Однако при всем этом, несмотря даже на наличие отмеченной выше тенденции, городская верхушка вплоть до 1810 г. старалась во всем угодить Григорию. В этой связи следует отметить, что Лазаревым, руководившим борьбой против Григория, не совсем была ясна расстановка сил в Григориополе. В письме к судьям и членам армянского магистрата они несколько недоумевали: как это получается,—с одной стороны, жители города просят помочь им избавиться от Григория, с другой—магистрат защищает отлученного от церкви архиепископа. Если григоринопольский магистрат, писали Лазаревы, будет поддерживать Григория, то они откажутся впредь от защиты интересов Григориополя⁸⁶. Нотки ультиматума имелись и в другом, исходящем от Лазаревых, документе. В письме к григоринопольцам Минас Лазарев советует полностью отвернуться от Григория, предупреждая при этом, что если какая-либо бумага выйдет из города без подписи Манвела и Ефрема, то она не будет ими принята⁸⁷.

Но даже угроза влиятельных Лазаревых не помогла делу. Григоринопольский магистрат продолжал поддерживать архиепископа. И это в значительной мере способствовало тому, что от Григория так и не удалось добиться отчетности. Созданная по указу царя комиссия вынесенную резолюцию о том, что «патриарх Иосиф 25 тыс. из казны пожалованных и другие 25 тыс. армянами присланные зачел в свои издержки на ...[общественные] постройки, а товары в виде собственных назначил уже на пополнение первых 25 тысяч», передала на рассмотрение

⁸⁵ Там же, док. 47.

⁸⁶ Там же, папка 17, док. 63.

⁸⁷ Там же, папка 39, док. 303.

Коллегии иностранных дел⁸⁸. Позиция, занятая магистратом в вопросе Григория, помимо отмеченных причин, объяснялась той протекционной политикой, которая проводилась властями в отношении архиепископа Григория Захаряна.

Интерес царского правительства к армянскому архиепископу был небескорыстный. В период кампании 1806—1812 гг. русское правительство с целью ориентации христианских народов (находившихся под пятою Турции) на Россию стало посылать в Молдавию и Валахию в качестве духовных проповедников своих людей. Одним из этих лиц являлся, например, митрополит Борель, которого русское правительство собиралось поставить во главе молдавских греков⁸⁹. Возглавить армян Молдавии и Валахии главнокомандующий князь Прозоровский предложил архиепископу Григорию, что, разумеется, было сделано не без протекции герцога Ришелье. Григорий не только согласился, но и, что особенно следует подчеркнуть, использовал это обстоятельство в борьбе против Ефрема и Даниела. Летом 1808 г. к правительству обратились как молдаво-валахский экзарх митрополит Гавриил, так и князь Прозоровский. Оба они подчеркивали, «что для обитающих в... областях (Молдавии и Валахии.—Ж. А.) армян необходимо... определить особаго пресвященника армянского, который бы никак не зависел ни от константинопольского, армянского архиерея, ни от армянского патриарха» в Эчмиадзине⁹⁰. На должность епархиального архиерея армян Молдавии и Валахии оба они рекомендовали «живущего... в городе Григориополе армянского архиепископа Григория»⁹¹. Нетрудно догадаться, что этот шаг Григория целиком был направлен против Ефрема—Даниела.

Узнав о намерениях Григория, сторонники Даниела

⁸⁸ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. 1, д. 2, л. 35 об.; Матенадаран, архив католикосата, папка 11, док. 120.

⁸⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 19, док. 47.

⁹⁰ Там же, папка 11, док. 105 и 120.

⁹¹ Там же.

всполошились. Они предприняли ряд ответных действий, которые должны были сорвать планы Григория. Во-первых, основываясь на том, что, не имея своей епархии, некоторые армянские церкви Молдавии, Валахии подчинялись григорнопольскому духовному управлению, Ефрем послал с целью выяснения обстоятельств дела архимандрита Манвела в Молдавию⁹². Во-вторых, вскоре сам Ефрем был назначен католикосом Даниелом архиепископом и руководителем молдавской армянской епархии⁹³. Назначение Ефрема на этот пост юридически обосновывалось (в письмах Даниела и Ефрема к членам правительства) тем обстоятельством, что молдавская епархия по традиции всегда принадлежала архиепископу, возглавлявшему армянский монастырь св. Креста в Крыму⁹⁴. Далее. Католикос Даниел, с одной стороны, посылает проживавшим в Молдавии и Валахии армянам грамоту, упрекая их за признание Григория и негодуя, что они обратились к австрийскому императору с просьбой назначить к ним в епископы Григория; с другой стороны, — просит Александра I дать командующему русских войск в Молдавии официальное указание о том, чтобы он оказал содействие Ефрему, назначенному Эчмиадзинским монастырем армян в Молдавии и Валахии. В этом же обращении к царю содержится просьба выслать Григория в ахпатский монастырь под присмотр архиепископа Иоаннеса⁹⁵.

Сторонники Даниела и Ефрема всеми мерами старались предотвратить отделение молдавских армян в особую, независимую от Эчмиадзина епархию. В мае 1808 г. Манвел писал Ефрему: «Если Вы не поспешите и не добьетесь указа царя для заполучения молдавской епархии, то знайте, Молдавия останется за Григорием»⁹⁶. Однако вопрос решился не в пользу Ефрема. Решением правительства в мае 1809 г. молдавская епархия была

⁹² Там же, папка 21, док. 34, папка 11, док. 122.

⁹³ Там же, папка 11, док. 122.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, папка 19, док. 93 а, б, д.

⁹⁶ Там же, док. 47.

передана архиепископу Григорию⁹⁷. Во всей этой истории любопытна одна деталь: на сей раз Лазаревы не смогли оказать Ефрему какой-либо помощи. Интересы русского правительства и Лазаревых разошлись.

События на рубеже 1809 и 1810 годов придали новое направление церковной борьбе. После смерти католика Даниела эчмиадзинский престол занял архиепископ Ефрем. Отныне вражда между Ефремом и Григорием могла привести к невыгодным для русского правительства последствиям. Неспроста поэтому один из видных государственных деятелей писал: «От самовольного его (Григория—Ж. А.) священнодействия может возродиться раскол между армянами»⁹⁸. Для осуществления своих внешнеполитических задач в Молдавии, Бессарабии и Закавказье царскому правительству было необходимо, во-первых, избежать этого раскола, во-вторых, опереться на поддержку Эчмиадзина. Всего этого надо было достигнуть, не потеряв ни Григория, ни Ефрема, так как оба они были нужны правительству. Власть взяла на себя инициативу примирить враждующие стороны. «Государь император,—писал государственный канцлер главнокомандующему русской Задунайской армией князю Багратиону,—повелеть мне соизволил уговорить Патриарха (Ефрема.—Ж. А.), чтоб он, по приезде в Эчмиадзин, согласил тамошний Синод на прощение Григория в вине его, коль скоро от него покаяние в прогрешениях принесено будет, и чтобы тогда благословили его на сам им занимаемый»⁹⁹. Таким образом, правительство не собиралось переводить Григория из Молдавии в какое-либо другое место.

Примирение состоялось в 1810 г. при посредничестве графа Голицына. После заключения в 1812 г. Бухарестского мира Григорий обратился с просьбой передать в его ведомство Новую Нахичевань, Григориополь и Крым¹⁰⁰. Однако Ефрем решительно выступил против этого. Лаза-

⁹⁷ Там же, папка 10, док. 56.

⁹⁸ Там же, папка 11, док. 123.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, док. 113.

ревы и идущая за ними крупная торговая буржуазия армянских колоний России добились своего: Григорий наконец был укрощен, а эчмиадзинский престол перешел к человеку, который тесными узами был связан с ними и фактически являлся послушным орудием в их руках. В связи с изложенным следует отметить, что после событий 1809—1810 годов вопрос об индийских товарах и 25-тысячной сумме перестал быть актуальным как для Лазаревых, так и для руководства армянской церкви. Стало быть, индийские товары и общественные деньги Григориополя служили лишь козырем в руках противников Григория и Давида.

Однако григоринопольская общественность не могла смириться с потерей этих денег и в 1819 г. вновь поднимает перед правительством вопрос о 25-тысячной сумме. Обращаясь в Коллегию иностранных дел (как помним, дело об общественных деньгах Григориополя в конце концов было передано именно туда), жители армянской колонии, помимо всего, затребовали сумму, вырученную за продажу индийских товаров. Но коллегия, разобрав прошение григоринопольцев, подтвердила уже известную нам резолюцию комиссии¹⁰¹.

После смерти в 1827 г. архиепископа Григория жители армянской колонии обратились к губернским властям с просьбой помочь им восполнить 25-тысячную сумму продажей недвижимого имущества покойного архиепископа¹⁰². На основании этого заявления вновь была создана комиссия по расследованию вопроса о денежных долгах Григория¹⁰³. Более того, летом 1829 г. губернская администрация предписала кишиневской городской полиции разобраться в счетах и долговых бумагах покойного. В свою очередь кишиневская полиция распорядилась начать следствие в присутствии архиепископа Нерсеса¹⁰⁴. Последний не возражал против расследования де-

¹⁰¹ Там же, папка 34, док. 192; там же, архив Лазаревых, д. 5, папка 103, док. 35.

¹⁰² Матенадаран, архив католикосата, папка 59, док. 618.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 25, лл. 172—172 об.

¹⁰⁴ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 9, папка 103, док. 99.

ла, однако он не поддержал ни дела католикоса Ефрема, ни требования григорипольской общественности о распродаже имущества Григория¹⁰⁵. В письме к обществу армян Григориполя Нерсес, хотя и запрашивает документы, относящиеся к истории 25-тысячной суммы, но вместе с тем дает понять, что лично он не в состоянии решить этот вопрос положительно¹⁰⁶. Вторая комиссия, созданная правительством для расследования претензий григорипольских армян, провела не более трех заседаний. В конечном итоге ее постигла участь первой комиссии: она также распалась. Члены комиссии (представители от Новой Нахичевани и Григориполя) разъехались по домам, а ее председатель вскоре после этого скончался¹⁰⁷.

Насколько нам известно, история 25-тысячной суммы последний раз привлекла внимание общественности Григориполя в 1845 г. В архиве католикосата хранится заявление Нерсеса Аштаракецци на имя Кишинево-Оргиевского окружного суда. Этот документ, датированный июнем 1845 г., свидетельствует о том, что григорипольский магистрат и дума заново поднимают перед местной администрацией вопрос о 25-тысячной сумме. На этот раз Нерсес (в рассматриваемое время он уже был избран католикосом) решительно выступает против претензий Григориполя и его жителей. Нечего ворошить прошлое — включает армянский католикос¹⁰⁸. В связи со всей этой историей запрашиваются два соображения. Во-первых, Лазаревы, которые были довольны исходом борьбы Даниила-Давида, уже активно не поддерживали Ефрема, желавшего удовлетворения просьб григорипольской общественности. Более того, они в 1829 г. уговорили архиепископа Нерсеса не проявлять настойчивости в распутывании этой темной истории. Во-вторых, начиная с 1819 г. инициатива в решении вопроса о 25 тысячах перешла в

¹⁰⁵ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракецци, папка 167а, док. 414; см. также ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, л. 93.

¹⁰⁶ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракецци, папка 166, док. 1215.

¹⁰⁷ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 25, л. 125 об.

¹⁰⁸ Матенадаран, архив католикосата, папка 116, док. 132.

руки отцов города. Здесь дело объясняется не столько тем обстоятельством, что со временем изменился состав магистрата (ведь именно он ранее поддерживал Григория), сколько теми новыми отношениями, которые стали складываться в рассматриваемое время в Григориополе между светской и духовной властью.

Общественная жизнь григоринопольских армян являлась своеобразным барометром тех отношений, которые складывались между торговой буржуазией и духовенством в армянских колониях России. Если в предыдущем параграфе данную проблему мы рассмотрели в общем плане на фоне церковной борьбы Даниила-Давида, то ниже она представится в ином аспекте: речь пойдет о более конкретных вопросах, сумма которых образует основные компоненты отмеченной выше проблемы.

Торговое купечество и духовенство армянских колоний и Григориополя, в частности, выделялось как богатством, так и своим положением, занимаемым в обществе. Необходимо отметить, что григоринопольское духовенство, наряду с городскими купцами, обладало огромным движимым и недвижимым имуществом, доходы от которого составляли солидную сумму. Так, только в одном Григориополе армянской церкви принадлежали два сада, трактир, восемь лавок и бойня. Еще большим богатством обладало церковное руководство армянских колоний. Архимандрит Григорий, ставший впоследствии архиепископом и предводителем молдаво-бессарабских и григоринопольских армян (с 1820 года), владел фруктовыми и виноградными садами в Григориополе, Хотине, Аккермане¹⁰⁹. Только четыре виноградных сада в Аккермане давали их хозяину более 3800 левов ежегодно¹¹⁰. Полученные от государства 2000 десятин земли архиепископ Григорий отдавал в откуп, что приносило ему в год около 5000 левов¹¹¹. Помимо всего, начиная с 1815 г., правитель-

¹⁰⁹ Там же, папка 59, док. 584, 618; ЦГА Молдавской ССР, ф. 1, оп. I, 2273, л. 40б.

¹¹⁰ Матенадаран, архив католикосата, папка 59, док. 584.

¹¹¹ Там же.

ство ежегодно выплачивало армянскому архиепископу из доходов Бессарабской области 6000 левов¹¹².

Обладая значительным капиталом, духовенство армянских колоний включается в активную коммерческую деятельность. Из многочисленных примеров приведем лишь два-три. Еще в 1794 г. в письме, отправленном из Екатеринослава к Григорию, архиепископ Иосиф Аргутинский просил переслать из Астрахани для распродажи в Григориополе и других городах Новороссии с помощью купцов шелковые бирманские шали¹¹³. Из письма трех григориопольских купцов католикосу выясняется, например, что церковь отдавала свои деньги армянским купцам Григориополя под проценты¹¹⁴. Под проценты шли также деньги (подавания), собранные из армянских колоний России¹¹⁵. Входя в непосредственный деловой контакт с купечеством Григориополя и других армянских колоний, духовенство брало под проценты займы у представителей крупной торговой буржуазии значительные суммы денег. Известно, что кредиторами Иосифа Аргутинского в свое время являлись Лазаревы, Манучаров, Бахшумов и другие¹¹⁶. В дальнейшем к помощи купцов армянских колоний обращался и архиепископ Ефрем. Григориопольский купец Иван Сатов постоянно снабжал его деньгами¹¹⁷. Таким образом, армянская церковь была связана с торговой буржуазией и зависела от нее не только потому, что она кормилась подавниями купечества армянских колоний и львиную долю своих доходов получала от своей паствы, нашедшей приют в разных странах¹¹⁸, но еще и потому, что между церковью и купечеством существовали тесные экономические узы: в Григориополе и других армянских колониях духовенство выступало уже как компаньон торгового купечества.

С другой стороны, на примере общественной жизни

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, папка 6, док. 65.

¹¹⁴ Там же, папка 88, док. 144.

¹¹⁵ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракци, папка 167а, док. 414.

¹¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 231—232, лл. 162, 230—231.

¹¹⁷ Матенадаран, архив католикосата, папка 21, док. 34.

¹¹⁸ В. А. Дилоян, указ. соч., стр. 260.

Григориополя мы можем подтвердить тот факт, что купечество армянских колоний, в свою очередь, нуждалось в поддержке и протекции церкви. Последнее объясняется тем обстоятельством (мы вынуждены этот тезис повторить), что в условиях, когда отсутствовала центральная государственная власть как на родине, так и в армянских колониях церковь выступала в роли центральной и общенациональной организации. Поэтому по всем вопросам (в том числе и по вопросам, входящим в компетенцию светских властей) общественность армянских колоний обращалась к церковному руководству, через которое осуществлялась связь между центральной властью и армянскими колониями России. Русское правительство использовало эту связь для распространения своего влияния на основную массу армянского населения, проживавшего как в самой Армении, так и за рубежом в армянских колониях. Этим можно объяснить то обстоятельство, что царизм проводил в отношении руководства армянской церкви политику задабривания, стараясь использовать его в своих интересах.

Связью армянского духовенства с правительством и местной администрацией прежде всего воспользовалось для продвижения своих дел торговое купечество армянских колоний и Григориополя, в частности. Стремясь расширить не только коммерческую, но и предпринимательскую деятельность, крупные григориопольские купцы (такие, например, как Иван Сатов) использовали церковь как посредника для получения звания российского дворянина и других титулов и чинов. Так, в 1810 г. архимандрит Манвел, обратившись к католикосу Ефрему, просил возведения Ивана Сатова в княжеский сан. В письме к архиепископу Нерсесу от 15 января 1815 г. он высказывал надежду, что последний не откажется от ходатайства перед католикосом для продвижения дел Сатова¹¹⁹. Спустя некоторое время те же духовные лица (Ефрем и Нерсес) способствовали тому, чтобы звание российского дворянина получили сыновья Сатова—Богдан и Николай. В документах, отображающих переписку князя Аргутинского и Христофора Лазарева (1829 г.),

¹¹⁹ Матенадаран, архив католикосата, папка 25, док. 91.

имеется на этот счет любопытное замечание. «Он желает (речь идет о Богдане Сатове.—Ж. А.), чтобы на основании сего документа утвержден был с братом своим (Николаем.—Ж. А.) и детьми их обоим в дворянском звании, но не знает, каким образом приступить к сему делу»¹²⁰. Это замечание еще раз подтверждает тот факт, что купечество армянских колоний, будучи занятым своими торговыми операциями и не имея контакта с правительственными кругами, нуждалось в людях, которые бы отстаивали его интересы перед правительством и местной администрацией.

Приведенное выше положение можно иллюстрировать следующими примерами. В конце 1815 г. григориопольский купец Богдан Сатов обратился к архиепископу Нерсесу с просьбой о ходатайстве перед местными властями для оформления передачи в руки купца на правах откупа земель князей Аргутинских. В своем письме к Нерсесу архимандрит Манвел в январе 1816 г. писал, что откупная цена этих земель равняется 1000 руб. золотом, но Богдан Сатов согласен выплачивать ежегодно 1200 руб. с тем расчетом, что 200 руб. явятся той платой за услуги, которая будет оказана ему Нерсесом и Манвелом. Поэтому последний предлагает Нерсесу скорее закончить это дело, чтобы ежегодно каждый мог бы получить по 100 рублей¹²¹. Спустя год-два тот же Манвел просит Нерсеса оказать услугу Богдану Сатову в приобретении двух деревень с движимым и недвижимым имуществом, подчеркивая при этом, что все расходы Сатов берет на себя¹²². В другом письме, говоря об этом же, Манвел особо отмечает, что в случае, если архиепископ добьется у властей оформления покупки, то за старания получит 500 руб. золотом¹²³. Стало быть, устранивая дела крупного купечества, духовенство присваивало кругленькую сумму, что видно не только на примере Манвела и Нерсеса, но и других духовных лиц. Так, еще в 1798 г. в письме к

¹²⁰ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 25, л. 279. Подчеркнуто нами.—Ж. А.

¹²¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 28, док. 142.

¹²² Там же, док. 151.

¹²³ Там же, док. 155.

Иосифу Аргутинскому Григорий просит архиепископа содействовать продвижению дел Хачика Сатова, давая при этом понять своему наставнику, что все расходы Хачик возьмет на себя¹²⁴.

Обобщив изложенное, можно прийти к выводу, что торговая буржуазия колоний нуждалась в армянской церкви не только потому, что последняя «являлась единственным связывающим звеном между ней и Родиной»¹²⁵, но еще и потому, что почти во всех делах купечества армянских колоний церковь выступала посредником между буржуазией, с одной стороны, правительством и местной администрацией,—с другой.

Противоречия между армянской церковью и торговой буржуазией, о которых речь шла выше, мы рассмотрим на конкретных фактах общественных отношений одной колонии—Григоріополя. Нашей целью является также показать на примере Григоріополя те новые тенденции, которые были характерны для взаимоотношений между церковью и торговой буржуазией в первой половине XIX века.

Освещая отмеченные вопросы, необходимо особо подчеркнуть, что церковная борьба Даниела-Давида в какой-то мере подрывала позиции церкви в армянских колониях России. Если до событий 1801—1804 гг. церковь бесконтрольно распоряжалась не только своими собственными финансами, но и активно вмешивалась в дела григоріопольского купечества, то с победой партии Даниела-Ефрема наблюдается уже иная картина. Так, в период правления архиепископа Ефрема оно фактически распорядилось и церковными суммами, пуская их в оборот, получая тем самым большую прибыль¹²⁶.

Частичному ослаблению влияния церкви в армянской колонии способствовало и то обстоятельство, что, как мы уже выше отмечали, в Григоріополе раньше, чем в какой-либо другой армянской колонии, купечество, выходя постепенно из национальных рамок, срашивалось с рус-

¹²⁴ Там же, папка 8, док. 82.

¹²⁵ В. А. Дилоян, указ. соч., стр. 260.

¹²⁶ Матенадаран, архив католикосата, папка 79, док. 2056.

ской торгово-промышленной буржуазией. Поэтому в первой половине XIX в. крупное торговое купечество Григориополя все чаще обращалось за помощью к своим собратьям по классу—Лазаревым. Таким образом, роль связующего звена между купечеством (и даже общественностью города) и правительственными и местными административными органами постепенно начинают играть сами Лазаревы.

Ослабление влияния церкви в армянских колониях России, в частности в Григориополе, привело к тому, что с каждым годом становились все более заметны противоречия между церковью и торговой буржуазией, в руках которых были сосредоточены командные посты колонии. Григориопольские купцы, чьи представители заседали в магистрате и думе, уже не могли смириться с тем, что церковь брала под свою личную опеку все стороны городской жизни. Так, документы, выявленные нами в архивных фондах Матенадарана, свидетельствуют о том, что архимандрит Манвел даже в период правления Ефрема стремился держать в своих руках все нити хозяйственной деятельности колонии¹²⁷. Григориопольскому купечеству особенно не нравилось то обстоятельство, что судебная власть в колонии фактически находилась в руках церкви. Это порой приводило к неприятным для церкви инцидентам, то есть дело доходило до того, что общественность колонии, подстрекаемая городскими властями, открыто выступала против духовного правления. Так было, например, в феврале 1817 г., когда городские жители, заявив, что они не желают подчиняться духовному правлению, захватили здания суда и правления¹²⁸.

Изложенное выше и особенно события, происшедшие в общественной жизни Григориополя в 30-х годах XIX в., позволяют нам сделать вывод, что противоречия между церковью и торговым купечеством армянских колоний перерастают в противоречия между светской и духовной властью. Они особенно обострились в период правления архиепископа Нерсеса Аштаракеци, являвшегося ярким приверженцем возвышения духовной власти.

¹²⁷ Там же, папка 23, док. 153, папка 25, док. 42, 55, 67.

¹²⁸ Там же, папка 31, док. 21 а, б.

Общественность Григориополя, намереваясь построить в городе церковь во имя Екатерины, собрала более 16 тыс. рублей. Для принесения прибыли с оборота эти деньги в 1829 г. были переданы григориопольским магистратом четырем купцам на проценты. Сделка была оформлена в губернском банке, который и выдал вексель сроком на три года. В 1832 г. срок векселя кончился, но с согласия купцов и магистрата он был продлен еще на год¹²⁹. Вся эта финансовая операция могла завершиться вполне обычно, если бы не вмешался начальник Нахичевано-Бессарабской епархии архиепископ Нерсес. Во-первых, в 1832 г. он потребовал от григориопольского магистрата переслать ему проценты с упомянутой суммы. Далее, он затребовал из Григориополя также и церковное серебро. Городские власти армянской колонии, надеясь, что выручка от продажи церковных ценностей опять-таки вернется в город и будет употреблена на строительство церкви, переслали Нерсесу в Кишинев 2 пуда и 6 фунтов серебра¹³⁰. Помимо всего, начальник армянской епархии собирался забрать и городские деньги Григориополя, употребив их на церковные постройки Кишинева¹³¹.

Действия Нерсеса, однако, этим не ограничились. В июне 1832 г. в письме к членам григориопольского магистрата Нерсес требует переслать к нему также основную сумму денег, предназначенную для строительства церкви в армянской колонии. Между начальником епархии и магистратом началась переписка. Магистрат армянского города в своих обращениях к духовному пастырю просил его не трогать эту сумму, не вывозить ее из города¹³². Нерсес, однако, оставался непоколебим. 1 июля 1833 г. кончился срок выплаты по векселю. Архиепископ написал григориопольским купцам предупредительное письмо. Но дело приняло иной оборот. Члены магистрата, думы и представители народа 11 апреля 1833 г. пригласили в здание городского суда упомянутых четырех купцов и

¹²⁹ Там же, папка 79, док. 278, папка 88, док. 144.

¹³⁰ Там же, папка 79, док. 278.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же, док. 205 а.

поставили перед ними ультиматум. Купцам было указано не слушаться Нерсеса, в противном случае они обязаны будут выплатить городу эту сумму в двойном размере¹³³. Григоріопольские купцы вынуждены были написать Нерсесу извинительное письмо, заявив пастырю, что они не имеют права разойтись со своим обществом и ослушаться воли городских властей¹³⁴.

Здесь важно подчеркнуть, что общественность Григоріополя поддерживала действия членов магистрата и думы, что придавало поступкам последних больше смелости и решительности. В письмах к своему пастырю григоріопольские жители особо оговаривали, что раньше все вопросы, относившиеся к городу, духовенство решало совместно с городскими властями, советуясь при этом со знатным купечеством колонии. Теперь же, продолжали они, если просьба горожан не будет удовлетворена, то они перестанут общаться с духовенством¹³⁵. Это уже напоминало форму ультиматума. Поэтому Нерсес квалифицировал заявление григоріопольского магистрата как явное вмешательство светской власти в дела духовенства. В своем гневном письме от 16 июня 1833 г. на имя членов григоріопольской думы и магистрата Нерсес, попирая истину, писал: «Дума и магистрат знают, что до сегодняшнего дня я не вмешивался в дела гражданских властей, а посему прошу, чтобы и они не притрагивались к делам церковным»¹³⁶. В этом же письме он подчеркивал, что «до сих пор ни дума, ни магистрат не вмешивались в финансовые дела церкви». «Будучи всегда разделенными,—продолжал армянский архиепископ,—гражданские и духовные власти не имеют права вмешиваться в дела друг друга»¹³⁷.

Нам неизвестно, чем закончилась изложенная выше история, что для нас и не столь существенно. Более важ-

¹³³ Там же, док. 205 г.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же, док. 205 б.

¹³⁶ Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракеци, папка 167а, док.

¹³⁷ Там же.

но констатировать тот факт, что в общественных отношениях армянских колоний России и Григориополя, в частности, проглядывают новые тенденции, заключающиеся в том, что внутри колонии имелись серьезные противоречия между светской властью (которая находилась в руках торгового купечества) и армянской церковью. Эти противоречия, однако, не получили своего развития. (Имеется достаточно много свидетельств о том, что власть церкви в Григориополе к середине XIX века еще была сильна¹³⁸). Если все же попытаться ответить на вопрос, чем объяснить отмеченное выше явление, необходимо вспомнить, что армянские колонии, и Григориополь в том числе, функционировали и развивались в условиях российской действительности. Поэтому социально-экономические отношения и общественная жизнь этих колоний была подвержена влиянию социально-экономического развития самой России, что в конечном счете привело к ликвидации армянского самоуправления (то есть фактически колоний) и замене последних армянскими общинами. Таково было действие объективного фактора. Но, рассматривая это явление, нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что ускорению изложенного процесса в значительной степени способствовала также внутренняя политика самодержавия. Таким образом, опасность ликвидации армянских колоний и ассимиляции армянского населения привела к сглаживанию отмеченных выше противоречий, что способствовало сплочению всех слоев армянского общества (быть может, за исключением лишь наиболее крупной торговой буржуазии) опять-таки вокруг церкви. Однако мы здесь должны оговорить, что отмеченные выше обстоятельства являлись одной из главных, но не единственной причиной того, что противоречия между светской властью и церковью в Григориополе и других армянских колониях России не получили в рассматриваемое время дальнейшего развития.

¹³⁸ Там же, док. 17; там же, архив католикосата, папка 116. док. 41.

Жители армянских колоний считали Россию своей второй родиной. В год тяжелых испытаний, когда в 1812 г. вся страна вела кровопролитную освободительную борьбу против захватнических войск императора Наполеона Бонапарта, общественность Григориполя охотно откликнулась на призыв католикоса Ефрема принять участие в кампании пожертвований, развернувшейся среди широких слоев армянского населения России. В приказе настоятеля армянской церкви Григориполя архимандрита Манвела подчеркивалось, что «каждый народ должен показать свою верность государству и родине». Обращаясь к духовенству армянской колонии, Манвел просил организовать сбор пожертвований на военные нужды¹³⁹. Он же распорядился, чтобы духовное правление города ежедневно совершало молитвы во имя победы над врагом. В этой связи григорипольский архимандрит писал: «В нынешнее время обязанностью всех нас должно быть горячим сердцем молиться за успехи и могущество его императорского величества. Поэтому приказываю в ваших двух церквях утром и вечером с усердием молиться за всемогущего бога, чтобы наш христолюбивый император победил своего врага»¹⁴⁰. Живое интересующееся ходом военных действий, жители армянской колонии пристально следили за сведениями, поступающими из центра России. Одним из информаторов явился архиепископ Григорий, в чьих письмах сообщались весьма подробные сведения о событиях Отечественной войны 1812 года¹⁴¹.

Свои патристические чувства общественность Григориполя и других армянских колоний России выявила не только в ходе войны 1812 года. Во время Крымской войны католикос Нерсес Аштаракецц отдал приказ руководству Российской епархии собрать деньги для русского морского флота в Севастополе. Только в нескольких

¹³⁹ М. Г. Нерсисян, *Отечественная война 1812 года и народы Кавказа*, Ереван, 1965, стр. 206—207.

¹⁴⁰ Там же, стр. 208.

¹⁴¹ Матенадаран, архив католикосата, папка 24, док. 22.

армянских колониях России (включая и Григориполь) к 23 июня 1856 г. было собрано 456 р. 09 к. серебром¹⁴².

Рассматривая вопрос об отношении общественности Григориполя к важным внешнеполитическим событиям в жизни русского государства в период первой половины XIX века, необходимо отметить, что для армянских обществ Григориполя и других колоний особое значение приобретают две войны: русско-персидская (1826—1828) и русско-турецкая (1828—1829). Первая из них должна была решить судьбу Восточной Армении. Однако на этот счет каждая из заинтересованных сторон (царское самодержавие и деятели армянского освободительного движения) имела свои планы.

Опыт 80-х годов XVIII столетия показал русскому правительству, что принятие Грузии под протекторат России был, хотя и вынужденным, но все же в какой-то степени ошибочным шагом, так как в результате этой акции еще более накалилась политическая ситуация в Закавказье. Впоследствии государственные деятели России вынуждены были признать, что «простая протекция, какую с 1783-го года давала Россия Грузии, вовлекла сию несчастную землю в бездну зол, которыми она приведена в совершенное изнеможение, а продолжение оной на тех же основаниях неминуемо ввергнет ее в совершенную гибель»¹⁴³. Поэтому после присоединения Грузии идея протектората России над какой-либо областью Закавказья являла собой уже вчерашний день истории. Кстати, это признавало само правительство, что видно из следующего документа, датированного 1810 годом.

«Государь император (Александр I.—Ж. А.) при возшествии своем на престол, заставши Грузию присоединенною к Российской империи, колебался вступить в действительное владение землей, которая по географическому своему положению не имеет прочного сообщения с Россиею, о чем тогда же разсуждено было в Совете. В самом деле, от сего первого шага зависели некоторым образом прочие подвиги за тем последовавшие, ибо природа

¹⁴² Там же, папка 181, док. 214.

¹⁴³ ЦГИА СССР, ф. «Непременного совета», № 1147, оп. 1, л. 22, л. 127—127 об.

назначила в Кавказском крае две приличные для России границы: первая, собственно называемая Кавказскою линиею, простирается на север от Черного моря до Каспийского по рекам Кубань, Малке и Тереку; вторая, естественная граница идет равномерно от Каспийского до Черного моря, на полдень по рекам Куре, Араксу, Арпачаю и Чорохе, прерываясь между двумя последними реками Араратским предгорьем.

Перешагнув за первую черту, должно было помогаться до последней»¹⁴⁴.

Таким образом, в ходе русско-персидской войны 1827—1828 гг. Россия собиралась аннексировать Армению и вовсе не брать ее под свой протекторат. Для осуществления своих замыслов русское правительство так же, как и в прошлые времена, обратилось к помощи деятелей армянского освободительного движения. В этой связи интересно отметить, что автор цитированного выше документа опасался последствий, «если персияне будут уметь воспользоваться охлаждением армян к взысканию Российского покровительства. По щастию нашему,— продолжает он,— до сих пор они умели только притеснять и грабить сию полезнейшую часть своих подданных»¹⁴⁵.

Деятели армянского освободительного движения, такие, как архиепископ Нерсес Аштаракец (находившийся в кампании 1826—1828 гг. в гуще событий), Христофор Лазарев, григорипольский помещик князь Константин Аргутинский и другие, в свою очередь, желали использовать создавшуюся в Закавказье военную обстановку для претворения в жизнь несбывшихся планов своих предшественников—Иосифа Аргутинского и Ивана Лазарева, то есть использовать русско-персидскую войну для создания отдельного армянского государства под протекторатом России. Исследователям этого вопроса хорошо известно, что еще не найдены письменные свидетельства, достоверно подтверждающие наличие изложенного выше плана. Изучая в Матенадаране в архиве Лазаревых переписку Константина Аргутинского, деятельность которо-

¹⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 508, лл. 2—3.

¹⁴⁵ Там же, лл. 15—16.

го, благодаря характеру и связям с Лазаревыми, Нерсесом Аштаракеци и другими, вышла за рамки Григориополя, нам удалось обнаружить документ, дополняющий сведения, изложенные в книге В. А. Парсамяна «А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения», и свидетельствующий, что, несомненно, в намерениях лидеров армянского освободительного движения было возрождение (хотя бы в принципе) плана Аргутинского-Лазарева. Необходимо оговориться, что представитель григориопольской общности—Константин Аргутинский, являясь близким и доверенным человеком Христофора Лазарева, был посвящен почти во все дела, касавшиеся Армении и армянского освободительного движения в Закавказье.

В письме к Христофору Лазареву от 25 ноября 1827 г. князь Аргутинский писал: «Между бумагами дяди моего (Иосифа Аргутинского. —Ж. А.) нашел род договора, который должен бы будто служить между двумя народами—русскими и армянами, полагая сие последнее политическое состояние восстановленным. Сия бумага, писанная рукою покойного дяди, очень любопытна по обстоятельствам, ибо в ней говорится о царстве царя Армянского, которого выбор предоставляется волею монархини премудрой. Мысль сия должна родиться, я полагаю, от гигантской мысли князя Потемкина. Теперь есть случай возобновить*. Северная Армения в руках наших: монастырь молит о здравии нашего императора Николая...

Сообразите мои замечания с обстоятельствами. Вы все должны ближе знать, какое направление даст правительство Северной Армении».

Этот документ, впервые введенный в научный оборот В. А. Парсамяном¹⁴⁶, не требует комментариев. Более определению о планах армянских деятелей говорится в другом письме Константина Аргутинского от 15 декабря 1827 года. «Возстановление политического бытия (Армении, —Ж. А.), —писал князь Аргутинский Христофору Ла-

* Здесь и в следующем документе подчеркнуто нами.—Ж. А.

¹⁴⁶ В. А. Парсамян, А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения (на арм. яз.), Ереван, 1947, стр. 146—147. См. также Матенадаран, архив Лазаревых, д. 51, папка 106, док. 97.

зареву,—было трактовано, как видно из договора, о котором я Вам писал. Случай удобный. Теперь наш Патриот* там о том же желает. Эта мысль основана на единственной пользе России, которая с двух сторон будет иметь твердую и верную ограду от нападений внезапных. Воображение мое воспламенено тем договором»¹⁴⁷.

Не остается сомнений в том, что основной целью деятелей армянского освободительного движения и, в первую очередь, целью Нерсеса Аштаракеци являлось создание после победоносного завершения русско-персидской войны независимого армянского государства, политическое устройство которого было бы основано на договорных началах с Россией. Вместе с тем этот документ свидетельствует и о другом. Григорипольская общественность и ее представители, связанные тесными узами с родиной, имели представление об основных направлениях освободительного движения армянского народа, интересовались событиями русско-персидской войны, оказывая своей стране посильную помощь. Так, тот же князь Аргутинский расспрашивал Христофора Лазарева: «Желательно знать,—писал он,—когда будет устроен Армянский гвардейский эскадрон, кто станет его командиром, какой наряд дается сему эскадрону? Все сии сведения для меня очень будут любопытны»¹⁴⁸. Другое письмо Константина Аргутинского свидетельствует, что григорипольская общественность знала даже о деятельности А. С. Грибоедова и глубоко сожалела о трагической гибели великого русского писателя и дипломата. «Весьма жаль Грибоедова,—писал Константин. Все наши сокрушаются о потере сего достойного мужа, далеко отстоявшего от родственника своего в отношении армян, по торговле прибегавших к нему и всякую защиту находивших»¹⁴⁹.

Таким образом, подытожив изложенное, следует отметить, что и на сей раз интересы царского правитель-

* Речь идет о Нерсесе Аштаракеци.

¹⁴⁷ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 51, папка 106, док. 102.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 25, л. 249 об.

ства и армянских деятелей, как и в 90-х годах XVIII в., не совпали. Царская Россия в силу изложенных выше причин не могла пойти навстречу чаяниям армянского народа, не могла она также понять интересы нарождавшейся армянской буржуазии. Поэтому в результате всего происшедшего архиепископ Нерсес Аштаракец—один из самых влиятельных и активных деятелей армянского освободительного движения периода русско-персидской кампании 1826—1828 гг.—был изолирован русским правительством, получив в 1828 г. распоряжение царских властей спешно покинуть Армению и выехать в Кишинев для принятия руководства Бессарабской армянской епархией. Не мешало бы в этой связи отметить, что после смерти архиепископа Григория (весна 1827 г.) оставшаяся без руководства Бессарабская епархия вовсе не предназначалась для Нерсеса. Более того, правительство хотело даже ликвидировать ее. Так, в августе 1827 г. министр иностранных исповеданий А. С. Шишков, исходя из воли царя, послал пастырю российских армян архиепископу Иоаннесу предписание, в котором просил принять армянские церкви Бессарабии в свое ведомство, учредив там по его усмотрению формы управления. В октябре того же года Иоаннес в письмах графу Палену и Шишкову сообщает, что «признал нужным учредить в Кишиневе по существующему по всей епархии моей в России порядку духовное правление под ведомством Астраханской армянской духовной консистории», с назначением (незвизрая на протесты бессарабских и григорипольских армян¹⁵⁰) архимандрита Геворка и протоперея Антона членами вновь созданного духовного правления¹⁵¹.

Царское правительство не ограничилось тем, что выслало архиепископа Нерсеса в Кишинев, оно еще установило над ним негласный надзор. В январе 1829 г. губернатор М. С. Воронцов получил из столицы следующее секретное предписание: «Распоряжения армянского архиепископа Нерсеса по духовным делам единоплемянников

¹⁵⁰ Матенадаран, архив католикосата, папка 55, док. 25.

¹⁵¹ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 5, папка 103, док. 278—279.

его за Кавказом живущих, а наипаче в Эчмиадзине, не во всем соответствуют предположениям правительства об армянском народе.

По сему уважению государю императору угодно, дабы Ваше сиятельство во время пребывания Нерсеса в Бессарабии имели наисекретнейшим образом бдительный надзор как за поведением, связями, так и за молениями его, поколику то возможно при соблюдении строжайшей осторожности, дабы он о существующем за ним надзоре не мог иметь сведения»¹⁵².

Посылая архиепископа Нерсеса в Кишинев, правительство одновременно хотело использовать его, как и других армянских деятелей, в военной кампании 1828—1829 годов. В марте 1829 г. граф Д. Блудов писал Нерсесу: «Вам ныне предстоит случай вполне оправдать доверенность правительства. Состояние армян в соседственных Бессарабии княжествах Молдавском и Валашском и в других турецких областях, занимаемых нашими войсками, требует особенного внимания, и для сего нужен человек, соединяющий с усердием к Престолу и отличное благоразумие и точные по сей части сведения. Вы... можете... способствовать не только успехам наших войск в открывающейся кампании, но и... посредством влияния Вашего на армян, обитающих в Европейской Турции»¹⁵³.

Русское правительство понимало, что деятели армянского освободительного движения с охотой согласятся сотрудничать с Россией в войне против Турции. В рассматриваемое время царские власти берут на службу Христофора Лазарева. Его основная задача, как можно заключить из переписки Х. Лазарева с Константином Аргутинским, состояла в том, чтобы склонить турецких армян и их руководителей на сторону России и собрать для русского командования агентурные сведения. Христофору Лазареву разрешалось набрать своих людей в Бухаресте, Кишиневе и Одессе¹⁵⁴. В выполнении отмеченной выше задачи большую помощь ему оказали жители и представители общественности григорнопольской коло-

¹⁵² ООГА, ф. 1, оп. 200, д. 58, л. 1.

¹⁵³ Матенадаран, архив католикосата, папка 63, док. 325 а.

¹⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 20, л. 1.

нии. Из переписки Христофора Лазарева с Константином Аргутинским явствует, что через последнего русское правительство намеревалось войти в контакт с константинопольскими армянами. Однако, поскольку прямые сношения с Константинополем через армянского патриарха и других доверенных лиц были крайне опасны¹⁵⁵, Константину Аргутинскому поручалось найти какой-нибудь приемлемый способ для пересылки в Турцию «воззваний и сообщений к турецким армянам»¹⁵⁶.

В этой связи 13 мая 1828 г. князь Аргутинский писал Лазареву: «Желая всеми средствами открыть сношение с нашим константинопольским патриархом, большим доверием пользующагося от двора Оттоманской Порты, я нашел новый путь к тому. В Венеции живет один из наших богатых армян—по прозванию Юсуфян, которого брат родной есть ближайший человек при египетском паше Мегмет-Али. Отправил я несколько экземпляров в Венецию и просил его, чтобы, удостоверясь из оных актов о милостях, изъявленных Государем на народ наш соплеменный, отправил бы он от себя к Патриарху и многим знаменитым армянам таковых тетрадей несколько: поскольку я знаю, что он с Константинополем по торговым оборотам в непрерывном сношении... Если мы и отзываемся от Патриарха не получим по опасению, то по крайней мере произведем в нем большую перемену в идеях, внушаемых сатрапами султана Махмуда»¹⁵⁷.

По поручению того же Х. Лазарева Константин Аргутинский занимался подбором надежных людей для сбора агентурных сведений в тылу неприятеля. Среди них были и жители Григориополя. «Из григориопольских армян,—писал князь,—я имею одного уже в примете. Человек сей способный, расторопный и знающий все языки, Вами требуемые, исключая греческого, который, по мнению моему, и не столь нужен. Он имеет во многих местах связи и сношения с людьми, живущими в главных городах Турции... Я его представляю к Вам лично, Вы с

¹⁵⁵ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 51, папка 106, док. 101.

¹⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, л. 67.

¹⁵⁷ Там же, л. 11—11 об.

ним сами переговоры и если найдете годными, то поручите ему все, что надобно по изъясненным делам, клонящимся к общей пользе»¹⁵⁸.

Результаты деятельности князя Аргутинского и его григориопольской агентуры были самыми отрадными. В марте 1829 г. Константин сообщал Христофору Лазареву: «Со дня получения известия о покровительстве России к армянам Патриарх в служении и народ тайно молят и провозглашают о царской фамилии. С осторожностью армяне всемерно успокаивают мусульман и доказывают им, что Российский император не воюет против Султана. Известия сии противоположны тем, кои разглашает Порта для воспламенения ополчений и черни»¹⁵⁹.

Письма К. Аргутинского, помимо того, что раскрывают общественную деятельность григориопольских армян в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг., одновременно являются ценным источником для изучения в рассматриваемое время вопросов, связанных с внутренним положением султанской Турции. Приведем лишь несколько выдержек. Так, в феврале 1828 г. князь Аргутинский писал: «Один из григориопольских армян... приехал недавно из Константинополя, откуда, яко подданного русского, выслали в 24 часа»¹⁶⁰. Ниже, в этом же письме автор поясняет причину высылки григориопольского гражданина. «Армяны многих,—подчеркивает он,—не уроженцев цареградских, высылают во внутрь Азии, боясь, вероятно, того же пламенного усердия к нашему Государю, как в Персии. Исключаются те только из них, которых Патриарх берет на свою ответственность»¹⁶¹.

Такое отношение султана к армянскому патриарху в Константинополе преследовало свои далеко идущие цели. Как верно подмечает Константин, «султан обращает благосклонность к Патриарху, также и внимание к армянам, чтобы более их привлечь [к себе] и удалить от содействия русским»¹⁶². В качестве примера к своим мыслям Аргу-

¹⁵⁸ Там же, л. 12.

¹⁵⁹ Там же, л. 23, л. 141 об.

¹⁶⁰ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 51, папка 106, док. 127.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, лл. 141—142.

тинский приводит следующий факт. «Армян католического исповедания гнетет правительство турецкое очень сильно,—констатирует он,—и сие обстоятельство, как пишут оттуда, многих заставило обратиться к своей церкви. Во уважение сего Патриарх дает за таковых свое поручительство, и правительство уже более не вынуждает к высылке»¹⁶³

Рассматривая историю армянского освободительного движения в Закавказье в период конца первой трети XIX в. и отголоски этих событий в армянских колониях России и, в частности, Григоріополе, необходимо отметить, что общественность армянской колонии была явно разочарована исходом русско-персидской войны. Константин Аргутинский, который, несомненно, выражал настроения григоріопольцев, в ноябре 1828 г. писал по этому поводу: «Действительно то, что правительство не воздало доселе ту справедливость, которую заслуживают наши соотечественники, столь много способствовавшие в блистательных успехах оружия Российского войска в войне с персами»¹⁶⁴. Ясно, что устами Аргутинского говорила нарождавшаяся буржуазия армянских колоний России, которая хотела иметь свою родину в лице отдельного армянского государства.

В заключение считаем нужным остановиться еще на одной стороне общественной деятельности григоріопольской армянской колонии. Речь пойдет о пожертвованиях крупных армянских купцов в общественный фонд города. На этой стороне вопроса можно было бы не заострять внимания, если бы не существовали два обстоятельства. Во-первых, являясь традицией, пожертвования некоторых богачей, в частности, и обязательное наличие указанного фонда в армянских колониях— в целом составляли одну из особенностей внутренней жизни армянских общин. Во-вторых, изучение истории отмеченного выше вопроса позволит нам ознакомиться с той новой формой общест-

¹⁶³ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 51, папка 106, док. 127.

¹⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 25, лл. 124 об.—125.

венной организации, которая возникла в григорнопольской армянской общине в начале XX столетия.

Как мы уже писали, 20 июня 1800 г. Иван Лазарев передал Петербургскому опекунскому совету письмо, в котором завещал Григорнополю 10 тыс. рублей*. Спустя несколько лет эта сумма составила уже 14 тыс. рублей. Деньги Лазаревых были пущены в оборот григорнопольскими купцами. Проценты с капитала Лазаревых, которые выдавались за год вперед, шли на расходы по содержанию школы и городской бедноты¹⁶⁵. Так, в 1828 г. поступило в приход 1668 р. 52 к. процентных денег, из коих на содержание школы было отпущено 720 руб., а на дотацию 67 бедных семейств пошло 948 р. 52 к.¹⁶⁶ По воле Лазаревых в 1823 г. их капитал из магистрата был передан в ведение городской думы¹⁶⁷. В дальнейшем эта сумма возрастает благодаря новым пожертвованиям. Так, по завещанию Катерины Минасян, скончавшейся в Калькутте, ее брат Элиаз Минасян должен был передать Григорнополю 2342 рупий¹⁶⁸. Наконец, в 1863 г. григорнопольский купец Алексан Андреасян передал в общественный фонд родного города 1550 руб., после чего капитал Лазаревых получил наименование «Лазарян-Андреасян»¹⁶⁹.

Капитал Лазаревых во второй половине XIX в. находился вначале в ведении городских властей, а затем — под контролем армянской общественности. И в том и в другом случае в управлении этим капиталом принимало участие три представителя армянского общества, которые должны были отчитываться перед народом о доходах и расходах упомянутой суммы. Однако после публикации 1 февраля 1879 г. нового законоположения по управлению городом капитал Лазаревых перешел в ведение вновь созданного городского управления. И армянская община,

* Завещание было составлено 8 июня. См. ЦГИА СССР, ф. 744, оп. 1, д. 66, л. 1.

¹⁶⁵ Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 127.

¹⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 23, лл. 28—29.

¹⁶⁷ Ы. Տեր-Ենիքյան, указ. соч., «Մշակ», 1912, № 25; см. также Матенадаран, архив Лазаревых, д. 36, папка 111, док. 127.

¹⁶⁸ Матенадаран, архив католикосата, папка 31, док. 53 и 72.

¹⁶⁹ Ы. Տեր-Ենիքյան, указ. соч., «Մշակ», 1912, № 25.

учитывая, что григоринопольский голова и почти все члены городского управления в рассматриваемый период являлись армянами, принимает на собрании решение, чтобы отныне более не выбирать из своей среды представителей, а избранный до этого постановления их доверенный человек должен был лишь в год раз ставить свою подпись под финансовый отчет. Такое положение сохранилось вплоть до 1904 г., когда по требованию армянской общины городское управление Григориополя стало вновь отчитываться в доходах и расходах названного капитала¹⁷⁰.

Во второй половине XIX в. общественный фонд Григориополя пополнился капиталами еще двух лиц. Отдельный капитал составило новое пожертвование Александра Андреасяна. В 12 пункте его завещания было написано: «Завещаю, чтобы двое именитых армян моего города взяли бы 1000 рублей из моего капитала для введения в оборот, проценты с которых передали бы на удовлетворение нужд армян Григориополя». Деньги Андреасяна длительное время находились в руках его наследников. В дальнейшем они перешли под контроль армянской церкви¹⁷¹. Другим григоринопольцем, который пожертвовал родному городу деньги, был Карапет Трдатян. В 1868 г. он передал армянской церкви св. Петра и Павла 925 рублей. Деньги были вручены купцам с целью доведения их до крупной суммы. В дальнейшем эта сумма была заново пущена в оборот с условием выплаты 12% со 100 рублей в год. Часть дохода капитала Трдатяна шла церкви, а другая часть — армянской бедноте Григориополя¹⁷².

На капитал из общественного фонда Григориополя было распространено постановление правительства от 12 июня 1903 г., в силу которого армянское церковное имущество передавалось казне¹⁷³. Закон 12 июня вызвал

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Ю. Сир-Ван-Ван, указ. соч., «Угзуг», 1912, № 26.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ ЦГАОР, ф. «Департамента полиции, особый отдел», 1903 г., д. 1360, лл. 1—2.

массовое волнение среди армян России. Под давлением армянской общественности царские власти вынуждены были в 1906 г. вернуть часть конфискованного имущества армянским церквам. Григориопольские армяне добились возвращения также общественных денег. Большое содействие в этом оказали члены вновь созданного в Григориополе армянского церковного попечительства.

История возникновения этой новой общественной организации армян Григориополя заслуживает внимания. 10 февраля 1904 г. григориопольская армянская община собралась на свое общее собрание, на котором члены общины выразили пожелание образовать при церкви св. Петра и Павла церковное попечительство. Посланный Главному управлению по делам местного хозяйства проект положения об этом был утвержден 1 января 1905 г. и 20 января того же года образовалось попечительство¹⁷⁴. Новая общественная организация, несмотря на свою церковную оболочку, в основном выполняла светские функции. В условиях, когда городская власть не находилась уже в руках армян, попечительство отстаивало интересы армянской части григориопольского населения не только перед городскими, но и губернскими властями. Одновременно с этим члены попечительства взяли на себя опеку армянских церквей, школы, некоторых общественных зданий и, главное, армянской бедноты.

Для того чтобы выполнить перечисленные выше задачи, необходимо было иметь прочную материальную базу. Поэтому уже на своем первом заседании 20 июня 1905 г. члены попечительства начали собирать денежные взносы. Однако такие пожертвования не могли удовлетворить потребности этой организации. На втором собрании члены попечительства ставят вопрос о передаче в их организацию всех денег и пожертвований, составлявших общественный фонд григориопольской армянской общины. В этой связи нашлось даже юридическое основание в виде 7-го параграфа первой статьи положения попечительства¹⁷⁵. Общее собрание армянской общины Григо-

¹⁷⁴ Խ. Տէր-Յնգրիւսի, указ. соч., «Մշակ», 1912, № 23.

¹⁷⁵ Там же.

риополя 27 сентября 1905 г. одобрило решение попечительства, на основании чего в октябре 1905 г. оно обратилось к Херсонскому губернатору с просьбой передать капитал «Лазарян-Андреасян» под контроль попечительства. Губернские власти удовлетворили просьбу армянского общества. В ноябре 1906 г. последовало распоряжение Херсонского губернского правления о передаче армянскому попечительству капитала Лазаревых в сумме 31 416 р. 43 к.¹⁷⁶

Вопрос о капитале Трдатяна и Андреасяна был решен намного проще. 31 августа 1906 г. попечительство приняло решение: просить общее собрание армянской общины об отделении от церковной суммы денег Трдатяна и Андреасяна и передаче их в ведение попечительства. Армянская община Григориополя на своем общем собрании 1 октября 1906 г. постановила об изъятии из всей церковной суммы 31,8%, что составляло вместе с капиталом Лазаревых 35 тыс. руб.¹⁷⁷ Создав, таким образом, материальную базу, армянское попечительство Григориополя развернуло активную деятельность.

Следует отметить, что сам факт возникновения этого попечительства свидетельствует о том, что, несмотря даже на ликвидацию колонии и самоуправления, общественная деятельность григориопольских армян не заглохла. Имея свою организацию и высший орган управления в лице общего собрания общины, армяне Григориополя еще долго сохраняли свое национальное и духовное единство. Великий Октябрь, покончив с национальным неравенством в стране, вывел и армян Григориополя из национальной скорлупы, объединив их вместе с молдаванами, русскими, украинцами и другими в дружную семью братских народов.

¹⁷⁶ И. Шп-бінрбулі, указ. соч., «*Взгляд*», 1912, № 27.

¹⁷⁷ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные этапы исторического развития Григоринопольской армянской колонии в своих главных направлениях совпадали с этапами развития других армянских колоний в России. Разница заключалась лишь в том, что те общие процессы, которые действовали в этих колониях, в Григоринополе проходили более ускоренными темпами, и результаты внутренней политики, проводимой царским правительством в отношении армянских поселений, сказались в Григоринополе скорее, чем в других колониях.

Приведенное выше соображение подтверждается всем ходом политического, социально-экономического и общественного развития Григоринопольской колонии. При этом особо следует отметить, что политическую и экономическую роль армянский город фактически играл только в первой половине XIX века.

В тот период, когда взаимоотношения между Россией и Турцией (конец XVIII столетия) достигли наибольшей остроты, правительство Екатерины II, основывая армянский город-колонню, намеревалось, превратив его в центр армянской епархии на юге России, а стало быть, и в главный центр армянских переселенцев, использовать Григоринополь в своих политических интересах. И действительно, в скором времени армянский город стал притягательной силой для турецких армян.

Однако после русско-турецких войн уже в первой половине XIX столетия политическое значение Григоринополя ослабло. Дело в том, что войны не только улучшили положение России в ее южных пределах, но и несколько отодвинули границы к западу, что дало возможность при-

соединить к России Кишинев. Этому городу и суждено было стать преемником Григориополя. Теперь внимание всех армян (турецких и даже григориопольских) было приковано к Кишиневу. Выгодное стратегическое и географическое положение, которое занимал город, а также наличие в нем многочисленной армянской колонии привели к тому, что именно Кишинев, а не Григориополь становится во второй четверти XIX столетия центром армянской епархии.

Как мы уже видели, в экономической жизни южного края России Григориополь в течение почти всей первой половины XIX столетия играл не последнюю роль. Однако он не оправдал надежд, которые правительство возлагало на него. Основывая на южной окраине страны армянский город-колонию, русское правительство мыслило его прежде всего как торговый город. Так это и было по крайней мере до конца первой трети XIX столетия. Но уже во второй трети века Григориополь потерял свое бывшее экономическое значение. Основная причина кроется в том, что в изучаемый период армянский город имел такого грозного конкурента, как бурно растущая Одесса. Новый торговый центр юга России притянул к себе почти все крупное купечество Григориополя.

Переселение крупного григориопольского купечества в Одессу и Кишинев было вызвано не только соображениями экономического порядка. Оно также являлось следствием тех социальных изменений, которые произошли в армянской колонии.

В изучаемый период и особенно на стыке XVIII и XIX столетий деятельность григориопольского магистрата и членов купеческой компании, направленная на установление экономического контроля над остальными слоями армянского общества, вызвала недовольство бедноты города и в конечном итоге привела к открытому выступлению низов против нарождавшейся армянской торгово-промышленной буржуазии. В основе этой борьбы лежал рост имущественной дифференциации и социального расслоения населения колонии, обусловленный дальнейшим развитием товарно-денежных отношений.

Вследствие этой имущественной дифференциации и социального расслоения торгово-промышленные круги

григоринопольского общества постепенно стали выходить из национальных рамок и переселяться в те экономические центры России, где обеспечивалось наиболее полное развитие их коммерческой инициативы. Поэтому вскоре григоринопольское купечество было вовлечено в общее русло экономического развития юга России, благодаря чему оно, почти полностью потеряв свое национальное лицо, вошло в состав русской торгово-промышленной буржуазии, образовав вместе с последней единый хозяйственный организм.

Эти глубокие социальные изменения и классовое расщепление григоринопольского общества и сближение торгово-промышленных кругов (особенно наметившееся после их переселения в Одессу и другие города России) с крупным русским купечеством способствовали проведению политики царизма, направленной фактически на постепенное уничтожение армянской самостоятельности в Григориополе.

После проведения в 60—70 годах XIX века буржуазных реформ исчезли последние остатки органов армянского самоуправления. И поэтому говорить о существовании в тот период армянской колонии, разумеется, нельзя. Но армяне сохранили в Григориополе свою общину, которая активно действовала до начала второго десятилетия XX века.

В годы Советской власти расцвели экономика и культура Григориополя. Сейчас так же, как и прежде, бок о бок живут и трудятся здесь молдаване и армяне, русские и украинцы. Сегодняшний Григоринополь почти ничем не напоминает тот, каким он был полстолетия назад. Сейчас в Григориополе функционирует крупный консервный завод, выпускающий 50 миллионов условных банок в год. По объему выпускаемой продукции он находится на 5 месте в Молдавии. На заводе работает 1200 человек. В Григориополе имеется также промышленный комбинат, добывающий местный строительный материал. Помимо всего, в Григориополе работает комбинат бытового обслуживания населения, функционируют гравийный и каменный карьеры, два многоотраслевых колхоза, доход каждого составляет около 2 миллионов рублей в год. В поселке имеется пять школ, больница на 160 коек, шесть

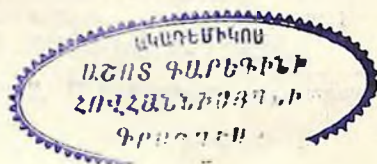
фельдшерско-акушерских пунктов, три дома культуры, широкоэкранный кинотеатр, четыре библиотеки и ряд других учреждений и организаций. Всего рабочих и служащих в Григориополе шесть тысяч человек и 2,5 тысячи колхозников.

В статье председателя Григоринопольского поссовета тов. Е. А. Ермолаева, опубликованной в августе 1967 г. в дубоссарской районной газете «Знамя Победы» в связи со 175-летием Григориополя, отмечается, что почти восемьдесят депутатов заботятся о том, чтобы с каждым днем все краше был поселок, чтобы с каждым днем все удобнее, интереснее и лучше жили григоринопольцы. И делают они это на совесть, с честью оправдывают доверие избравших их земляков. Кто же они? Самые обыкновенные люди. Хорошие производственники, коммунисты и беспартийные. Рабочие и колхозники, учителя и врачи, молдаване и русские, украинцы и армяне.

В поздравлениях—письмах, телеграммах, приветственных адресах, полученных григоринопольцами в дни юбилея,—масса наилучших пожеланий. И среди них часто повторялось: пусть поселок станет городом—большим, красивым, современным, индустриальным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая	
Предпосылки основания Григорипольской колонии	9
Глава вторая	
Основание и строительство колонии	28
Глава третья	
Социальные и правовые отношения в Григориполе	96
Глава четвертая	
Экономическая жизнь колонии	158
Глава пятая	
Общественная жизнь григорипольских армян	220
Заключение	271

ЖОРЕС АМБАРЦУМОВИЧ АНАНЯН

АРМЯНСКАЯ КОЛОНИЯ ГРИГОРИОПОЛЬ

*Печатается по решению ученого совета
Института истории АН Армянской ССР*

Ответственный редактор В. А. Дилоян
Редактор издательства С. М. Данцелян
Обложка К. К. Кафадарян
Техн. редактор М. А. Капелян
Корректор И. Г. Апкарян

ВФ 03332 Заказ 465 Изд. 2939, РИСО 1116, Тираж 1000

Сдано в производства 1/VII 1968 г., подписано к печати 10/II 1969 г.

Печ. л. 17,25, изд. л. 14,0, бум. л. 8,62, усл. печ. л. 14,2

Бумага № 1,84×108¹/₃₂. Цена 1 руб. 10 коп.

Эчмиадзинская типография Издательства Академии наук АрмССР

ԳԱՆ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0456530

Uoan.

688